

НОВАЯ НЕМИГА

литературная

№ 1 (2017)

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА. С 1999 ПО 2006 ВЫХОДИЛ
ПОД НАЗВАНИЕМ «НЕМИГА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

Учредитель и редакция журнала: ООО «Витпостер»

Главный редактор: АВРУТИН Анатолий Юрьевич

Редакционная коллегия:

Анатолий АНДРЕЕВ, Глеб АРТХАНОВ, протоиерей Павел БОЯНКОВ,
Алексей ВАРАКСИН, Иван ГОЛУБНИЧИЙ (Москва), Дмитрий ДАРИН,
Светлана ЕВСЕЕВА, Николай КОНЯЕВ (Санкт-Петербург),
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж), Владимир МАКАРОВ, Глан ОНАНЯН
(Москва), Виктор ПЕТРОВ (Ростов-на-Дону), Валентина ПОЛИКАНИНА,
Елена ПОПОВА, Иван САБИЛО (Москва), Валерий СДОБНЯКОВ
(Нижний Новгород), Владимир СКВОРЦОВ (Санкт-Петербург),
Александр СОКОЛОВ, Сергей ТРАХИМЁНОК, Юрий ФАТНЕВ,
Валерий ХАТЮШИН, Иван ЩЁЛОКОВ (Воронеж)

МИНСК

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ	ТАТЬЯНА ЖИЛИНСКАЯ. <i>Смотрю на небо. Стихи</i> 3
ПРОЗА	НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВА <i>Через смерть – в «звёзды». Рассказ</i> 8
ПОЭЗИЯ	МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ. <i>Король-Олень. Стихи</i> 16
	ЗОЯ КОЛЕСНИКОВА. <i>Там будет снег... Стихи</i> 19
	ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ. <i>Живу на свете торопливо. Стихи</i> 23
ПРОЗА	ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА. <i>Мальва. Рассказ</i> 27
ПОЭЗИЯ	ГАЛЫМКАИР МУТАНОВ <i>«Если казах, то родился на гриве коня...». Стихи</i> 37
ПРОЗА	АЛЕКСЕЙ ЯШИН. <i>Мадонна – 2005. Рассказ</i> 41
ПОЭЗИЯ	КОНСТАНТИН СПАССКИЙ. <i>Прошедшим годам. Стихи</i> 45
ПРОЗА	МИХАИЛ ЧВАНОВ. <i>Серебристые облака. Реквием (Окончание)</i> 48
ПОЭЗИЯ	АНДРЕЙ ДУШЕЧКИН. <i>Замкнутый круг. Стихи</i> 81
ПРОЗА	ЕВГЕНИЙ ТАГАНОВ <i>О личной жизни забыть. Главы из романа</i> 82
ПОЭЗИЯ	АННА ВАСИЛЬЕВА. <i>Я планету эту не предаю. Стихи</i> 124
ПРОЗА	МИХАИЛ СПИВАК. <i>Посланники смерти. Рассказ</i> 128
ПОЭЗИЯ	ВЛАДИМИР МАКАРЕНКОВ. <i>Смоленский часовой. Стихи</i> 131
ПРОЗА	АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ <i>Мальчишки песчаных карьеров. Новелла</i> 135
ПОЭЗИЯ	ЯКОВ ШАФРАН. <i>Зима без снега. Стихи</i> 139
ПРОЗА	СВЕТЛАНА КРЯЖЕВА. <i>Я очень хочу сказать: жук. Рассказ</i> 141
ПУБЛИЦИСТИКА	ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО. <i>Царство высокой духовной жизни</i> 149
ЧАСОВНЯ	Протоиерей ПАВЕЛ БОЯНКОВ <i>Исторические аспекты влияния церковнославянского языка на современный русский язык</i> 152

Издание безгонорарное

Адрес редакции: 220039, г. Минск,
ул. Чкалова, 38/1, тел. 220-20-40.
Для писем: 220005, г. Минск, ул. Гикало, 18-18.
E-mail: aavrutin1@gmail.com
Стильредактор Г. В. Ширкина.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации РБ.
Свидетельство о регистрации № 1348 от 03.05.2010.

Подписано в печать 10.02.2017. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,80. Уч.-изд. л. 10,00.
Тираж 1000 (1-й з-д 1–130) экз. Зак. № 39. Цена договорная.

Издатель ООО «ВИТпостер».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№1/98 от 02.12.2013.

Отпечатано в типографии ООО «Бизнесофсет».
ЛП № 02330/70 от 17.06.2015.

Пр. Независимости, 95/3-7, 220043, г. Минск.
Тел./факс: (017) 280 13 80 E-mail: boprint@tut.by

© «Новая Немига литературная», №1, 2017

Поэзия

Татьяна ЖИЛИНСКАЯ

Татьяна Геннадьевна Жилинская – старший преподаватель кафедры «Теория и методика преподавания искусства» Белорусского государственного педагогического университета, дипломант и лауреат многочисленных международных фестивалей и конкурсов в области литературы. Член Союза писателей Беларуси.

Живет в Минске.

Смотрю на небо

ТАЙНОЙ ИСПУГАНЫ

Тайной испуганы, шифры на имени.
Нежностью сдобрены, сбрызнуты инеем.
Вроде знакомы, а просимся заново
Выгадать прошлое, вымарав зарево.
Топчемся прежними, прячемся рыхлыми.
Скоро зима, жест летит во все стороны,
Глупое слово порывами сорвано,
Мятое действие тычется рыльцами
В ломкие линии скользкого вымысла,
В песню о сказке без рода и племени.
Чья-то печаль неопознанной высохла,
Где-то росток не пробился из семени.
Помощи просим у третьего лишнего.
Что там в ответ? Лишь молчание липкое.
В ярости рвём золотую соломинку,
Снова надеясь на времени логику.
Время приходит, и ... нет больше времени.
Грани размыты, обижены замыслы.
Прошлого тёплым дыханием греем мы:
Что-то осталось нам...

Что там осталось нам...

О НИХ

Не на день расставались – на миг, что зовётся жизнь.
Не клялись, но смотрели. Смотрели глаза в глаза.
Он давно, он давно в этом сердце безмолвно жил
И сначала всё время пытался ей рассказать...
Но она так боялась, боялась его терять,
Что сжимала ладошкой тревожное тик-так-так...
И сама пробиралась по рёбрам за рядом ряд,
И её поселение в сердце – заметный факт!
Тоже что-то сначала пыталась там петь и мыть...
Но зачем – если всё так понятно без всяких слов.
Он ей – мил. Боже, Боже, Ты видишь – он так ей мил!
А она – словно фея из самых волшебных снов.
Очень редко, но всё же, но всё же... по выходным
Получалось друга друга коснуться слегка рукой...
И тогда этот мир становился таким родным...
И тогда получали взаимно такой покой...
А потом расставались на миг, что зовётся жизнь,
С разным адресом, ритмом, стихами, судьбой, семьёй...
Не клялись, но смотрели... Смотрели в одно родство,
Расходились, снегами скрипя, шелестя листвою,
Пробираясь по рёбрам обратно в сердечный быт...
Защищая друг друга от сотни дурных тревог...
Завершая мотивы друг друга кадансом «быть»...
Боже, Боже – за что Ты не дал им один порог?
Так – и тысячам братьев, сестёр... не дано любить...

МИГ ПАДЕНИЯ

Нельзя её спасти – и падает в ладони
Бескрылым мотыльком наивная мечта.
Чуть-чуть знакомых нот в ранимом баритоне,
А дальше – лёгкий вздох...
И снова суета
Предвыборных столиц, пропущенных вокзалов,
Приличных пантомим и неприличных слов...
Её нельзя спасти, прости – она упала,
Оставив о себе обрывки сладких снов
О том, что лишь с тобой...
И там, где ты беспечен...
И там, где ты смешной,
И там, где только ты...
Притих внезапно мир простых противоречий,
Стремясь запомнить миг – падения мечты.

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Я знаю, что должно случиться,
Чтоб шаль упала бездыханно...
Стрелой к обрыву! Чёрной птицей...
Остановитесь, донна Анна!
И я была такой наивной,
Любила сердцем, кровью, кожей...
Банально, но скажу ещё раз,
Того, кто стал всего дороже.
Ему ткала из рифм узоры,
Хранила верность, локон, взгляды...
А он, чтоб избежать позора,
Готовил мне напиток с ядом.
Готовил мне...
А выпил вместо...
Да, так случается порою.
Ещё вчера – его невеста,
Сегодня – черною вдовою
С обрыва...
Стала птицей вещей...
Потом, застывшими у входа,
Мне рассказали наши вещи
Интригу злого эпизода.
Мои наивные дантесы...

Он клял меня за то, за это.
Напрасно гибла поэтесса
От слов незрелости корнета...
Зачем! О, слезы от обмана...
Холодный почерк преисподней.
О, донна, донна... Анна, Анна!
Чтоб убережь тебя сегодня
От края, пропасти, от шага...
Машу крылом, пером бликую.
Услышь меня, моя бедняга!
Пою, и значит – атакую:
О, вы – спесивые драконы!
Побаловались и – довольно!
Есть у меня свои законы:
Я не позволю сделать больно.
Мне не нужна сестра по крови,
Я не приемлю жертв напрасных...
Смотрите – четкий иероглиф...
Созвучье рифм, согласных, гласных.
Летят, готовые остаться
В её истерзанных порывах.
Вот так рождаются поэты!
В среде великих несчастливых.

САМЫЙ

Самый мой! Сыграй на скрипке....
Ты способен, ты талантлив.
Солнце доблестной улиткой
Виноградный гладит лист.
Ветер скрипнул у калитки,
Отступил, ступил, растаял
От твоей, глупыш, улыбки,
От того, что ты речист.

Словом клейким на бумаге,
С неожиданным подвохом:
Сочинил – и полетели
Над твоим предместьем в синь
Кони, люди – их портфели...
В небесах, поди, неплохо
Текста часть читает трагик
Для скучающих разинь.

Сослагательно немеют
Те, кто выглядел умнее.
В небе комик вместо солнца
Перематывает нить.
Узкоглазые японцы,
С любопытством берендеев
Мы вбираем у кофеен
Сумасшедшее «любить».

Вот оно – певуче, тонко!
Славно ты играешь, самый,
Покатав клубок по блюдцу,
Мир открыв очередной.
Все взлетевшие смеются,
Разобрав тебя на гаммы...
Ты потом придёшь сторонкой,
Грешный, нежный... Самый мой...

ЗНАЕШЬ

Знаешь, и правда, десяток конфет шоколадных
Скушать спеша, да забыть, что февраль – бесконечен...
В разных накидках: досадных, парадных, нескладных –
Я торопилась, стремилась, спешила беспечно,
Вот и успела – сломать непостроенный мир.

Будет весна... Кто-то верит, а я – за обломки.
Сжечь их, а может быть, просто оставить на память.
Знаешь, пою, а мой голос отчаянно-ломкий
Тает в краях непросушенного снегопада.
Знаешь, прости за один непродуманный миг.

Знаешь, весна... это все же, наверное, чудо.
Там есть надежда, а здесь – неизбежность болезней.
Здесь на причуду с дождями иная причуда:
Мокнувший снег, в феврале – он еще бесполезней.
В общем, зима оказалась не больше чем миф.

В общем, конфеты, коньяк... подешевле, со скидкой.
Ритм поменяю и этот... навязчивый имидж.
Знаешь, весной, вот куда бы поехать в накидках...
Дни отсчитаю и просто убью их. Увидишь,
Есть ещё место и мне в категории «мим».

Знаешь... ты знаешь... ты всё обо мне слишком знаешь...
Ловко обломки возьмёшь и отправишь на склейку.
Жуткий февраль, бесконечен, научен, журнален,
Где-то стащил у весны поливальную лейку,
А до неё ещё столько непройденных миль.

БОЛЕЗНЬ

И пелерины пополам с двойной ангиной,
И тихий возглас тут и там – мой милый, милый...
Тяжёлый выдох в тишине и запах крема.
И «быть» решает, что «не быть» – создаст проблемы.

Пустые рифмы, города, моря и скалы
Рождают миф «как долго я – тебя искала».
Потрогай пульс – я всё смогу, и даже это –
Кивнуть: «Не жди на берегу», – и кануть в лето.

Непритязательный мотив диктует, дышит.
Проявлен звёздный негатив – подсолнух рыжий.
Считает, шепчет, ворожит, стирая лица...
И назидательно молчит моя столица.

ГОРОШИНА

Вкатилась в дом печаль непрошеной
И погасила яркий свет.
Такая вредная горошина,
Что и принцессам скажет нет.
Дурнушка мелкая, досадная,
А тычет – будто бы родня.
Увы, теперь сплошной засадою
Меня бросают и бранят,
Мол, занесла её, порочную,
Мол, не сумела потерять...
А я её, подругу склочную,
Беру – и бережно в кровать...
Она там тихо пригорюнится
И долго жалобно сопит...
Конечно, с мелкою бирюлькою
Несложно сделать строгий вид!
А ты попробуй быть понятливей
И не обидеться сумей...
И принц ушел, мелькая пятками,
От этих простеньких затей...
Любить печаль – удел для избранных.
Таких не встретить на бегу...
И я тебя, моя горошина,
В перине грешной сберегу.
Теперь и ты... И ты, хороший мой,
Её убраться попросил...
Она сама... сама ... непрошеной.
И выгнать – веришь? – выше сил.

* * *

Я для чего-то задержалась тут,
А для чего – сама не понимаю.
Весну красивой книжкой издадут.
Пойду пройдуся до середины мая.
Открою резко предпоследний лист,
Прочту строку. Поверю – без обмана
Настроен самый трепетный регистр
Поэта, рифмоплёта, графомана...
Весна бежит по многовековой...
Трава растёт для новой чашки чая.
А я смотрю на небо – ничего...
Я ничего в себе не ощущаю.

ИГЛА

Извини, родимый мой, не смогла
Ни подшить подол, ни найти ключи.
Что в литом стогу я теперь игла,
По секрету кот на ушко мурчит.
А ему-то дело – блоху чесать
Да когтями цапать порыв руки.
Не ищи, настойчивый, сил не трать,
От беды рябиновой зарекись...
Ни вздохнуть мне, искренний, ни запеть,
Ни понежиться на твоих плечах.
Подняла свекровь вековую плеть,
По навету, яростно... «Ох и ах!»
Чтоб тебе судьба – земляная мгла,
Ядовитый дым, пылевой туман!..»
Ты не верь, доверчивый, не могла
Изменять тебе... ты не верь в обман.
Что теперь, растерянный, что теперь...
Извини, что голоса не подам...
Не найду ключи, не открою дверь,
Не сошью наряд, а останусь там,
Где надежды сгублены, где зола,
Где гречишным запахом выслан пол...
Забывай, доверчивый, те слова
Да к другой уткнись в расписной подол.
Той, что будет павою ко двору, –
Так зажмет кулак, засучит рукав,
Что в слезах свекровь помянет иглу
Как родную дочь между прочих пав.
Не нова история, не нова.
Выпей, горестный, да еще налей,
Разворошишь стог да поймешь – игла
Не родит тебе никогда детей.
Так зачем нашёл... колко – извини...
Крепко в пальцах сжал, до чего красив!
Прямо в сердце, знаю, теперь вонзишь
Из последних сил, из последних сил...

Проза

Наталья КОНСТАНТИНОВА

ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ – В «ЗВЁЗДЫ»

РАССКАЗ

Я давно ненавижу этого франта. И сегодня, когда на совещании мы сидели рядом, у меня внутри всё просто заходило от ненависти. Ишь, развалился, закинул ногу на ногу, выставил модный рыже-коричневый ботинок и вальяжно им покачивает. Его ничуть не смущает присутствие президента компании. А вот я волнуюсь, сию натянуто, весь поджавшись.

Конечно, куда мне до его уверенности. В свои 50 я простой секретарь, на совещаниях у главного босса всего лишь веду протоколы. А ему ещё не исполнилось тридцати, когда он стал начальником отдела. Молодая надежда фирмы! Потому и держится так свободно, сознает свою значимость. С делом-то он справляется, всегда такой сосредоточенный, полностью погружённый в работу. И при этом – с совершенно юным, мальчишеским лицом.

Почему-то он выглядит гораздо моложе своего возраста, и этим всех подкупает. Ну как не улыбнуться в ответ такому мальчишке, как ему в чём-то отказать? Вот и получается, что все его просьбы и распоряжения выполняются быстро и беспрекословно. А мне, чтобы получить необходимое для работы содействие, приходится говорить извиняющимся, заискивающим голосом, чуть ли не униженно умолять. Как будто я прошу о личном одолжении, а не о том, что мне положено в рамках моей компетенции.

Впрочем, какая тут компетенция? Большинство наших сотрудников, кажется, считает, что её у меня вовсе нет. Что то, чем я занимаюсь в рабочее время, нужно не фирме, а только мне, чтобы хоть как-то оправдать свою зарплату и даже своё существование. Да и правда, я каждый день ожидаю, что на моё место возьмут молодую длинноногую очаровашку. Не много удовольствия видеть перед собой пожилого мужчину среднего роста, с большими залысинами, «разбитыми» несколькими волосками, с оплывшими частями тела, годными только на то, чтобы нацеплять на них мешковатые мягкие брюки и бесформенные пуловеры тёмно-

коричневого и чёрного цветов. Между тем ничего другого, как выполнять секретарские функции, я делать не умею. Учиться чему-нибудь у меня нет ни возможностей, ни вдохновения. Да и силы физические уже не те, чтобы всё успевать. Потух я, давно потух. У меня впереди – беспросветная однообразная унылость без всяких перспектив.

А вот у него впереди – блестящие перспективы. Такой хороший старт, и так много времени в запасе. Он может стать крупным руководителем и, несомненно, им станет. Уже успел получить два высших образования! И пусть другие находятся под обаянием его мальчишеского взгляда, я чувствую в нём железную целеустремлённость и явные карьерные амбиции. И я его ненавижу. Яркий блеск его голубых глаз, цвет которых он так любит подчёркивать голубыми рубашками, джемперами и пиджаками, вызывает внутри меня вихрь и бурю. Моя кровь кипит, сердце гулко колотится, в висках пульсирует, всё тело дрожит от чувства соперничества. Но в то же время я понимаю, что безнадежно ему проиграл. Уж слишком неравные у нас позиции.

Всё изменилось бы, если бы я получил во владение компьютер. Не такой, какие стоят на каждом рабочем столе и почти в каждой квартире, за исключением жилищ самых убогих стариков. А один из таких компьютеров, которыми создаются таланты.

Творчески одарённые, незаурядные натуры были моей страстью с тех пор, как я начал осознавать свою, совершенно заурядную и непримечательную, личность. Я хорошо помню погожий октябрьский день, когда с группой мальчишек шёл из школы. Уже тогда полноватый, неспортивный и потому неуверенный, в этой группе я должен был исполнять роль подлипалы, которую снисходительно выделили мне ловкие «фартовые» сверстники. Они перебрасывались грубыми, пошловатыми, с претензией на взрослость шутками, которые я в немом восхищении ловил и над которыми хохотал до упаду. На таких условиях меня соглашались терпеть рядом с собой наши школьные «полубоги». Сейчас они пребывали в восторге от своего «остроумия» и пожирали мороженое, откусывая его большими кусками. Потому даже не заметили человека... нет, не приковавшего, а втянувшего моё внимание.

Я не заметил его одежды, возраста и черт лица. Только взгляд – совершенно отрешенный. Я ещё не видел ни у кого таких отсутствующих глаз, при том, что шел он уверенно и, по всему было видно, хорошо ориентировался в пространстве. Но смотрел куда-то вверх и немного назад, будто сконцентрировавшись на чём-то, что там находилось. Будто слушая доносившиеся оттуда звуки. Присмотревшись, я понял, что нижним краем глаз этот человек всё же следит за тем, что происходит вокруг. Но верхняя их половина каким-то непостижимым образом оставалась сфокусированной именно так, как мне сразу и показалось. Вверх и немного назад. Я безумно заинтересовался, что же он там видит или слышит, и даже забыл о мороженом, которое медленно начало таять и каплями стекать на землю и мне на куртку. «Смотрите, наш малыш весь перепачкался! Мамочка салфетку не повязала!» – резко толкнули меня жестокосердные сверстники. Их громкий хохот заставил меня вернуться в реальность и оторвать взгляд от удивительного незнакомца. Следуя своим обязанностям, я немедленно принялся «подхохатывать» нашим школьным «героям». «А я его знаю, того, на кого ты пялился, – важно заявил

один из них. – Мои предки с ним дружат. Это писатель ...». Он назвал довольно известную даже среди семиклассников фамилию.

Писатель... Человек, который создает миры и населяет их людьми, чьи судьбы вершит по своему усмотрению. Который нанизывает слова, как бусы на нитку, жонглирует ими, громоздит из них горы, заставляет журчать ручейками, греметь раскатами грома или излучать тепло и ласку, как солнышко. Внутри меня пробежал холодок восторга, по телу прошла сладкая дрожь, и я ощутил мучительную тягу к этому человеку, жгучее желание понять и почувствовать его душу и разум. Откуда у него такая власть?

С тех пор всякий раз, когда я встречал одарённых людей, я испытывал такие же чувства. Притяжение и страстное желание разгадать загадку таланта. На моём жизненном пути безнадёжной серости нечасто попадались блестящие личности. Окончив школу, я, следуя принципу наименьшего сопротивления, поступил на исторический факультет педагогического университета, где были рады получить в студенты парня. Я жадно глотал, просто «всасывал» книги о выдающихся людях, благодаря таланту оставивших след в истории культуры, науки и техники. Изучая описание их характеров и поступков, я силился выделить общее, то, что их объединяет. Мне всё время казалось, что на заднем фоне их «личностного рисунка» что-то встает, почти осязаемое. Изредка встречая в жизни талантливых поэтов, композиторов, математиков, «проходя, не поднимая глаз, по краешку их судьбы», я снова и снова вглядывался в их лица и всегда отмечал этот взгляд – вверх и немного назад.

Влюбившись в одарённых людей, создающих что-то своё, выполняющих дело чётко, уверенно, с вдохновением и филигранным мастерством, сам я оставался на той же ступени в иерархии человеческих отношений – был подлипалой. Я «подлипал» к сильным, уверенным индивидам, становясь элементом их окружения, как и в школе, – ловил их шутки, изображая восторг, превозносил их поступки. Так было, когда я учился в вузе, когда затем недолго работал младшим научным сотрудником в НИИ и когда устроился в отдел кадров одной организации. В 35 лет я вновь столкнулся на жизненном пути со своим бывшим одноклассником из числа школьных «полубогов», к тому времени успешно руководившим собственным бизнесом, и опять «подлип» к нему. В итоге он сделал меня своим секретарём. На этой должности я и «тлел» уже 15 лет с весьма умеренной зарплатой, а мой босс превратился в президента крупной компании.

В этот вечер я сидел в кафе, по обыкновению, один. семьёй я не обзавёлся. Во-первых, моя полная фигура, невыразительное лицо и ранние залысины не располагали к пробуждению романтических чувств. Во-вторых, если иногда мне и удавалось привлечь слабое внимание дамы путём восхваления её красоты, его у меня быстро перехватывали более сильные и уверенные мужские особи, и все мои панегирики меркли перед их харизмой. Впрочем, изредка я встречался с женщинами, имеющими сильно развитый материнский инстинкт, которые находили удовольствие в том, что жалели меня. Но так как и в сексе я был очень неуверенным, то даже они не выдерживали меня долго и впоследствии всегда стыдились наших кратковременных отношений. Друзей для меня тоже не нашлось. Ведь в мужских компаниях принято похвастаться своими победами над женским полом, а в этой области я ни с кем не мог быть на равных. И ни на одном профессиональ-

ном поприще я никак себя не проявил, чтобы меня уважали и ценили и интересовались мною из-за деловых качеств.

Я медленно пил кофе и думал о голубоглазом франте. Его как раз недавно назначили начальником отдела, и во мне зародилась ненависть. Удивительно, что его возвышение я воспринял так остро. Неужели этот чересчур удачливый молодчик гальванизировал мою почти мертвую, привыкшую сдаваться без боя личность? И впервые за всю жизнь, наполненную унижением, подчинением, прозябанием, во мне начал рождаться протест против такой судьбы?

Из пучины размышлений я вынырнул, увидев нового посетителя кафе, усаживавшегося за соседний столик. Это был он – один из предметов моей страсти. Человек со взглядом вверх и немного назад. Несомненно, представитель племени талантов. Он пришел со спутницей, красивейшей девушкой лет двадцати. Девушка просто блистала природной свежестью. В её глазах выражались и во всех движениях сквозили задор, молодая энергия и кокетливость нрава, которые были соединены с очаровательностью черт. Сев за столик, она принялась оживлённо болтать, весело смеялась и то и дело меняла позы, грациозные и немного игривые. Рядом с таким созданием я просто растёкся бы сладкой патокой, от удовольствия и подобострастия превратился бы в масляный блин. Однако ее спутник, мужчина хоть и намного старше её, вовсе не был ею всецело захвачен. Нет, он не оставался совершенно равнодушным и вполне живо контактировал со спутницей, но не отдавался этому полностью. Часть его души, так же как и взгляд, сохраняли отрешённость.

Моя мучительная тяга к подобным людям вспыхнула с новой силой, желание разгадать их достигло степени накала.

Расплатившись по счёту, я почти выбежал из кафе. Страдая от одышки, я старался как можно быстрее добраться до дома, потому что мне казалось, что внутреннее напряжение вот-вот разорвет меня. С трудом попадая ключом в замочную скважину, я открыл дверь квартиры. Даже не умывшись и не почистив зубы, наскоро переоделся и бросился в кровать, надеясь расслабиться. Но это у меня не получилось. Сердце в бешеном темпе гнало по сосудам кровь. Руки и ноги дрожали от возбуждения. Любая поза вскоре становилась неудобной, и я лихорадочно ворочался. В горле сильно пересыхало, часто приходилось вставать и идти на кухню, чтобы попить воды. Проходя мимо зеркала, я бросал на себя взгляд и видел, что моё лицо блестит от пота. По этой же причине пижама стала влажной.

В таком состоянии я пребывал до трех часов ночи. Простыня в постели вся измялась. И вот, когда я дошел до пика стресса и мне показалось, что больше я ни мгновения не выдержу, темнота ночи раздвинулась и полился голубой свет. От этого света исходила такая любовь, какой я не испытывал по отношению к себе даже со стороны родителей. Любовь проникла в меня и наполнила, я чувствовал, что каждая клеточка моего тела, каждая моя мысль и эмоция – предмет любви. Я ощутил невыразимый восторг и неопишемую сладость. Затем в моём мозгу сама собой появилась информация.

«То, что ты хочешь узнать, – большая тайна, но тебе решено её открыть. Тебя не зря удивлял и притягивал взгляд одарённых людей. Они действительно смотрят не совсем в ваш мир. Они смотрят в компьютер. Компьютер присоединён к ним

в параллельном мире. Именно компьютер – у каждого свой – делает их талантливыми.

Этот компьютер – не такой, как изготовленный человеком, во многом схематичный и способный действовать только по заложенным программам. Этот компьютер создаёт новое. В нём живут и управляют им компьютерные боги. Они исполняют желания владельца компьютера, но только направленные на творчество. Владелец «загружает» в компьютер свои мысли, чувства, пускай даже смутные, и информацию из человеческого мира. На этой основе компьютер создает произведения искусства, научные теории, схемы предметов техники.

На то, чтобы делать заказы компьютерным богам, нужно иметь право. Это право человек заслуживает одной или даже несколькими жизнями, предшествующими воплощению, для которого ему выдадут компьютер. Жизнь должна быть наполнена служением талантливым людям, мечтами о творчестве, трудностями, печалью. Человек не может быть счастливым и испытывать много радости. Ты своей жизнью почти заслужил компьютер. В этом воплощении ты совсем не получил счастья, не узнал радости побед, но не ропщешь на свое подчинённое место. Ты смирился с горечью своей невыявленности в мире и всю жизнь несёшь этот крест. В то же время твоя душа принадлежит одарённым людям, ты преклоняешься перед талантом. Тебе осталось только дожить так, как ты жил до сих пор. А это еще около двадцати лет. Пройдя через смерть, ты получишь компьютер писателя и в следующем воплощении станешь «звездой».

Льющаяся из голубого света любовь успокаивала и поддерживала меня, и я не чувствовал потрясения. А может, всей предыдущей жизнью я был подготовлен к чему-то подобному. Мысленный контакт с Кем-то или Чем-то и полученную информацию я воспринял совершенно спокойно, будто в прекрасной полудрёме. Из всего, что я узнал, мое сознание выделило слова: «ещё 20 лет». «Так долго», – подумал я и спросил: «А нельзя получить компьютер раньше, уже в этой жизни?»

– Это очень сложно. Для этого нужно самоутвердиться в параллельном мире, чтобы часть твоего сознания могла обитать там, как это происходит со всеми одарёнными людьми. Сейчас предназначенный для тебя компьютер находится в нерабочем состоянии, боги в нём спят. Если их преждевременно разбудить, тебе сразу придётся вступить с ними в схватку. Компьютерные боги – не такие, какими люди привыкли представлять себе богов. Их нельзя разжалобить, умолить. Им можно только доказать – доказать своё право их беспокоить. Они ничему не верят, но ценят талант. Талант же в том, чтобы не поддаваться их внушению. А они сразу станут внушать тебе, что ты умираешь.

Это будет просто иллюзия смерти, но они обладают большой силой внушения. Ты почувствуешь страх и тоску приближающегося конца. Твои руки и ноги ослабеют, глаза застит мрак, слух откажет. Ты перестанешь ощущать своё дыхание, тело и вообще что-либо в физическом мире. И в этот момент необходимо не потерять сознание, сохранить активной какую-то его часть, поверить: «Я – есть, я просто есть, независимо ни от чего!» Тогда эта активная часть сознания переместится в параллельный мир, и ты докажешь, что твоя личность достаточно сильна и не растворяется от соприкосновения с ним. Достичь этого можно только одним способом. Испытывая ощущения смерти, нужно чистым усилием воли заставить

себя смеяться над компьютерными богами и их ложными внушениями. Лишь безудержно хохоча, возможно перепрыгнуть пропасть, разделяющую миры.

– А если я поверю внушению, я умру?

– Нет. Компьютерные боги не властны над физической жизнью и смертью, но твой разум станет их игрушкой. Они – как дети: любопытные, беспечные, жадные до всего нового, неутомимые в стремлении как можно больше изучить и исследовать. Компьютерным богам необходимо всё время удовлетворять свой интерес. Им интересно сотрудничать ради творчества с владельцами компьютеров. Но если они увидят, что твоя личность слаба и как сотрудник ты неинтересен, после того как их разбудили, им останется находить удовольствие другими путями. Они обожают строить разнообразные графики и геометрические тела, которым в вашем мире соответствуют человеческие мысли и эмоции. Самые интересные графики, со множеством экстремумов функции, и самые удивительные геометрические тела получаются, когда человек испытывает стресс. Компьютерные боги будут внушать тебе ужасающие видения и наслаждаться, преобразовывая твои страдания в математические построения.

Поддерживавший мои силы голубой свет погас. Мгновенно почувствовав себя изнеможенным, без всяких мыслей я тут же уснул.

После полученного мной откровения моя жизнь потекла прежним чередом. Да, мучившая меня загадка разрешилась. В глубине души я гордился тем, что высшие силы сочли меня достойным, чтобы вступить со мной в контакт. Но ведь этого никто не знал. Для окружающих я оставался немолодым, ничем не примечательным субъектом, не заслуживающим внимания и какого-либо особого отношения. На работе меня по-прежнему снисходительно и с пренебрежением терпели. А вот голубоглазый франт демонстрировал всё новые успехи на служебном поприще. И моя ненависть к нему разгоралась.

Эту ненависть подогревало его обращение со мной. При встрече со мной он не здоровался первым, как это следовало бы из нашего возрастного «расклада». Услышав моё почтительное «Здравствуйте!», он едва бормотал: «Здравствуй», – точно жалея тратить на меня голосовое усилие. При этом он заметно старался отстраниться от меня, будто я был старым ветхим шкафом, который, если его задеть, сразу развалится и взметнувшаяся пыль и щепки испачкают безупречную одежду франта.

Я стал часто задумываться о будущем. Что меня ждёт? Как мне сообщили, остаётся «дожить» ещё около двадцати лет. Легко сказать – дожить. Двадцать лет – совсем немалый срок. Особенно, если учитывать, что это время упадка жизненных сил. Нынешнюю работу я, несомненно, скоро потеряю. Прошлые навыки, весьма скудные, я давно забыл. Что я стану делать? Нищенствовать? Я с трудом мог это представить. Конечно, возможно, соответствующим службам удастся пристроить меня каким-нибудь дворником. Буду я вставать ни свет ни заря, возиться в грязи и мусоре на самой нижней ступени социальной лестницы. В то время как мой недруг продолжит по ней подниматься и, вероятно, вскоре займёт пост заместителя президента компании. Эта мысль терзала меня.

Мне поставили в заслугу, что я смирился со своей убогой ролью, но это оказалось не совсем правдой. Раньше – да, так оно и было, я смирился. Но только до тех пор, как в моей душе поселилась ненависть.

Кроме того, мне было просто жаль себя. Ведь я тоже человек. Моя мать рожала меня в муках, а когда после рождения меня положили ей на руки, она посмотрела на меня с любовью и всей душой пожелала мне счастья. Но счастья, как и было сказано, я не получил ни капли. И пусть в следующем воплощении я стану писателем, «звездой», но это будет уже другой человек. А что произойдет с тем, кем я являюсь сейчас?

Моё несчастное тело, всегда съёженное, напряжённое, мучительно ощущающее земное притяжение, просто истлеет, так и не узнав, каково это – гордо распрямиться, ощутить адреналиновую эйфорию. Мои надежды, порывы и робкие зачатки чувств просто исчезнут – ни для чего, не оставив никакого следа в мире. Меня ждёт унылое угасание, пока мой недруг, удачливый и в матримониальной сфере, будет упиваться счастьем.

Сегодня я испытал очередное очень сильное унижение от предмета своей ненависти. Мне понадобилось получить его подпись в одной ведомости. Не обладая достаточным весом в компании, чтобы вызывать его к себе, я сам побрёл в его кабинет. Когда я пришел, он разговаривал по телефону и, увидев меня, не прервал своего занятия. Сесть он мне не предложил, а сам сделать это я не решился.

Франт беседовал со своей женой. Он неспешно и в подробностях обсуждал с ней бытовые вопросы, осыпал её ласковыми прозвищами, не обращая внимания на моё присутствие. Я стоял крайне смущённый, сгорбившись, переминаясь с ноги на ногу и чувствуя себя особенно несчастным от тесного соприкосновения с чужим благополучием. Франт решал по телефону свои личные дела еще минут 20. Всё это время я смиренно ждал. Моя ненависть к нему достигла апогея.

А между тем я мог бы превзойти его, будь у меня компьютер! Молодчик – хороший организатор и толковый управленец, но творческими способностями не обладает. Компьютера у него нет. Если бы я стал знаменитым писателем, я бы успел восторжествовать над ним по многим жизненным позициям.

Решено. Пан или пропал. Я должен попытаться получить компьютер.

...Уже пять лет я живу в сумасшедшем доме. Я рискнул вступить в схватку с компьютерными богами и проиграл. Когда они стали внушать мне, что я умираю, я поверил и потерял сознание. Им завладели компьютерные боги. Мой разум стал сценой, на которой они устраивают свои представления, одно чудовищнее другого.

Я вижу, как в мое тело впиваются клыки монстров, более отвратительных, чем «Чужой»; как безобразные механизмы разрывают меня на части металлическими крюками; как меня распиливают, сдирают с меня кожу; как на меня бросаются гниющие трупы. Я вижу ещё много ужасающих картин, которые нельзя описать человеческими словами, но которые способен продуцировать компьютер из параллельного мира. И я верю всему, что вижу. В действительности с моим телом ничего не происходит, я не испытываю боли, и мои физические чувства не слабеют. Но я постоянно охвачен всепоглощающим страхом. Я цепенею от ужаса, а потом моё сердце начинает выпрыгивать из груди. Мои глаза вытаращены и непрерывно вращаются, следя за калейдоскопом картинок, в них застыло дикое выражение. Чтобы чуточку расслабиться и хоть немного поспать, я глотаю кучу таблеток, мне колют сильнодействующие препараты, от которых у меня аллергия, и я весь покрылся язвами. Конечно, медикаменты никак не влияют на параллель-

ный мир, мои галлюцинации не прекращаются. Всё же иногда на меня нисходит отупение, я даже ненадолго засыпаю. Но стоит мне открыть глаза, терзания моего разума возобновляются.

Я не могу сделать целенаправленное движение, даже самое простое. Стоит мне хоть чуть-чуть сконцентрироваться на усилиях, как компьютерные боги рисуют линии своих графиков и мои руки и ноги немедленно начинают дрожать от страха. Я совершенно раскоординирован и неспособен обслуживать себя. Это приходится делать работникам сумасшедшего дома, чем они очень недовольны – ведь у меня нет близких родственников, которые бы им за это дополнительно платили. Свои небольшие сбережения я на эти цели давно потратил. Так что ухаживают за мной с ругательствами и пинками.

С работы меня уволили, как только узнали, где я нахожусь и в каком состоянии. Но не думаю, чтобы кто-либо из сотрудников компании, даже тот, кого я считаю недругом, испытал по этому поводу злорадство. Я был для них слишком ничтожен, чтобы вызывать такие чувства. Скорее всего, они просто подумали, что здесь мне самое место, чтобы я не обременял своей никчёмной личностью тех, кому за это не платят. Насколько я знал, наша компания процветала. Голубоглазый фронт давно стал заместителем президента и его главным советником и, несомненно, не без оснований нацеливался на роль преемника.

Итак, во скорбях протекали мои дни. Но вот в один из них что-то внезапно изменилось.

Когда на меня «прыгал» очередной монстр, я вдруг будто увидел себя со стороны – бледного, дрожащего, с вытаращенными глазами и перекошенным лицом. И – неожиданно мой вид показался мне забавным! Я улыбнулся! Когда я осознал, что произошло, то даже не сразу смог в это поверить. Кажется, я отнесся юмористически к своим страхам? Ведь засмеяться над ними – именно то, что у меня не получилось во время испытания. С тех пор такие моменты стали повторяться всё чаще. Я был поражён. Неужели я начал выходить из-под гипноза компьютерных богов? Неужели моя всю жизнь угнетенная личность оказалась настолько сильной?

За полгода моё состояние значительно улучшилось. Галлюцинации не прекратились, но я научился на них почти не реагировать. Какие бы жуткие картины ни рисовались в моем мозгу, я просто зевал. Дозу медикаментов мне существенно снизили. Я даже начал подумывать о повторном испытании. Может, мне дадут ещё один шанс, и я докажу свою состоятельность перед параллельным миром?

...Это свершилось! Мне назначили время повторного испытания, и этот момент настал. Душу наполнили чувства вселенского одиночества и отчаяния. Тело охватила противная слабость. Голова закружилась, ноги подогнулись, в глазах потемнело. Но я окинул мысленным взглядом последние пять лет, когда я терпел издевательства со стороны двух миров... Подумал о ненавистном фронте с яркими голубыми глазами... И с диким хохотом бросился в смерть.

Поэзия

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Король-Олень

СТАРОЖИЛ

Переливчатые сети
С чуть живым серебрецом
Выбирали на рассвете
Вместе с бойким мертвецом.

Шуки щёлкали зубами,
И мелькали пескари...
Он проснулся вместе с нами
В зыбком холоде зари.

Вольный пахарь, знахарь чуткий
И последний старожил,
Всё он сыпал прибаутки,
Над водою ворожил.

Был он озера хозяин
И владелец челнока.
Плыл и плыл, судьбой измаян,
В баснословные века.

И какой-то общей тризной
Тёмных заводей, лесов
Веял лик иконописный,
Откликавшийся на зов.

Спорил с нами, суетился
И не знал, что он – мертвец,
Вдруг за сердце ухватился,
Сел и умер наконец.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

У ограды заветного сада
Никогда не кончалась война,
И внезапных объятий отрада
Приходящим бывала дана.

Как толпа ожидала, бродила,
Гомонила, кричала, росла,
Как былое тоска бередила
И не знала утратам числа!

Шли с потомством на эти свиданья,
И неожиданной невстречи печаль,
И тревожный восторг узнаванья
Утекли в невозвратную даль.

Как они ликовали, рыдали
И своих узнавали во всех!
А потом отзвенели медали
И растаяли слёзы и смех.

Костыли, серебристые пряди,
И припев, и немые уста...
Это всё оттеснила к ограде,
Растворила в себе пустота.

Далеко и ещё недалече
Эта повесть живого родства.
Я застал эти поздние встречи,
Эти поиски, эти слова.

СТАРУХА

Жить трудно в левантийском ритме
От Белоруссии вдали.
В меня взглядевшись, говорит мне,
Как бы стесняясь: «Нас пожгли!»

Совсем седа, но бледность кожи,
Недоуменный детский взгляд.
Что дочери она моложе,
Что остановлен день, твердят.

Ведь это небо с чёрным дымом
И детство – всё невдалеке.
Слежу за взглядом нелюдимым,
Целуя цифры на руке.

* * *

Вечно в Ченстохов и в Брамю
К Богоматери народ
К ослепительному храму
Перекатами течёт.

И всегда под гул хорала
Возникавшая извне,
Эта скрипочка звучала,
Отзываясь в стороне.

Смоляной трягнувши гривой,
Так смычком водил скрипач,
Что смягчался век гневливый,
Разливался смех и плач.

И унёс холсты и кросна,
И корчмы развеял чад
Осени золотоносной
Незабвенный листопад.

Эта жизнь горчайшим дымом
Удалилась в облака,
Звуком став неистребимым
В сердцевине языка.

В мураве и горчицвете...
Даже, может быть, и сам
Зной моих тысячелетий
Мове чьей-нибудь отдам.

БЕЛОРУССКОЕ

Вечером, семечки лузгая,
Ты на крыльчке сидишь,
И высока белорусская
Лунная стьялая тишь.

Небо с льняною равниною,
Сырость, и вечно несёт
Силой грибною, былинною
От партизанских болот.

В церкви и в погребе, в доме ли,
Там ли, где вечный покой,
И в Могилёве, и в Гомеле
Въедливый воздух такой.

Поле и сельские радости...
Здесь набираешься ты
Ясной в лице хитроватости
Или прямой простоты.

Явится скоро со сватами
Кто с малолетства влюблён.
Стелется мгла перекатами
На голубеющий лён.

Вот, будто речка *імклівая*,*
Впавшая в Буг или в Сож,
Полузакрытая ивами,
Мимо вагонов мелькнёшь.

* імклівая (бел.) – стремительная.

НА СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Здесь по снегу брели гренадёры.
Уцелевший едва ли забыл
И мужицкие алчные взоры,
И чудовищность вскинутых вил.

Экипаж с императором хмурым
Пролетал, обгоняя полки,
Там, где, кончив теперь с перекуром,
Плотной цепью пошли грибки.

Так приходит и властвует проза,
И в былое вникать недосуг.
Поглотила кокарду берёза,
Лишь проржавленный лом из колхоза
Под бурьяном покажется вдруг.

КОРОЛЬ-ОЛЕНЬ

Внимая прежним поколениям,
Ещё я в молодости свёл
Знакомство с Королём-Оленем,
Не притязавшим на престол.

В него стреляли то и дело,
Всё время целились в него,
А он принадлежал всецело
Игре искусства своего.

Была манера величава,
Любезны чёткие слова,
А всё по следу шла облава,
И эта жадная молва

Текла, как в чаще гомон птичий...
Лишь в одиночестве своём
Он избавлялся от обличий
И становился королём.

* * *

Н.А.

Поносившись в круговерти
Мирового сквозняка,
Фотография в конверте
Вдруг пришла издалека.

Из каких благополучий?
А в письме немного строк,
Но звучит густой, певучий,
Торопливый говорок.

И лицо взамен рассказа
О скитании твоём,
И улыбка грустноглаза,
Остановленная в нём.

РУССКОЕ

Вероятно, всё же русский.
Вот уж нехотя запряг
И уже на самом спуске
Вихрем ринулся в овраг.

Чтобы, удержу не зная,
Покатилось время вспять,
Чтобы память пристяжная
Разбежалась – не унять!

Поэзия

Зоя КОЛЕСНИКОВА

Зоя Константиновна Колесникова (Покорная) – поэт, член Союза писателей России, директор Воронежского регионального отделения «Общероссийское литературное сообщество», автор восьми книг стихотворений.

Живет в Воронеже.

Там будет снег...

«Постарели обе. Постарели», –
Мысленно сказали мы друг другу.
При погосте птицы-свиристели
загрустили праведно. Им глухо
отзывались вороны и чайки,
но молчали голуби, как будто
знали: эта встреча не случайна
в сентябре в маршрутке поздним утром.

Не общались вовсе лет двенадцать,
город не щадил самолюбивых...
Обе мы не стали признаваться,
что тогда неправы обе были.
А теперь вот мучит сожаленье:
жизнь уходит, и, едва дыша,
радость не находит воплощенья,
чтобы вдохновенья не лишать.

Дожди, дожди, дожди, дожди...
И небо – будто бы не летом.
И нет надежды впереди.
И нет тепла. И мало света.

Остановилось время то,
которое во мне светилось.
Там лет, наверное, по сто
в том каждом дне моём скопилось.

И тихо-тихо на Земле,
как будто на другой планете...
И плачет девочка во мгле.
И нет меня уже на свете.

Я здесь оплакана не раз.
Дождями празднично отпета.
Во имя добрых, теплых глаз...
Во имя нас: меня и лета.

* * *

Всё ярче и ближе к нам звёзды,
и Небо желанней и ближе...
А в жизни – сплошные погосты,
где вечность ладони нам лижет.

Летим в мирозданье высоком
и холод не чувствуем кожей...
Незримое кажется Оком,
где мы отдаленно похожи...

Такие же муки и пытки...
Такие же Вовы и Веры
играют мелодию Шнитке
в пределах и той атмосферы.

* * *

Августовское небо уютное,
над садами гуляет луна...
И смеёмся и плачем наутро мы,
а луна в наших снах холодна.

В мироздание втиснуты литеры,
Под созвездием Лиры и Веги...
И склоняемся мы над невидимым,
И хлопочем мы над неизведанным...

Чутко полнятся смыслом невиданным
День и ночь, а назавтра – столетие...
Не кумиры, не боги, не идолы,
но живём лишь любовью на свете мы.

* * *

Первые приметы увяданья,
только небо – чистое, как лён...
Облако закрыло мирозданье,
и прошёл по свету долгий стон.

В этом мире всё уже звучало...
Тополь серебристый у окна
был любви таинственным началом,
а теперь и суть её видна.

В этом невзыскающем пространстве
тихо и светло наверняка.
В нашем занебесном постоянстве
солнце, дождь и смертная тоска.

* * *

«Мы с тобой полюбили друг друга...» –
Ах, какие простые слова!
Тридцать лет неизбежного круга
постигала моя голова.

Лунный свет заползает за шторы,
проникает во все времена,
где скопились великие горы
писем, песен... И завтра луна,
как вчерашние десять столетий,
улыбнётся влюбленным не нам.
И никто не посмеет на свете
не поверить не нашим словам.

* * *

И эти розы на окне,
и эти тёплые мгновенья –
всё это странно, не во мне
и вовсе не от вдохновенья.

Была привычной суета.
Любовь как жалость в ней сквозила...
Но жизнь, наверное, не та,
нас уводила, увозила...

И дождь весенний на стекле
весёлый танец не рисует,
а в предрассветной прячет мгле
всё то, что кто-то мне рифмует.

* * *

Какое неба полыханье
над горизонтом, надо мной!
И облака идут верхами,
то лесом ставши, то рекой.
Река темна. Ей, неуёмной,
уже не осветит луна
те берега в столетье оном,
где солнце есть и где видна
вся суть свершений и желаний,
вся сущность медленной воды,
её стремлений и стараний,
слиянье света и гряды,
осиротелой, как молитва,
произнесённая позднее
того момента, как не слитно
с тобой подумалось о ней.

* * *

Круженье лет, круженье леса
под музыку дождя.
И вот сентябрь. Тот самый месяц.
Он как дитя.

В саду на солнышке играет
иль у ручья.
И он пока не понимает:
умру и я.

Любовь в разгаре сентября.
Шопен звучит.
Рябины празднично горят,
а вкус горчит.

Круженье лет, круженье дня –
там будет снег...
Не станет завтра и меня...

Круженье лет.

* * *

Утомленное памятью фото,
где счастливая вместе семья...
Но ребёнок надеется, кроток,
но ещё и не мыслилась я.

Через многие залы вокзалов
я к тебе, невозвратная, шла...
И луна мне отважно сияла,
отражаясь в твоих зеркалах.

Завершённая праздничность взгляда,
И на люстре следы конфетти...
Ничего, кроме света, не надо,
кроме света, не надо пути.

* * *

А небо соткано из мглы,
и мгла легла сквозь небо...
И только замерли стволы
деревьев, зная небыль
о том, что завтра станем мы
счастливыми, как некто,
принявший хлопоты зимы
за донкихотство лета.

* * *

Внуку Славе М.

Вот опять вечереет. Огни
не дают мне сегодня остаться,
там, где день никого не винит,
объясняя предметы на пальцах.

Вечереет. Оправдана жизнь,
неподвластная хладному люду...
Серафиму почаще молись,
да и я теперь рядышком буду.

* * *

Жизнь. Она бескрайняя была.
Солнце заходило к нам на крышу,
где сквозь нить протиснута игла,
где дорога вверх и даже выше.

Завтра, предпоследний сделав шаг,
кто-то очень мудрый отзовется,
нас не станет вечности лишать
и вернёт на небо наше солнце.

* * *

Мы почти что привыкли к российским высоким лесам –
там набухшие почки у тоненьких теплых осин...
Прошлогодний ковыль тянет венчики грёз к небесам,
заполняя собой эту вечную млечную синь.

На исходе апрель. Подрастает подлесок. Нездешний,
проникает сквозь явь неизбежный избыток весны.
В придорожном кафе остановимся, будем неспешны
И отныне поймем, как великие дали ясны!

Горестным ликом креста
 День обрывается снова.
 Словно сорвался с моста,
 Падает так бестолково...
 Падает брошенный день,
 Падает невыносимо...
 Как обгоревший плетень
 Падает в прошлую зиму.

А снег выпадает всё реже и реже. И,
 живой, говорящий, внимательный, вежливый,
 он кается – искренне просит прощения
 за голые ветви и дождь на Крещение.
 Предвижу я: в марте он станет неистовым
 и, словно с картины какой-то сошедший,
 нам бросится под ноги – снег с сумасшедшинкой –
 да и сыграет рапсодию Листа!

День предосенний в мареве тумана.
 Течет река, изгибами блестя.
 И нет на свете фальши и обмана.
 Наивен мир и весел, как дитя.
 И плеск волны душе роднее,
 чем жизнь, которая проста,
 Но и сложна, и чем сложнее,
 тем проще с чистого листа
 начать неистово движенье,
 дабы взойти, воспрячь, восстать.
 И чудных дней её круженье
 как бы впервые принимать.

Наверное, весна, коль вишня зацвела,
 наверное, судьба, коль по ночам не спится...
 А в ранние часы звонят колокола,
 наверное, пора нам о душе молиться.

Мне снился дикий сад. Там тихо. Даже птицы
 давно уж не поют, почувствовав разлад:
 не надо повторять, что можно притвориться
 и даже защититься, пусть без щита и лат.

Тебе сходить с ума, а мне заметно вянуть
 среди людей чужих, среди холодных стен.
 Шагнуть, чтоб не упасть. Мучительную память
 вдвоём стереть с листа. И ничего – взамен.

С.П.

Искала талая вода
 свои похожие причалы
 и птицу бережно качала
 в своих объятиях, когда
 меня впервые провожал,
 но взглядом ласково держал...
 И оттого душа взлетала
 и солнце празднично сияло
 на золочёных куполах...
 Природа, мудрая, молчала,
 невозможная боль и страх.

Корабельные сосны увидеть,
 по осеннему лесу идти.
 Никого из людей не обидеть,
 никого из зверья – на пути.

Где-то там, на восьмом километре,
 Белый ангел средь белого дня,
 размышляя о солнце и ветре,
 бережёт и жалеет меня.

Апрельский ветер лишь проснулся,
 ко мне печально обернулся,
 чтобы застыть на проводах,
 нам посылая добрый знак.
 И неодетые берёзы,
 грядущим грозам вопреки,
 нас дожидались у реки,
 скрывая искренние слезы.

Огорчит меня это участие,
 я коснусь его ангельских рук:
 пусть узнают со мною о счастье
 муж любимый и маленький внук.

Поэзия

Владимир МОЛЧАНОВ

Владимир Ефимович Молчанов родился в станице Ильской на Кубани. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор одиннадцати книг стихотворений, поэм и переводов. Член Союза писателей СССР (России) с 1990 года, член Союза журналистов России с 1983 года, лауреат премии Белгородского комсомола (1983 г.), лауреат всероссийских литературных премий «Прохоровское поле» (2003 г.), имени А.И. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004 г.), премий журналов «Наш современник» (2007 г.), «Молодая гвардия» (2008 г.) и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999 г.).

Живу на свете торопливо

«Умом Россию не понять...»

Ф.И. Тютчев

Мы все на земле этой гости,
Но, веру в Россию храня,
Бессмертным останется Овстуг,
Бессмертную песней звеня!

Ах, Фёдор Иванович Тютчев,
Как Вашему слову не внять?!
И ныне, в эпохе не лучшей,
Россию умом не понять...

На земле живём гостями,
Друг от друга мы – вдали.
Параллельными путями
Наши судьбы вдаль брели.

Кто свободою доволен,
Тот – с невольных не взыщи.
Даже если я виновен –
Виноватых не ищи.

Всё, что было, не забудем,
И об этом не грусти.
Были мы, и есть, и будем,
И за всё меня прости...

* * *

Говорят, так может случиться,
 Что на жизненной тропе
 Очень можно затеряться,
 Растворясь в самом себе.

Не боюсь с толпою слиться.
 И, гордыню истребя,
 Я разглядываю лица,
 Будто в зеркале себя.

И счастливо убеждаюсь,
 Отражение цена:
 Нет – и я не поражаюсь –
 Их – во мне, а в них – меня.

Не сочти стихи за праздность.
 Понял я давным-давно:
 наших лиц такая разность –
 Это целое одно...

* * *

Народ родной! Пока ты – в силе!
 Но всё же – в оба ты смотри.
 Страшны враги, что вне России,
 Ещё страшнее – что внутри...

* * *

Враг не любит... Почему?
 Ты включи сознание!
 Зависть! – этому всему –
 Знают все – названье.

И не жди их пирогов,
 Что смачны до хруста.
 Полюби своих врагов,
 Чтоб им было пусто...

* * *

Какой позор! Какая горечь!
 Чтоб в СэШэА сиял восторг,
 Двуликий Янус – Янукович
 И Запад предал, и Восток...

* * *

Живу на свете торопливо,
 Куда-то сам себя гоня.
 Снежинок иглотерапия
 Бодрит спешащего меня.

И, как таблицу умноженья,
 Твержу себе я: стоп! И вот
 Опять инерция движенья
 Остановиться не даёт.

Прекрасно знаю – неприлично
 Быть опоздавшим, но беда –
 Я в вечной спешке, как обычно,
 Не успеваю никуда.

И, возвращаясь вновь к истоку,
 Я говорю себе, смеясь:
 Чтобы успеть куда-то к сроку –
 Всегда спеши не торопясь...

* * *

Горный ветер гордо свищет,
 А в низине – сник, ослаб.
 Кто свободу где-то ищет,
 Тот в душе по жизни раб.

Хоть пройди огонь и воду –
 Не найдёшь... А коль с умом,
 То ищи всегда свободу
 Только лишь в себе самом.

* * *

Власть и народ... Это знаете вы,
 Связь их до боли проста:
 Рыба, понятно, гниёт с головы,
 Но чистят её – с хвоста...

* * *

Не поддайся, народ мой, насилью,
 Мы теряем и так бедам счёт.
 Кровь Майдана сочтётся в Россию,
 Но мы верим, что Бог нас спасёт.

Только что наша вера – без действия?
 Мой народ, ты не медли – решай!
 Да, на Бога, конечно, надейся,
 Но и сам никогда не плошай...

МОЁ НАСЛЕДСТВО

Если можно – дайте слово,
Рассказать я с грустью рад
Вам про Тихона Рыжкова
И его фруктовый сад.

– Кто таков Рыжков тот самый? –
Вы вдруг спросите в ответ.
– Он – отец покойной мамы,
Ну, а мой – понятно! – дед.

Время судьбы наши свяжет
Навсегда – не наугад.
Впрочем, мама пусть расскажет
И про деда, и про сад.

«Этот сад ночами снится,
Ты, сынок, меня пойми:
Был для нас он и кормильцем,
И душою всей семьи.

Для селян был сад – отрада!
Как представить оттого
Деда Тихона без сада,
Как и сад тот без него?!

Передать и доли сотой
Не удастся мне всего.
Был тот сад его работой,
Был и отдыхом его.

Так вот мы, сынок, и жили,
Ждать не ждали мы беды.
Но налогом обложили
Все фруктовые сады.

* * *

...А логика жизни проста,
Её я ничем не нарушу.
И если опала листва,
То лес обнажил свою душу...

КАЛИФАМ НА ЧАС

Печальна судьба калифов,
Грустно на них смотреть.
Тот, кто плодит подхалимов, –
Совесь ведёт на смерть.

У Закона слово строго.
И, спасаясь от молвы,
А точнее – от налога,
Порубил народ стволы.

Хоть суди, сынок, хоть кайся,
Нет, увы, пути назад.
Лишь нетронутым остался
На пригорке Тишкин сад.

Пряча боль и пряча слёзы,
Труд и радость жизни всей,
Корни дед отдал колхозу
И остался без корней.

Сад попал в объятья ванек
Без родства, кто жил шутя.
У семи, известно, нянек
Глаз лишается дитя.

И в стремленье к жизни новой
Кроме сада – куча дел.
Умер дед. И сад фруктовый
Одичал и захирел...»

...В сад вхожу... И снова детство
Вижу будто бы во сне.
Тишкин сад – моё наследство,
Не доставшееся мне.

Он стоит в молчанье хмуром,
И, прощаясь на заре,
Тишкин сад в селенье Муром
Умирает на бугре...

* * *

В.О.М.

Суть одна, то знает каждый,
Трезво мыслить кто горазд:
Тот, кто предал хоть однажды,
Тыщу раз ещё предаст...

* * *

В стихах о бессмертье буровим,
Не правда ли, это смешно? –
Подняться со временем вровень,
Наверно, уже не дано...

УКРАИНЕ

Кто всерьёз, а кто наивно
Вопрошают: «Бог Ты мой!
Что с тобою, Украина?
Украина, что с тобой?!»

Были вместе мы навеки,
Все мы были заодно,
А теперь вот делим реки,
Да и порознь пьём вино.

Кто тут первый? Кто тут крайний? –
Нет, судить я не берусь.
Подзабыли, что Украина –
Это – Киевская Русь.

От бессилья все усилия.
Мы раздельны в эти дни.
Ты – Украина, мы – Россия,
Но враги у нас одни.

Только в том ты не повинна.
Свой народ в себе любя,
Прокляни их, Украина,
Тех, кто предал сам себя.

Кто в агонии бессилья,
Разум тьмою ослепя,
Обвинив во всём Россию,
Прут войною на себя.

Жизнь, конечно, не «малина»,
Не всегда горит свеча.
Заболела Украина,
Не найдёт никак врача.

Предки нам бы не простили,
Что живём мы во вражде.
Не оставь, прошу, Россия,
Новороссию в беде.

Вновь расчистить все руины
Шанс в истории нам дан.
Чтоб воскресла Украина –
Новый нужен ей Богдан.

Пусть сейчас она не рада.
Вдаль с надеждою гляди.
Переясловская Рада
Снова будет впереди!..

* * *

Сюжет для лирической повести:
О, как ты была хороша!
В порыве счастливой весёлости
Взорвалась поэта душа.

От чувств ли избытка, как в юности,
Ты знаешь, конечно, сама,
Отчаянно делаешь глупости,
Чтоб после набраться ума!..

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Не стану ни лукавить и ни врать я –
Всегда приятна добрая молва.
Друзья мои и по перу собратья,
Спасибо вам за тёплые слова!

Спасибо вам за то, что не убиты
В душе моей осенней соловьи,
Ещё за то, что всех врагов обиды
Вы превратили в радости мои...

* * *

На Алтае – Крымская жара,
Будто в тигле, плавится июнь.
Поутихли горные ветра,
Лишь в низине буйствует Катунь.

А душа здесь просится в полёт!
И в священной горной тишине
На Пикете таволга цветёт
В память о великом Шукшине!..

ИРОНИЧЕСКОЕ

Жить мне стало чуть-чуть интересней,
Беспокоюсь уже о врагах.
Становлюсь с каждым днём всё известней
Я в писательских узких кругах.

* * *

Чтоб русских не измучила вина –
Поможем Крыму в деле, а не в слове.
Дай Бог всем выпить крымского вина,
Не дай майдану выпить крымской крови...

Проза

Татьяна ГРИБАНОВА

МАЛЬВА

РАССКАЗ

1.

Вторые сутки без передышку гуляла у Потаповых свадьба. Степан Семёныч с размахом женил старшего. По всему было видно, невестка пришлась ко двору: пятистенка набита до отказа сватами, кумовьями да сродниками. И для пришедших взглянуть на молодую, а то и подруливших просто ради даровой выпивки хозяин расстарался, собственноручно выкатил из-под сарайки флягу своейской: угощайся, хуторские, знай наших!

Под грушенку, на сбитые на скорую руку, покрытые нарядными клеёнками те-сины-столешницы под командой жениховой тётки Галины беспрерывно металась тарелки и миски с закусью. Никто не остался без угощенья, никто не почувал себя обнесённым на этом широком застолье.

Даже дышащие на ладан бабки Кузьминична с Егоровной не сдержались, порылись в сундуках, вытащили со дна пропахшие нафталином наряды: «престоловские» шерстяные подшалки, штапельные в тёмный огурчик юбки, обористые завески.

Пригубив по рюмашке «красненькой», попробовали-оценили потаповские щедрые разносолы и, уступив место подтянувшимся, уселись в ожидании на лавку под сиренями – время от времени свадьба выплёскивалась на подворье, гомонился потерявший всякую стройность корогод. Гармонисты, сменяя друг дружку, уже путали «Барыню» с «Цыганочкой», и их рядком укладывали в саду на свежескошенную отаву.

Припозднившаяся бабка Мальва угостилась наливочкой и, прихватив кусок яблочного пирога, отошла к товаркам на лавочку.

В это самое время толпящийся на крыльце люд расступился, и из душевной хаты протиснулись молодые. Невеста – девчоночка девчоночкой, лет семнадцати. Сашке, жениху, – под четвертак, пора уж, пора-а!

– Микитична, сказывают, так и не смирилася, темней тучи! – поспешила сообщить новость подружкам Егоровна, – на порог, говорит, Людку не пушшу, а уж Сашка тем боле!

– И чтой-то она на его узелася? Вроде, не мозгляк худой... малай как малай. И Людки ейной не хужей. Всё при ём, – поддержала разговор Кузьминична.

– Дак как жа не осерчать! Вить и взаправду, спозорила девка Микитичну, ой, спозорила-а-а! Брюхо-то – выше носу! Ишь, в белое обрядилася! Какое там белое-то? Стыдоба-а-а! И Микитишне – не запить, не заесть!

– Загундосила! Ну, и что с тово? Что теперя, ай в моток девке сигать? – с обезоруживающей простотой, не дав отвести сплетнице душу, встряла бабка Мальва. – Всё чин-чином... Потаповы от своо дитя не отказалися. И Сашка в ей души не чаёт, ай не видно? Сказывают, смертным боем с зареченскими ребятами за неё бился. А ты, девка, – Мальва покачала головой, взглянула на Егоровну, – язык-то поприкуси, чужим грехам счёт не веди... В пору бы свои не забыть... да успеть отмолить. Нечеву девку хаить! Разуь глаза-то: с головы до ног счастливая, вишь, как сияет... ажни слезой меня, старуху, прошибло... Прямо из себя выводидь! Запаятовала, стопроцентовай девушка, как со своим Прошкой стакалась, во скоко годиков ворота ему отворила? Кажись, нам с тобой, подруга, не боле, чем Людмилке, было, када я коло вашего сеника в сторожах сидела, а ты с Прошкой миловалася... када он тебе Серёжку-то скоростелил!

– И-и-и! Нашла об чём вспоминать-то! – отбоярилася с ухмылкой, замахала руками Егоровна, – то в какие годики было?!

– А и правду, что теребить-то теперя, бабоньки? У меня и самой, может, рыльцо в пушку, – Мальва встала, не оглянувшись на ошалевших товаров, оправила юбку и пошагала к крыльцу, дав понять: мол, не о чем тут и говорить боле.

Протиснулася сквозь свадебных, поклонилась молодым за угощение, нажелала им три короба добра и потопала к воротам.

...А вот уснуть бабке Мальве так до самого свету и не удалось. Нахлынуло-о!

2.

Род Силиных испокон веку жил на хуторе Степном, в двух верстах от Козловки. Прапрадед Лёхи, мужичок оборотистый, выкупив вольную у барина Казюлеева, поселился на заброшенном суглинке, заложил недалеко от деревни хутор.

Сколько годков минуло с тех пор! Сколько вёсен тальми снегами сшумнуло в Крому-реку! Сколько трав полегло под литовками Силиных на пойменном лугу, сколько журавлиных косяков откурлыкало над разросшимся в дюжину дворов приречным хутором, в котором все – Силины. Все – родня!

Лёхин отец, Павел Семёныч, осенью сорок первого, не успев допахать под озимые, прямо с поля ушёл на фронт. В составе первой гвардейской танковой Катуква вошёл в Берлин. Не раз со своей машиной горел, но Бог миловал, вернулся – грудь в орденах – с осколком в лёгких, но живой.

А в сорок шестом, под зимнего Николу, за ситцевой занавеской бабка Авдотья приняла на руки его первенца, названного в честь пращура, хозяина хутора, Алексеем. Через пару лет Господь послал и дочку Светланку.

В послевоенные годы, устроившись в МТС, Павел Семёныч перепахал холмы и взгорья на сотни вёрст в округе. Светланка при мамке, а Алёшка, перекинув

в сумке учебники, мчался к отцу на пахоту. Тот и рад – сын к делу тянется. «Тракторист из тебя, Лёха, что надо, – подбадривал Семёныч мальчишку, – машину чуеть, это главное! А сноровка, она с годами проявится».

Пришли и сноровка, и хватка. Лёха с завязанными глазами мог разделить под орех, в пушинку, любое самое заковыристое поле. Да и служба в армии (в танкисты, по батиным стопам, напорился) дала немало мужицкой закалки.

Хуторские Силины извечно приводили жён из окрестных деревень. Пришёл срок, женился и Алексей: с вечера начистится, наглядится, чуб зачесет и – в Козловку, в клуб.

– Ты уж гляди там, сначала головой думай, опосля другим местом! – поучала вослед мать, Александра Тихоновна.

– Ну ты и даёшь! – отмахивался Лёха.

– Чего даёшь, чего даёшь? – не отступала напористая Тихоновна, – знаем мы вашего брата!

Как в воду матушка глядела...

Служить уходил, Машка Спиридонова – малявка малявкой, он и внимания её не достаивал. А вернувшись, появился первый раз на танцах – сразу на девчонку глаз и положил. Очень уж приметная: норовом бойкая и с виду – что надо. Статная! Платьице в оборочку, косынка по плечам розовая.

Котька, дружок закадычный, подтрунивал: «Зря не пялься! Малолетка, только из школы. Да и в техникум собралась. Такую вожжами не удержишь. Кобылка необъезженная, норовистая!»

Но так уж, видно, стало Богу угодно: приглянулся девке армеец (Лёха всё ещё в форме расхаживал: старшиной не каждый домой возвращается). Сама подошла... А как к такому не прикипеть? Сажень косая в плечах, на турнике за клубом такие фортеля выкидывал, никому не под стать.

Как-то сговорилась проказница с гармонистом, дедом Степаном: только Лёха на порог, а она – в круг. И пошла! Да с выходкой, да с дробями. Косыночку за спиной, что касатка крылышки, раскинула, натянула, вот-вот взлетит! Плясала-порхала по пятаку, а потом остановилась против Лёхи да давай частушками заковыристыми сыпать, паренька подшкелевать. Как, мол, перебьёшь мои дробиночки?

*Как за речкой за Кромую,
Где черёмуха цвела,
Начались у нас с тобою,
Друг, сердешные дела.*

Лёху голыми руками не возьмёшь! Вихрем с места сорвался, руки – за голову, и вокруг танцорки гоголем, да в присядку, только сапоги в перебой с девчоночьими каблучками спорят, поскрипывают. И язычок – не обрежься:

*Взял бы я тебя на ручки,
Посадил тебя на печь –
Таких девушек красивых
Лучше дома приберечь!*

Напирает Лёха на Машутку, кружит, передыху не даёт.

А та – носик кверху, головку чуть в сторону, струна струной, аж звенит! Даже росточком повыше стала. Воссияла – маков цвет. Руками повела, раздвинула.

– А ну, шире круг, мы тут надолго разошлись.

– Держись, забияка, поглядим, кто кого!

– Гляди, да глазки не поломай! Допляшешься! – послышался голос из толпы. – Присушит девка, век под её дудку плясать станешь!

А Маша не смолкала:

*На Святой неделюшке
Повесили качелюшки,
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься!*

– Ну, это мы ещё посмотрим! Ишь, чего захотела!

Не плясали, а разговаривали, не разговаривали, а договаривались. И не было сомнения у глазевших: пара! Ещё какая пара! Смотреть – не оторваться.

И танец не закончился, а уж Маша с Алексеем понимали: запыхаются эти перегонки, выйдут они за порог клуба – и никогда не разойдутся их стёжки. В тугой узел связала их эта пляска, оттанцовывают последние холостяцкие деньки.

Июньская ночь, неспелая, нежная. Густо пропахшая доцветающей сиренью, ароматами молодой, ещё не пропылённой листвы, духом входящих в сенокосную пору луговых трав. Светло даже в такую глухую пору. Машутка с Лёхой, обойдя не раз закоулки деревушки, наконец-то добираются до крайней хаты. Вдали, сквозь тончайшую кисею тумана, проглядывают заросли черёмух, скрывающих Лёхин хутор.

– Пора, а то, глядишь, и до дома тебя допровожаюсь, – замечает Маша и поворачивает обратно.

– Ну, ещё чуть-чуть, – принимается уговаривать девчонку Лёха и усаживает на лавочку у Котькиного палисадника.

С Котькой Смирновым они не разлей вода. И под кручу за пескарями вместе; и в школе за одной партой; и поглазеть из лозняков на девчат, что плещутся нагишом после покосов на омутке; и повсхлипывать друг у друга на плече от лозинки Силина-старшего, не спускавшего эдаких проделок ни своему отпрыску, ни сынку друга Михаила, погибшего в далёкой Польше, на подступах к Кракову.

Но сейчас Лёха помнит, что шалопаистый товарищ его в одиночку отправился на Чупаиху, в другой конец деревни, до самой зорюшки промилуется с какой-нибудь очередной любовью.

Оттого ли, что Лёха знает: вокруг – ни одной живой души, а может, оттого, что Маша, доверившись ему, забрела чёрт те знает куда, сердце парня выпархивает из-под гимнастёрки, не удержать.

– А как Архиповна выгянет? – косясь на окна, настораживается девчонка.

– Не боись, куда ей! Обезножела тётка Марья. Неделю как у дочери обретается. Котька один свирепствует. Архиповна полезла в сараюшку на сеновал – гнезда куриные обобрат, а верхняя ступенька у лесенки возьми да и обломись. Яйца, что в фартуке придерживала, – вдрызг, и тётка помялась – нога в гипсе. Котьке, конеч-

но, за недогляд всыпала, лесенку-то ещё дядька Михайло сработал, подгнили перекладыны.

– Котьке твоему, что племутруку племенному, не до хозяйства. Кто ж вместо него девчат по углам тискать станет? Без такого ухаля с тоски поумирают.

В росном палисаднике гремит соловей. Золотые жуки-светляки фланируют в зарослях мальвь. Их безудержное цветение всегда совпадает с самыми пугливыми, самыми короткими ночами, когда на прозрачном, едва притухшем небе до мельчайших подробностей просматриваются горние вершины облаков.

– Небеса-то какие улыбчивые, – Маша кивает на бирюзовую, так и не соскользнувшую с горизонта зарю.

– За нас радуется, не тает... переживает: ночь промелькнёт... а я тебя и не поцеловал, – Алексей пытается обнять девчонку.

– Вот ещё! – фыркает девушка. Вскакивает, отбегает в заросли палисадника.

Мальва, как есть – мальва! И впрямь приворожила. А стан! Крепкий, тугой, того гляди, платье по швам разойдётся. Не смотрит, а брызжет влажным огнём насмешливых глазищ.

– Почему тебя Мальвой не назвали? Такая же стройная, такая же...

– Какая такая?

– Настоящая, – смущается Лёха.

Лунная дорожка, сходящая в палисадник, тянется к реке, вдогонку за выскользнувшей Машей. Над кустами ивняка мелькает газовая косынка, а парню чудится: невидимый ветерок расхулиганился, оборвал, подхватил перламутровые мальвовые лепестки и закружил над поймой крошечным ярким пламенем.

Убегает Машутка от Алексея и не ведает, что стремится ему навстречу... навстречу своей судьбе.

3.

От неожиданности она резко останавливается. Котькина баня так обросла ивняком, что мало кто и помнит о её существовании. Сбегающая к реке стёжка вдруг упирается в её замшелую стену. Откуда может девчонка с дальнего урынка знать об этой ветхой баньке?.. Ноги сами привели.

Лёха, спускающийся вслед за Машей, загадя готовя для себя оправдание, шепчет: «Видать, судьба... от неё не увернёшься». Знала бы ступившая на эту тропку

Маша, сколько девчоночьих и Котькиных тайн покрывают брёвна допотопной баньки. Леха догадывался, но никогда не расспрашивал своего друга о сердечных похождениях.

Смекнув наконец, что забрела невесть куда, да и вообще зашла для первого вечера с этим армейцем слишком далеко, Маша, зная, что следом спускается Алексей, сворачивает напрямки, через краснотал, но спасительную лазейку, предвидя девичью хитрость, перегораживает предусмотрительный Алексей.

– Ну, что ж забоялась? Такая смелая, а тут струхнула? – Лёха понимает: не будет напористым – навсегда упустит шанс, который предоставил, может быть, сам Господь, – упорхнёт девчонка в город, там ребята шустрые, не прозевают, в миг окрутят, мимо такой попробуй пройди.

– Ничего не струхнула, – щёки девушки охватывает нарастающий пожар.

Лёха подступает совсем близко и сгребает девчонку в охапку.

– Дурочка ты моя, успокойся. Не обижу.

Маша пытается вырваться, но где ей справиться с такой силищей!

– Не дёргайся, сказал же – не обижу... Нравишься ты мне... очень... Скажешь, не люб – сам отпущу и ни в жисть не подойду.

Алексей склоняется и первый раз за вечер целует Машу в губы. От дерзкой девчонки, смело подковыривавшей его пару часов назад при всём честном народе, можно ожидать чего угодно: такая и драться кинется – не моргнёт, а уж оплеухой одарить – плёвое дело, в конце концов – может и раскричаться, голосище-то вон какой звонкий.

Но то, что девушка протянет и нежно положит дрожащие руки на его плечи, сначала робко, а потом с нарастающей страстью станет отвечать на его ласки, Алексей наверняка не мог предвидеть.

Уже зародившееся, но тщательно скрываемое чувство этой совсем ещё юной девушки вдруг прорывается, выплёскивается, устремляется навстречу ошеломлённому парню, окрыляет его, и он, оторвав Машу от земли, не переставая целовать, кружит вместе с нею на тесной лужайке.

– Я и сам струхнул, прямо земля с-под ног уходила, весь вечер не знал, как подступиться... уж больно озорна, – признаётся, смущаясь, Лёха.

Маша ничего не отвечает, молча обнимает его и теперь уже сама жадно целует. Долго, ненасытно, словно измучилась, дожидаясь этой ночи.

Так и стоят, крепко прижавшись друг к другу час, а может, два. Кто считал? И целуются, целуются...

Наконец, Лёха чувствует, что руки его, блуждая в шелках девичьего платья, перестают встречать препятствие, и мягкие, податливые девичьи губы, раскрывшиеся лепестки мальв, распухают от поцелуев. А груди – эти, ещё никем не тронутые, наполненные ароматами молодости и свежести цветочные бутоны, напрягаются и замирают. Алексей на мгновение, всего лишь на мгновение отстраняет Машу, чтобы только взглянуть в её горящие глаза, увидеть подтверждение, не ошибается ли в своих догадках, и тут же тонет в их омутах на веки вечные.

– Идём, – уверенным движением Алексей берёт девушку за руку.

Она не отдёргивает, не капризничает, а доверчиво ступает в отворённую парнем дверь.

С детских лет банька эта – потаённое место двух закадычных друзей. Лёха знает: протяни руку на полочку у правой притолоки – тут же нащупаешь спички да парочку свечных огарков. Но к удивлению, Котька обустроился за время Алексеевой службы основательно. В полумраке рядом со спичечным коробком парень обнаруживает керосиновую лампу. Удивляется: «Запасливый, чёрт!»

Маша проходит к полкам, присаживается. В полумраке лица не разглядеть, свет керосинки, проникающий сквозь приоткрытую дверь предбанника, ластится на её высокой груди, перебирает перламутровые пуговички. «Попробуй доберись! Что кнопок на гармонии», – дивится Лёха.

– Фитилек-то притай, – шепчет Маша пододвинувшемуся парню.

– Что ж это я! погоди минутку, щас! – спохватывается тот и кидается к двери. На боку баньки, на скобке, – литовка, Лёха не раз помогал другу смахивать приречный лужок.

Через пару минут он уже возвращается с увесистой охапкой полусонных одуванчиков. Керосинка еле тлеет; войдя с широкого лунного света, парень на ощупь пробирается к полкам, раскидывает траву. Обвыкаясь глазами, тянется к Маше, и вдруг настороженный слух отчётливо улавливает, словно сыпанул кто на прожаренные банные половицы пригоршню каляных переспелых горошин – щёлкают, подскакивают под ноги не удержавшиеся от девичьего порыва пуговицы...

– Погаси, погаси лампу-то! Ну её к лешему! – шепчет девушка.

...Луна переваливает за крону высоченного осокоря, приютившего забытую всем миром баньку. Бледный незабудковый свет просачивается сквозь отзынутую дверь.

– Ишь... подсматривает! – то ли шутит, то ли обижается Машутка.

Прикидывает наготу измятой их жаркими телами травой, словно прячется в сатин матушкиного лоскутного одеяла.

Тянет молоком свежескошенной луговины. Но к знакомому с малых лет духу июньских трав примешивается новый, неведомый ранее томно-сладостный, горьковато-солёный – аромат любви. Пропитывающий насквозь, проникающий в каждую клеточку, дающий право с этой ночи ощущать себя не только женщиной, но ещё и счастливой из счастливейших. А самое главное – мамыны упреждения и разговоры «об этом» с глазу на глаз остаются где-то далеко-далеко, в отлетевшем девичьем девичестве.

И ненасытные губы, и всё ещё по-детски нежные, незагрубевшие, покрытые мелкими прозрачными солоноватыми бисеринками сосцы, и изласканные до хруста в косточках, до последней мочушки плечи, и наконец-то расслабившиеся крутые, с чуть приметными ямочками, бёдра девушки, перепачканные, забрызганные терпким и горьковатым соком измятой зелени, не дают покоя неугомному Алексею.

Есть среди густых ароматов этой чудной ночи тончайший, едва уловимый, до головокружения заманчивый – запах мальвы, запах юного девчоночьего тела, впервые познавшего мгновения плотской любви. Он будоражит и влечёт, неотвязно манит и зачаровывает, вспенивает и взметает в Лёхе безудержные волны желания обладать этой потрясающей девушкой вновь и вновь, пока не обмелеют все реки, пока не иссушатся все родники его страсти.

– Это когда ж такие отрастить успела, между алгеброй и физкультурой, что ли? – подшучивает Лёха, выразительно посматривая на раннеспелые, не девичьи броские Машуткины груди, наливными яблоками закотившиеся в солевую зелень.

– Всё просвирник-секретник, мальва твоя разлюбезная... Как собралась Валюшка Тимонина замуж, так скорей – к бабке Куделихе. Та и давай взвары плоскогрудой Валентине стряпать. Валюшка-то по секрету сказывала: зальёт старая ложки три сухих корешков просвирника тремя стаканами ключевой водицы и кипятит в саду на каменке минут пятнадцать. Процедит. Пошепчет, конечно, не без этого. И пей, милая, по полстакана три раза в день до еды. А коль на ночь из того же взвара компрессы на грудь не позабудешь – так откуда что возьмётся. Валентина уж третьего выкармливает. А всё мальвочка-просвирочка, спасительница бабья.

Мы, малкосня, не ведая, отчего красота девичья зреет, днями просиживали в зарослях мальвы, в куколки играли, «пуговицы царские» собирали. Приладишь к распущенному венчику-юбочке бутончик-головку – и пупсик готов. Наиграемся, крошечных пышечек-просвирок – помнишь, калачики такие в пазухах листьев запрятаны – наедимся и домой не торопимся, просвирками сыты. А то надерём их в подол, и ну проставляться, во что-нибудь на них играть. Победителю – общая куча калачиков.

Я заводная, везучая, ловкая. К вечеру, бывало, набью карманы сладковатыми пуговками – и домой. Мама только подтрунивает: «Самая девчоночья еда! Щёлкай, девонька, проскурки-лапышки на здоровьице! И конфет не надо!» Ириски да и только – клейкие, склизкие, сладковатые. Вот и нащёлкалась, налагомила на свою голову, – стесняется Маша, косясь на свои достопримечательности.

– Да что ты! Красотища-то какая! Такое достояние беречь-лелеять надобно!

И Лёха в который раз склоняется к любимой, играет тут же откликнувшимися, вздрогнувшими сосцами, губами собирает и откидывает былинки – грех скрывать за ними такое великолепиие!

Одним небесам ведомо, как и откуда возникает настоящая любовь и что приносит с собой...

Рядом же с этой девушкой Алексей вдруг почувствовал: что-то в нём напрочь изменилось, исчезла вольная бесшабашность, и он уже никогда не сможет быть с другими. Лёха словно разом определился: вот она, единственная и незаменимая, и не надо больше никого искать, всё в ней одной слилось. И чувство это поглотило парня настолько, что уже и не сомневался – Маша предписана ему судьбой. С нею хотелось быть единым и в жизни, и в желаниях, и в молитвах. Всё: и этот задиристый, чуть опалённый июньскими покосами носик, и распадающаяся надвое, непокорная чёлка, и крепкие икры длиннющих ног, и исцарапанные колочками неспелого крыжовника, спешно прибирающие раскидистую косу руки – вся она, весь вид её будоражит и будит в нём живой отклик. Собирает и подтягивает его, окрыляет и призывает цвести. Алексею повезло, любовь его освятил сам Господь, своею искрой воспламенил желание служить этой женщине, жить только ею.

А Маша настолько счастлива, что пока ещё и не может осознать широту заклестнувшей её любви к Алёшке Силину.

4.

Прибравшись, наспех отыскав раскатившиеся пуговицы, притворив двери баньки, оставив на её памяти тайну промелькнувшей ночи, Лёха с Машуткой сбегают в пойму.

Оросившийся рассветными туманами шелковисто-лёгкий лик неба постепенно перетушёвывается в бледно-лиловый, с едва лазоревым бахромчатым краем над восточным окоёмом, над правобережными заливными лугами.

На душе у Алексея легко и просторно. Невесомы и широки, безбрежны небеса.

Маша, прикрывая пустые петельки платья, завязывает на груди широченным бантом прихваченную (теперь уже из девичества) косынку.

– Пора, Лёшенька, мамка теперь задаст!

– Какая мамка? Ни на минуту не отпущу!

Когда влюблённые выбираются на просёлок, над округой зацветает заря. В ранней лазоревой вышине расползаются тончайшие белёсые линии. А когда Силян хутор, выглянув из-за Черёмухова овражка, оказывается как на ладони, молочные линии на знойном небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть – обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками. Ближе к горизонту выстраиваются в башенки и хребты, перепутываются и снова выстраиваются в звенья. В отсвете выкатившегося жемчужного шара порхающие перистые облака отбрасывают на землю серебристый блеск. И Алексею чудится, что Маша, его Мальва, в своём шёлковом, отливающим неземным блеском платье, сошла с этих великолепных небес.

Тихоновна, спровадив Красавку в росы, ещё издали заприметила своего Алёшку. Только с кем это он?.. Ай Петра Спиридонова Машутка? Так и есть. «Ах ты, Боже мой, ить девчуха совсем, – всё поняло, заволновалось материнское сердце, – а может, оно и к лучшему... вроде, не слыхать об ней ничего хульного, не разбалованная... да и ладненькая... внучонков таких же принесёт!»

– Здравствуй, мама... Красавку свела? – захохотился Алексей.

– Здравствуйте, тётя Саша, – зарумянилась Машенька.

– Да как уж теперь «тётя»? – досмотрев пустые пуговичные петельки, покачала головой Александра Тихоновна. Разом отрезала: – Дочкой, небось, пришла? Мамкой и зови... Отоспитесь, – кивнула Алексею на сеновал, где он всегда ночевал летней порой, – опосля и потолкуем.

Только часа через три, когда сквозь щёлки тесовых стен сараюшки просочился запах пирогов, Маша с Алёшкой опомнились: есть страсть как хотелось.

– Ну, в сарайке не отсидишься, родные мои, хоть и нраву крутого, но отходчивые, – успокаивал любимую Алексей, – да и меня знают: коли привёл, значит, не отступлюсь, лучше миром поладить.

А Тихоновна и не думала фордыбачиться. Пока молодёжь досыпала, умастила расшумевшегося было мужа, приняв на себя первые громы.

Наспех обрядившись в чистое, сбежала на Козловку, мол, к Валентине Сорокиной, товарке своей, поспрошать, как это та настрогалась без опары такое пышное тесто заводить, а заодно через забор потолковать и с Катериной Спиридоновой, Машуткиной матерью. Хватилась, небось, девки-то!

– Как, Катюш, поживаешь? – зашла обходным путём Тихоновна. – Картохи-то, у вас, гляжу, дружно цветут. Огурчики ранние не пошли?

– Да что ты, Шура! Только плети раскинули, недельки через две, не ране.

– Как сама?.. Как детки? – приближалась к причине своего визита Лёхина матушка.

– Поясницу было разломило, да к Куделихе Машутку спровадила, та какой-то мази злющей... чай, на тараканах да пиявках насуропила, отлегло... А ребятишки... что им поделается? Дрыхнут в светлице... Пока под мамкиным крылом, отсыпаются.

– Все ли под крылом-то? – улыбнулась Тихоновна, – может, кого не доглядела, наседка?

Катерина насторожилась, резко двинулась к хате. Откинула занавеску распахнутого окна. Заглянула внутрь и в недоумении оглянулась.

– Ты, Шура, не ходи колесом, давай напрямки.

– А я уж битый час пытаюсь намекнуть, да всё не получается: сватов на Петров день встречайте, у нас дочка-то ваша. Так-то вот: была ваша, стала наша, – хихикнула Тихоновна, но, сжалившись над остолбеневшей, с сердцем добавила: – да не кручинься ты, Кать, – Алёшка у меня сговорчивый, жить станут ладно, да и добрый он, комара не пришлёт, а уж дочку твою, коли сам привёл, пальцем не тронет... Да и мы с Пашей супротив их счастья не станем... Ну, так готовься к воскресенью-то!

С тем и отбыла.

А Катерина ещё долго не могла сдвинуться с места. Опомнившись, рванула в Лисий ложок, огорошить мужа, отправившегося спозаранку на косовицу. За неблизкий путь успела и погрозиться, пускай, мол, только явится гулёна; и напричиталась вдоволь, а уж когда до своей делянки добралась, весь пыл сошёл.

«Радость-то какая, Вася! Машенька с Лексеем Силиным поладили. Шура намекнула, на Петровки сватов, мол, дожидайтесь, – и, не давая опомниться Василию, заключила: – ну, и ладно... ну, и хорошо... парень-то он знатный. Дай-то Бог!»

А Тихоновна в это время потчевала будущую невестку пирогами со щавелем. Алёшка понимал, коли мамка пироги затеяла, значит, в духе (к тесту без настроения не притрагивается), а значит, всё у них с Машей будет хорошо: и отец перестанет сердать «за скороспелость решения», и предстоящее сватовство как по маслу пройдёт, и, если подсуется, глядишь, до Успенского поста со свадьбой управятся. И заживут они с Мальвой!..

И зажили б... если бы аккурат после уборочной на вспашке зяби в Кривой балке не напоролся бы Алёшка Силин на столько лет ожидавшийся своего часу противотанковый снаряд...

Но Господь не оставил молодую вдову без милости, обласкал, и на Алексея Вешнего Мальва благополучно разрешилась сынком Лёшенькой – кровинка к кровинке в папку.

...Светало. Бабка Мальва, так и не сомкнувшая за ночь глаз, раздёрнула кухонные занавески. Вдоль улицы, со стороны Потаповского двора, шли припозднившиеся пары. Свадьба только-только начала затихать.

Поэзия

Галымкаир МУТАНОВ

Галымкаир Мутанов – известный казахский поэт, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби, вице-президент Национальной академии наук Казахстана, президент Национальной академии наук высшей школы Казахстана, почётный доктор и профессор более десяти университетов мира. Сборники стихотворений Г. Мутанова успешно вышли в Турции (две книжки – автор награждён почётной премией Махтумкули), Украине («У ковчезі часу», международная литературная премия имени Николая Гоголя «Триумф», Киев, 2016), России, Азербайджане. Переводы на фарси опубликованы в популярном журнале «XUDAFƏRIN». Появились резонансные публикации в канадском альманахе «Порт-Фолио», украинских журналах «Всесвіт», «Бористен», «Літературний Чернігів», многих других изданиях.

В Беларуси публикуется впервые.

«Если казах, то родился на гриве коня...»

ОТОРВАВШИЙСЯ ЛИСТОК

Как плавно, ничей не тревожа покой,
Как будто прощально махая рукой,
По ветру скользит, навсегда одинок,
Сорвавшийся с ветки зелёный листок.

По воздуху лета – куда, почему?
Шумят остальные и машут ему...
Так странно, так рано – не сух и не вял –
От неба и солнца смертельно устал...

Как много вопросов, взыскуя итог,
Родил тополиный зелёный листок.

Мир вот он! – он, вроде, понятен и прост.
Но где же ответ на невинный вопрос?..

ЧТО НАДО?

Ты посетил сей мир, испив его до дна.
Уходишь с чем в объятья Божья сада?
Что надо?

– Два-три локтя полотна
В час рождения
И на саван...

А что ещё?..

Да более ничего.

Путь невелик был от прихода до ухода.
Ты второпях – зачем, о чём твоя природа
Не понял,
Как и дара самого.

Хотя довольно было бы взглянуть –
Для смертного вовек известен путь.

СХОЖЕСТЬ ХАРАКТЕРОВ

Время стремится, небес бубенцами звеня,
Всякий народ норов свой обретает века.
Если казах, то родился на гриве коня,
Если казах, то дорога твоя далека.

Всхрапы тулпара и дробь-перестуки копыт –
Древняя песнь для казаха. Её услышав,
Сердце казаха трепещет и ритмы дробит
В такт табунам, что летят океанами трав.

Да, мой народ унаследовал норов коня,
Столь же вынослив и столь же свободен душой.
Да, мир – великий табун, а все люди – родня,
Лишь аргамак одинок в этой скачке большой.

Крепок союз меж конём и наездником: вмиг
Ржаньем и словом они обменяться вольны,
Чтобы по кличу тревоги пронзять материк,
Словно стрела, рассекая просторы страны.

Да, мир – большой ипподром, состязанье судеб!
Но коль скакун-казанат тебе – предок и друг,
Вновь охраняй ты Отечества волю и хлеб,
И да воздаст тебе счастьем твой жизненный круг...

ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБЕД

Мне бабушка-иня всё время повторяла:
«Мы друг у друга лишь пожизненно в гостях».
Таков народный дух не торго, не вокзала,
А дома, где любовь напутствует Аллах.

Из глубины веков неписанным законом
В потомстве передай – средь близких и родни:
«От Бога повелось ещё во веке оном –
Всё лучшее из яств для гостя сохрани».

Сумел ли жизнь познать? С какого перепуга?..
Чем зачислять людей в рабы или враги,
Запомни: «... мы в гостях, в гостях мы друг у друга»,
Ты свято и светло лишь это сбереги.

Ты здесь, а после там, а завтра – на погосте.
Но прежде чем навек избавишься от бед,
Мы проводить тебя как дорого гостя
Придём на твой земной, прощальный твой обед.

СОБАКА ЛАЕТ

Собака лает.
Караван идёт.
Кочевье ни на миг не сдержит ход.
А путь его не лёгок и далёк
Для пеших ног.
Собаки лай не слышит караван,
Маршрут начертан, труд от века дан.
Неистов пёс.
И бешено, и зло
Пёс брешет, подтверждая ремесло:
«Хозяин! Оцени старанья –
От пуза накорми и напои».
А караван ступает, величав,
Шаги степенны, неизменен нрав.
Он знает цель, и вес, и мира край...
Но как бы ни мешал собачий лай,
С пути его не сбить, то видишь ты.
... Прошёл и скрылся у земной черты.
А пёс всё лает вслед до хрипоты,
Взахлёб, в пыли дорожной, в туче блох.
Над ним смеются люди: «Пустобрёх...»

ВОЖАК

Подобный стреле, клин свой опережая,
Летит серокрылый вожак.
Важна ему только сохранный стая
И путь – через ветер и мрак.
Он первый из стаи летит и глаголит,
Он знает, где Север и Юг.
Его отличает от стаи одно ли –
Великий опасности слух?!..
Грядущей угрозы предчувствия остро –
Гортанной тревогой с небес
Прокатятся!.. Для сбереженья потомства
И чтоб его род не исчез,
Он тянет гусынь и гусей караваном
Туда – до родного гнезда,
Покуда зарядом свинца из тумана
Его не собьют навсегда.
.....
Поэт-прозорливец, ты тоже в полёте
Подобен гусей вожаку, –
Вещаешь-поёшь об Отчизны свободе,
Неся свет-завет о господнем народе,
Храня роду и мешая врагу.
ВРЕМЯ-КОВЧЕГ
Время – Божий ковчег. И собрату
Человечьему следует знать:
Сей ковчег устремлён к Арарату,
Этой цели нам не миновать.
Время – Божий ковчег в море жизни,
Всем и каждому – свой закуток...
Будь же светел на собственной тризне,
Коль доплыть до Спасения смог.
Есть ковчег. Есть пучина пространства...
Чтоб не сгинуть на дне бытия,
Знай любовь, а не тьму окаянства,
Верь, как верила Ноя семья!
Море – бурно. Но крепко и стройно
Божье судно – до цели-конца!..
Перейди через море достойно,
По завету отцов и Творца.

МУДРЕЦУ АБАЮ

«О, казахи мои, мой бедный народ!» –
До глубин сокрушаясь, ты в печали воскликнул.
Друг ли с недругом предали в горький черёд?!
Или бездну людского порока постигнул?

И стремясь образумить людей среди тьмы,
Не склонился, один против тысяч сражаясь.
Воин слова! – но глухи доньине умы,
Среди чисел новейшим бесплодием маясь.

Благ мирских каждодневные слуги-рабы –
Лишь комфорт, лишь богатство их цель и отрада!
Нравы те же – урвать свой навар у судьбы,
Не забыв свою долю от крови и яда.

Просвещённых полно! Но не меньше иных –
В тайну мудрого сердца проникнуть готовых...
Сами, будучи рыл наподобье свиных,
Всех других за собак почитают дворовых.

Те же тьмы воронья, что преддверье небес
Застилают, мешая орлиному взлёту.
Их повадки, их прежний лихой интерес –
Стаей пасть на того, кто вещает свободу.

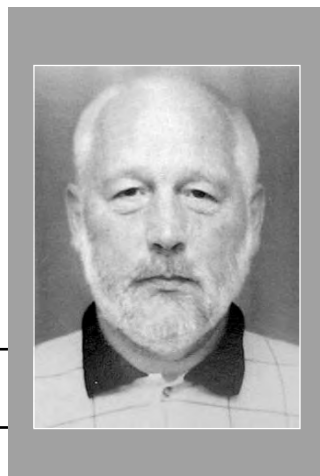
Любы сердцу народному слов жемчуга,
Свет Учителя люб, его воля благая!
Голос сердца призывный дойдёт сквозь века,
В каждом юном колене Завет полагая.

Что в душе пламенело, в твоих ли устах
Стало Словом – собраньем сказаний и правил,
Труд великий верша на миру и в веках?!..
Даст Аллах, и, возможно, мы век наш исправим:
«Воля коли пребудет в народа руках»...

Перевёл с казахского Владимир Берязев

Проза

Алексей ЯШИН

МАДОННА – 2005

РАССКАЗ

Ленька Тарханов сдал последний экзамен за четвёртый курс строго на «отлично»: не зубрилой был, но просто голову на плечах имел, что по нынешним временам редкость. А учился он в совершенно нелепом университете, скоропалительно возникшем в середине 90-х годов в райцентре исконной русской губернии на базе скромного пединститута, существовавшего в старинном купеческом городе едва не с ветхозаветных времен. Все дело в том, что тщеславные городские власти вовремя подсутились перед губернатором, который по совместительству занимал очень высокий пост в Москве по части законодательной власти. И вот создали монстра: четырнадцать факультетов, целый квартал старокупеческих зданий, отремонтированных под учебные корпуса. Только потом сообразили: количество приёмных мест превышает число выпускников школ города, района и еще двух-трех районов. И вот на рубеже веков старинный город стал высокообразованным; везде выпускники университета: на рынке, за прилавками, обслуга в пивных и забегаловках и так далее. А глава города публично похвалялся: дескать, переплюнули советскую власть!

Но это к слову, сейчас и не такие перекосы случаются; главное – Лёнька вздохнул с облегчением: впереди два месяца без доуки слушать каждый день вялые лекции «преподов» – только что переквалифицировавшихся из школьных учителей и училок, бывших коллег его матери, тоже учительницы. А главное, во дворе корпуса, на скамейке сквера его ждала Ольга, его первая серьезная любовь, второкурница с психологического факультета. Уже ставшую столь знакомой изящную фигуру самой красивой девушки факультета Лёнька отметил боковым зрением – через распахнутое по случаю июньской жары окно, – ещё спускаясь по лестнице с третьего этажа. Душа запела: первая в жизни девушка, ставшая его женщиной: юной, ласковой, искренней в словах и любви. Лёньку передёрнуло от отвращения; почему-то вспомнил не к месту, как зимой ездил в соседний областной город проведать брательника, учившегося в тамошнем солидном университете: рискнул, поступил и тем самым вырвался из провинциального зазеркалья, где через пару капиталистических пятилеток только пенсионеры не будут иметь высшего образования.

Соседи братальника по общежитской комнате на троих досрочно разъехались на зимние каникулы (братья собирались ехать домой через три дня – надо же город Лёнке показать), прикорнуть нашему провинциалу было где. В первый же вечер в их комнату вошла приятная на вид маленькая блондинка, кивнула гостю:

– Юр! У тебя есть что-нибудь пожевать? Последнюю полторашку на мобильную карту истратила, только на автобус до дома осталось.

Брат подмигнул Лёнке, достал из шкафчика батон, колбасу и сыр, вышел с чайником на кухню. Девица с интересом посматривала на съестное, что-то шептала о закончившейся сессии. К ужину Юрка из того же шкафчика достал початую бутылку дешёвого портвейна (Ленька принципиально ни капли в рот не брал, памятуя спившегося и отъединившегося от семьи отца). Девица без объяснений осталась на ночь кровати с Юркой, а Лёнка, немало дивясь простоте нравов, уснул только за полночь под жаркой подушкой, накрывшей голову.

... На следующий день ужинать и спать с Юркой пришла вальяжная крашеная брюнетка, а последнюю перед отъездом ночь с брательником провела длинноногая девушка с волоокими крупными глазами. Юрка, экономный по натуре и общежитскому жилью вдаль от дома, трясаясь в автобусе, запряжённом на шесть часов пути до родного дома, сокрушался: ох и жрут же эти девки, себе дороже эта самая любовь обходится! Ленька молчал, с тоской поглядывая то на розовощёкого брата, то в окно на скучный зимний пейзаж.

Ольга тоже зорко отметила выходящего из корпуса Леньку, но продолжала сидеть на скамейке. Тот же, отвечая машинально на приветствия однокашников и преподавателей (они с ним обычно здоровались запросто, за руку, как со взрослым сыном их прежней школьной коллеги), шёл только по оптической прямой: от его глаз к Ольге. Мотнув головой, он почти что физически отбросил паскудные воспоминанья об общежитских сопостельницах брата; сами эти мысли казались ему оскорблением для его возлюбленной.

Ольга поднялась, только когда Ленька подошел к скамье; понятно, что лизаться публично, тереться голым животом в пупочном декольте о торс партнёра, как то сейчас заведено, здесь и в мыслях не было. Страстная, женственная в моменты недавно наступившей близости, Ольга была воплощенным воспитанием при постороннем взгляде. Взяв Леньку под руку, она, как истинная девушка-мажор, пошла к выходу из дворового сквера, но на самом выходе её спутника остановил пожилой преподаватель, осведомился об успехах в сессии, спросил о здоровье матери – как ей учительствуется в школе. Старомодно раскланялся и зашел во двор.

Ольга исподлобья, мотнув очаровательной мелированной чёлкой, взглянула на спутника, остановилась и отняла свою руку.

– А-а что, у тебя мать училка?

– Да, в той же школе, где я учился, – машинально ответил Ленька, а в мыслях он был далеко, главное, что его сейчас волновало: после нового поворота в отношениях с Ольгой каковы должны быть его действия? Делать предложение сейчас или как?

– Послушай, а Тарханова, проректор по экономике, кем она тебе?

– Да никем, просто однофамилица. Здесь, как в деревне, на весь город десяток фамилий. А что?

– Нд-а-а... А я полагала, что она твоя мать, смотрю и преподаватели с тобой за руку здороваются, разговаривают. Так-так, вот что, милый, времена сейчас

сложные, мне тоже нужно о себе позаботиться, поэтому давай-ка на этом и поставим точку в наших отношениях.

Лёньку прошиб холодный пот, ноги перестали держать, он даже пошатнулся, заглotal пересохшим ртом воздух, еле-еле выдавил:

– Ппо-о-чему? – вернулось забытое с детства лёгкое заикание.

– Сам понимаешь почему. Не ребенок. Вот что, давай вернёмся на ту же скамейку, я тебе кое-что рассказать, так сказать на прощание, хочу.

* * *

Слава Кирпичников, только что перешедший на третий курс естественного факультета, с утра выстоял очередь к кассе бухгалтерии университета и с удовлетворением получил стипендию за два летних каникулярных месяца. Тем более, что уже полгода, как её стараниями ректора и проректора по экономике Людмилы Георгиевны Тархановой довели до «штуки» – против вполонину меньшей по всей европейско-российской провинции. Для шику он попросил кассиршу дать деньги двумя бумажками с видами города Ярославля.

Выйдя из главного корпуса, Славка вынул из кармана дешёвый мобильник, купленный в обменном магазинчике, заметно волнуясь, набрал номер своей недавней знакомой с факультета психологии:

– Оленька! Ты ещё не уехала? В Воронеж собиралась... Может, отметим успешное, так сказать, окончание учебного года?

Весь день он готовился: попросил мать постирать свою выходную рубашку с занятным калейдоскопическим ярким рисунком, тщательно отутюжил лучшие свои светлые брюки. Стригся вроде бы недавно, только перед выходом долго причёсывался. На вопрос матери о стипендии за летние месяцы ответил, что завтра выдают.

– Вот и хорошо, а я вчера пенсию получила, на лето нам и хватит, – ответила Вера Тихоновна.

Славик отвернулся от матери, на душе кошки скребли, до слез было жалко мать: после прошлогодней операции пришлось оставить заводскую работу; другой не нашлось, вот и осталась с третьей группой и пенсией в полторы тысячи... «Допустим, даже если в кафе штуку истрочу, то отдам матери вторую, скажу: в университете денег нехватка, в два приёма будут летнюю стипендию выдавать. А за месяц?.. Всё одно подрабатывать нужно». На душе сразу полегчало. Матери что-то не терпелось спросить, не выдержала:

– На свиданку, небось, собираешься?

– Ага, к девушке моей знакомой, Ольгой звать, у нас учится, на психологическом факультете. Да ты нас с ней видела месяц назад, помнишь – у почты?

– А-а, это с чёлкой такая? Красивая девушка...

Славик вышел из квартиры и через четверть часа уже ждал Ольгу у входа в городской парк.

* * *

К половине одиннадцатого Славик уже с нехорошим предчувствием ждал окончания ужина с Ольгой в лучшем ресторане города «Белый орёл» (бывший «Спутник»). Ольга сразу отвергла парковое кафе.

– Хочу шампанского и лазанью, а здесь только это мерзкое пиво и полусырые шашлыки. Извини, не так воспитана.

К их столику, красиво сервированному, но более всего к чуть захмелевшей Ольге, присматривались молодые кавказцы, сидевшие в уголке за своим дастарханом. У Ольги запел мобильник; выслушав, она сказала что-то утвердительное.

– Славик, пора заканчивать пиршество, отец досрочно из командировки в Старый Оскол прибыл, а он не мама – помешан на благонравии девиц и не любит, когда после двенадцати кого-то в квартире не хватает. Попроси, пожалуйста, счёт, а через полчаса проводишь меня до дома.

Счёт оказался в три тысячи без копеек, но Славик уже загодя всё продумал с каким-то яростным хладнокровием.

– Официант! Ещё нам кофе и мороженое. Олечка, извини, я на минутку.

В предбаннике ресторана он набрал на мобильнике домашний телефон и деревянным голосом всё объяснил матери. Та заохала, даже чуть всплакнула, но обещала через четверть часа (дом рядом) подойти ко входу.

Когда через эти самые четверть часа Славик вторично извинился, встав из-за стола, Ольга уже с лёгкой насмешкой во взгляде разрешающе кивнула своей знаменитой и влекущей чёлкой. Сердце Славика заныло, когда он, шагнув из ярко освещённого подъезда на тротуар, увидел немного сгорбленную фигуру матери.

– Вот, Славик, возьми, полторы тысячи, как просил. А как мы лето-то будем жить, ведь только через месяц следующая пенсия?

– Иди, мам, домой. Я всё понимаю.

Когда он протянул подозванному официанту две крупные кредитки и полторы тысячи сотнями («Сдачи не надо!»), Ольга с интересом, как бы со стороны, изучающе посмотрела на Славика, а прощаясь у своего дома на центральной улице города, слегка обняла спутника, чмокнула в щёку:

– Вечер мне понравился, а ты-ы интересный парень! Завтра созвонимся. Пока.

Славик ещё с полчаса побродил по затихающим улицам. Ни сердца своего, ни ног под собой он не ощущал. Так и вошёл в квартиру. Мать сидела на стуле в крохотной кухне «хрущёвки», опустив голову долу. Медленно подняла её на Славика. Такие тоска, беспокойство и жалость к сыну были в её глазах на почерневшем лице, что Славик снова развернулся в коридорчик, вошел в санузел, сожалея, что так и не нашёл времени починить щеколку, висевшую на одном шурупе, сел на старую маленькую стиральную машинку, взял с полочки бритву и, отставив правую руку в сторону ванной, вонзил её в вену у запястья.

Через короткое время мать, почуяв неладное, бросилась к сыну.

...«Скорая» забрала Славика в больницу – слишком много крови потерял. Врач успокоил Веру Тихоновну, но предупредил: в случаях суицида они обязаны ставить в известность милицию.

Через две недели, ещё с перевязанной рукой, что он скрывал рукавом рубашки, Славик устроился подсобным рабочим во вновь открывшийся в городе супермаркет. Мать тоже нашла работу «на телефоне».

* * *

К концу рассказа Ленька уже пришел в себя. Что-то в нём вмиг перегорело:

– Ну, и к чему это мне всё знать?

– К тому, милый, что если ты задумаешь вены себе резать, вешаться или топить по летнему времени, то делай это не сейчас, а дня три-четыре спустя.

– Постой, постой! А почему через три дня?

– А чтобы милиция меня не беспокоила, как в прошлый раз. Привет маме!

Поэзия

Константин СПАССКИЙ

Константин Спасский – актёр театра и кино, поэт, журналист. Заместитель председателя Правления Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры (МО РТСРК). Член Союза театральных деятелей России, Московского городского отделения Союза писателей России. Родился в г. Новосибирске. Работал в театрах Новосибирска и Москвы. Спецкор газеты «Московский вестник культуры». Автор более десяти поэтических сборников. Снялся во многих художественных фильмах и телесериалах. Лауреат международных премий.

Прошедшим годам

СТАРИКИ

Набирая сегодня стремительный ход,
Задыхаюсь, но всё ж вырываюсь вперёд.
И живу, торопя каждый час, каждый вздох.
Этот бешеный ритм мой как будто неплох.

И как будто наполненность крайняя дня,
Может быть, оправдает когда-то меня.
А в зеркальности глаз и в поступках других
Очевидно, что бег мой отчаянно тих.

А взлететь бы хотелось со взмахом руки,
Чтобы мною гордились мои старики...
Я усилия множу который уж год
И ещё ускоряю стремительный ход.

И взлетаю! Лечу! Вырываюсь туда,
Где моим старикам не бывать никогда!
Сколько времени отдано страстным трудам!
Сколько сил я оставил прошедшим годам!

Я как птица парю без преград и оков!
Но уже без любимых моих стариков.

КРЕДИТОРЫ

Каждый прожитый день – кредитор.
За порогом купе их всего-то десяток.
С остальными порядок.

И это позор.

Остальные набрали предложенных взяток!
Те, что ждут за порогом, у каждого счёт
Настоящего счастья, без должных оплат.
Уж пора расплатиться!

Но время течёт!

А сегодня не так я, как раньше, богат!
Я б хотел расплатиться!

Вопрос только в том,

Где найти мне теперь столько звонких монет?
Как же много откладывал я на потом.
А ведь знал, что назад возвращения нет!
И так много терял.

Не жалел.

В том ли суть?

Слишком был я уверен в себе.

Что ж теперь?

А в купе духота.

И уже не уснуть.

И всё время стучат в приоткрытую дверь.

МНОГОГОЛОСЬЕ

Там, где утро золотило
Хлеба зрелые колосья,
Приходила в тело сила
Под разлив многоголосья.

И коса сверкала белым,
И рядки ложились ровно.
Пахло ветром, хлебом спелым,
Руки двигались проворно!

Улыбалась мне дивчина
И бросала взгляд украдкой.
Разве это не причина,
Чтобы в мыслях было сладко.

И слетались отовсюду
Урожай отведать птицы.
Коль случится ночью блуду,
Будут завтра ярче лица.

Завтра снова под косою
Лягут зрелые колосья.
Новый день начну с тобою
Под разлив многоголосья.

СЕРДЦЕ ДАЛЬНЕЙ ГРОЗЫ

Где-то бьётся, как сердце, гроза за лесами.
И несёт очищение спящему миру.
А душа вырывается в небо над нами.
Там Орфей берёт в руки волшебную лиру!

Пусть же ясные звуки в шальную погоду
Чистоту сохраняют в глубинах сознания,
И спокойную памяти талую воду
Не тревожат напрасно о прошлом стенанья.

Растрянжирить своё мне сегодня не стыдно,
Я нажать ещё много успею. Я в силах!
Это позже пусть будет смешно и обидно,
Когда нас позабудут в роскошных могилах.

Где-то там мир наполнен тревожной грозью.
Где-то там сотни молний и гром одичалый.
А над нами всё небо горит бирюзою.
И спокойны на озере ближнем причалы.

ПОЭТЕССА

Убаюкает ветер наш домик у леса.
Надо мною склонится моя поэтесса.
Преисполнена негой, стихами о вечном,
И о лете безбрежном, но всё ж быстротечном.

И о том, что чарует сердца неустанно.
И о том, что бежать от себя – это странно...
Только птицы уснут на изломанных ветвях,
Корабли затоскуют на брошенных верфях.

Поезда замолчат в тупиках удалённых,
Им наутро встречать на перронах влюблённых.
Всё погрузится в сон, где предстанут святыни,
Те, которым с надеждой мы молимся ныне.

Уж давно отзвучала вечерняя месса.
Надо мною склонилась моя поэтесса,
И наполнился воздух словами о вечном
И о лете счастливом и столь скоротечном.

ПИСЬМА

На вечность опоздает мне посланье,
Когда я стану безобразным тленом.
И нежных, вдохновенных строк старанье
Не разлучит меня с могильным пленом.
Так, бездну лет утаивая счастье,
Молчанье умножая многократно,
Лелеют вечной памяти пристрастье
Живых все те, кто канул безвозвратно.

И я пишу письмо на адрес смерти,
Так будет верно, ибо адрес точен.
В последний миг часы на башнях сверьте,
Кончины час к рожденью приурочен.
С любовью, и безлунной, и бесплодной,
Ко мне ответ придёт через столетья,
Неся в реке терпений многоводной
Из прошлого желанные соцветья.

Начнётся жизнь из новых опозданий,
Мы не родимся вовремя ни разу,
Нам не испить нектар своих желаний
И не закончить начатую фразу.
Нам знать судьбу до часа, до мгновенья,
На ожидание растрчивая силы,
Без капли радости, без капли сожаленья
Вновь письма посылатъ в свои могилы.

Проза

Михаил ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА

РЕКВИЕМ

Жизнь без тебя...

Лежу в больнице на обследовании: на третий год после твоего ухода серьезно стало сдавать сердце. И раньше, когда мы с тобой последние три года жили в ожидании твоей смерти, пытаюсь как-то противостоять ей, когда я жил еще с тобой, но в то же время с ощущением, что уже без тебя, я, мягко говоря, чувствовал его, а теперь вот прижало серьезно. И в правое и в левое ухо я постоянно слышу, что должен смириться с твоей смертью, что должен как можно скорее жениться, пока еще стою на ногах, что нужен элементарный режим, наконец, просто следует успокоиться...

Я попытался жениться. Нет, не отказавшись от тебя. Наоборот, я хотел, я готов был как бы в искупление вины перед тобой, отдать встретившейся мне женщине и ее малолетнему сыну, который привязался ко мне, как к отцу, море неистраченной теплоты и нежности. Все вроде бы было хорошо, пока она жила у меня наездами. Но через неделю после того, как совсем переселилась ко мне, однажды утром, и не просто утром, а на Рождество Христово, она, заломив руки, встала передо мной на колени:

– Нет, не могу. Здесь по-прежнему живет ваша покойная жена. Она не ушла отсюда. Она везде. И не просто везде, а постоянно напоминает о себе. Она не отпускает вас... Или вы не отпускаете ее... Она против меня...

И, собрав свой скудный скарб и заказав такси, она уехала...

Я лежу в кардиоцентре, который во многих случаях – тоже почтовая станция в мир иной: по статистике, люди умирают от болезни сердца даже чаще, чем от рака. Но, в отличие от рака, в большинстве случаев, – неожиданно для больного, и потому не так страшна такая смерть.

* Окончание. Начало в №5 и №6, 2016 г.

У меня появилось много свободного времени, потому много читаю.

«Мысль о земной кончине страшит лишь тех, кто не верует в Бога, или тех, чья вера слаба, хотя они думают, что она сильна, – так тоже бывает. Мы можем совершать бесконечные паломнические поездки, рыдать у святых мошей угодников Божиих, молиться всю ночь напролет (а потом целый день спать), совершать, как нам кажется, подвиги во имя Христа, даже посещать все богослужения, что само по себе хорошо, но... Но леденящий жутковатый холодок внутри по мысли о смерти безошибочно покажет нам, как слаба наша вера в Милосердного Бога... Без веры думать о смерти страшно. И все-таки думайте о смерти! Потому что рано или поздно эти мысли приведут вас к вере! Человек начинает жить подлинной жизнью, лишь осознанно принимая неотвратимость земной кончины и необходимость подготовки к ней...»

Верую ли я? Не знаю. Если не верую, а только обманываю себя, – что заставляет меня время от времени ходить в храм и замирать там в неясном благоговении?

Если я действительно веровал бы, а не прикидывался верующим, обманывая прежде всего самого себя, если бы верил в тот прекрасный мир по ту сторону смерти, наверное, не была бы для меня так ужасна твоя смерть...

«По сотворению мира все Ангелы были связаны союзом святой любви и пребывали в великой святости и чистоте и имели мир между собой и Богом. Но вскоре Ангел, которому была вверена охрана Земли, не вынес чести и славы, дарованной ему Творцом, и допустил самомнение, высокоумие и гордость. Слово Божие говорит, что Денница (Диавол) в помышлении своем пожелал взойти на небо, выше звезд небесных поставить престол свой, сесть на горе высоте и быть подобным Всевышнему...»

Не в силах до конца понять сказанного, набираюсь наглости размышлять: но значит, с самого начала что-то ущербное было в творении Божиим, раз один из ангелов восстал, раз он захотел на Земле создать свой мир и, может быть, создал его?

«...Он возымел желание стать равным Богу. И вслед за этим самообольщением последовало прямое неповиновение Богу. Кроме того, он увлек за собой множество состоящих под его властью Ангелов. И спал сатана вместе с мятежными ангелами с неба, как молния. И падение, и изгнание Дьявола, по учению святой церкви, произошло до сотворения человека. И зло уже было в отпадении Ангелов. Человек, как земной ангел, украшенный добродетелью и чистотой, явился венцом творения. Но Дьявол смутил любимое деяние Божие...»

Почему ангелы восстали против Господа?

Раз это произошло раньше появления человека, не создал ли Бог человека себе в помощь в борьбе с Дьяволом, возмечтавшим стать богом для Земли, – а тот быстро переманил человека на свою сторону?

Остаться после смерти жить на Земле, это значит оставить сколько-нибудь благодарную память о себе, если не у всего народа, если не у всей деревни, то хотя бы у своих потомков, то есть жить как бы в двух мирах, которые потом, может быть, соединятся.

Если мы временные на Земле, то почему каждый старается после себя оставить память на Земле, прежде всего в образе детей?

И почему я так страдаю от того, что никого после себя не оставляю?

По мнению ученых, мозг наш задействован всего лишь процентов на 10. Остальные 90 процентов как бы спят.

Почему же мы умираем, не использовав даже малой доли возможностей мозга?

Может, мозг человека специально заблокирован, чтобы мы чего-то не натворили в силу своей безнравственности? Может, эта блокировка произошла после грехопадения Адама и Евы? И опять, словно гвоздь в мозгу: но почему Бог не смог предвидеть и предотвратить их грехопадение и наложил печать греха на все последующее человечество?

Или же наш мозг – часть души, он остается задействованным всего лишь на 10 процентов с расчетом на будущее, чтобы проявиться в другом мире? Где-то же должны проявиться в полной мере возможности нашего мозга!

В другой жизни? Но мы знаем, что мозг смертен, а бессмертна, если это правда, только душа. Но, может, действительно мозг – часть души? Тогда он заработает в полную силу в результате нашей нравственной эволюции, когда станет вторичен по отношению к душе, а не наоборот, как сейчас: мы сначала до всего доходим умом. Это совсем не противоречит божественному происхождению человека, наоборот, подтверждает его. Бог только дал толчок, как бы сделал первоначальную колодку человека, заложив в него душу и дав в помощь полностью подвластный ей ум, а дальше мы должны были нравственно расти сами, и неукоснительно главенствовать должна была душа, а ум – только подчиняться ей. Но после того как первый человек, у которого ум переборол душу, сорвал плод с дерева познания, Господь заблокировал наш мозг, надеясь, что не навсегда?

Читаю:

«И сказал змей жене (Адама): «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что древо хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз вожделенно, потому что дает знание, и взяла плодов его и ела; и дала мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания».

Сколько ни пытаюсь, понять конечного смысла этих слов не могу...

Кто-то недобрый вселяет в меня мысль: «Бог наказал Адама и Еву за то, что они полюбили друг друга, а Он хотел, чтобы они любили только Его?»

Читаю:

«Бессмертие человека состоит в том, что душа его по смерти тела продолжает жить отдельно от тела и человек за гробом продолжает свое существование в другом мире. Правда, в другой форме и в других условиях. Смерть не прерывает существование человека, а только видоизменяет его... Потому для православного верующего человека существует в большей степени память смертная, чем страх смерти. И чем сильнее и крепче вера, тем меньше страх смерти. Но больше память смертная».

Мой ближайший друг с детства – мусульманин. Без всякого сомнения, он выше меня по нравственным и духовным качествам, но для него, по утверждению православных священников, закрыты врата рая. Он, как мусульманин, должен считать соответственно, что врата его рая закрыты для меня, православного христианина.

У каждого свой рай?

Оба мы веруем или хотим верить, в Иисуса Христа, только я, православный, как в Бога, а он – как только в одного из пророков, посланников Бога. У нас с другом нет проблем по этому поводу, я мог бы сказать, что мы просто деликатно обходим стороной эту тему, но было бы правдой сказать, что нас, кроме детства и всего прочего, объединяет как раз то, что мы веруем в одно божественное существо, пусть и в разных ипостасях.

Но почему из-за этого, в общем-то, не принципиального для рядового верующего, разногласия христиане и мусульмане раздираемы или специально раздираются, стравливаются между собой много веков, начиная с явления пророка Мухаммада, хотя, по Корану, он пришел на Землю, чтобы как раз продолжить дело Иисуса Христа. Из-за этого в явных и тайных религиозных войнах уничтожены миллионы и миллионы людей. Мало того, сегодня мир стоит на грани действительно мировой – спровоцированной тайной беззакония – христианско-мусульманской войны, за которой, может, и последует конец света, но совсем не тот, за которым мы ждем всеобщего Воскресения, а конец-пустота. Может, по этой причине погибали одна за другой, казалось, на самой вершине развития, древние цивилизации, и кто-то специально стер память о них, чтобы каждая следующая, в том числе мы, начинала с чистого листа? А мы так и остаемся малыми злыми детьми, дерущимися из-за игрушек в песочнице?

Неужели мы с другом детства близки только потому, что я не в полной мере христианин, а только обманываю себя, что верую в Иисуса Христа, а он – не в полной мере мусульманин? А если были бы твёрдыми каждый в своей вере, то тут же схватились бы – один за топор, второй за ятаган?

Я всегда испытываю странное чувство, когда из иллюминатора самолета смотрю вниз, на Землю, мыслью отстранившись от нее: почему, получив в дар ее, невообразимо красивую, невообразимо прекрасную, люди разгородили ее на государства и, вместо того чтобы всем вместе, единым человечеством обихаживать ее, занялись дележом ее, кровавым выяснением отношений между собой?

И снова и снова прежний вопрос: почему Всевышний разделил людей по религиям, как до того разделил на расы, народы? На языки, ведь первоначально у нас был единый язык. Чтобы мы без конца выясняли между собой отношения и не поднимали головы к небу? Или мы сами разделились, помимо Его воли? Что Его так испугало в созданном Им самим человеке? Что Он поторопился отвернуть человека от неба и, вместо того чтобы заставить людей заняться своим нравственным самоусовершенствованием в общем богоугодном деле, заставил их всю короткую жизнь заниматься совершенно бесплодным и даже разрушительным делом: выяснять отношения между собой? Или это дело рук Дьявола? Почему Господь – или кто иной? – так упорно отделяет Землю от того, рисуемого нам прекрасным, потустороннего мира, а не стремится сделать Землю частью его? Или это случилось только после грехопадения человека?

Почему Всевышний после первоначального разделения человеков на народы, языки и вероисповедания, словно этого разделения ему показалось мало, попустил еще разделиться людям, даже исповедующим Его, на православных, католиков, протестантов... и еще на десятки и даже сотни всевозможных сект, которые постоянно выясняют между собой отношения и доказывают свою единственную причастность к Нему. Или рожденный Им человек уже давно не подвластен Ему?

И Он отказался от своего детища? Порой мне кажется, что человек давно брошен Богом, может быть, из отчаяния исправить его. В таком случае мы, оставшиеся на Земле сиротами, своего рода – злые дети, по-прежнему младенчески, но теперь уже без отеческого присмотра копающиеся в песочнице. И только этим, отеческим или материнским неприсмотром, можно объяснить многое, что мы успели натворить с Землей, с самими собой. И нетрудно представить, что нас, злых беспризорников, как крайним средством можно будет остановить очередным всемирным потопом или каким-то подобием его.

Мой знакомый, бывший военный летчик, сбитый во время войны в небе над Афганистаном и получивший в результате тяжелой контузии и ранения некоторый дар ясновидения, по окончании войны вернулся в Афганистан, чтобы кое-что прояснить для себя, потому что он не испытывал никакой вражды к людям, с которыми не по своей воле доблестно воевал. Он встретился с бывшим полевым командиром, одним из выдающихся мыслителей Ислама, Махмудом шахом Масудом и задал мучавший его вопрос:

– Что самое страшное может быть впереди у человечества?

– Самое страшное случится, – ответил тот, – если Ислам заменят лжеисламом, что сейчас и стараются сделать, а потом стравят нас с христианами. Тогда погибнут в поистине мировой междоусобной войне не сотни тысяч, как сегодня, и даже не миллионы, а миллиарды людей, если вообще не наступит конец света – не в мистическом, а в самом прямом смысле этого понятия, после которого не произойдет никакого воскрешения. После которого Всевышний, если у него еще осталась какая-то надежда на человека, поселит его, нового Адама, заставив, как уже было, забыть свое прошлое, скорее даже не на Земле, а на какой-нибудь другой планете, может, даже в другой Галактике.

Может, подобное уже случилось на Марсе, после чего он стал пустыней, и мы пытаемся там найти следы прошлой жизни. А по Земле какое-то еще время будут бродить отдельные одичавшие люди вроде обезьян. И нынешние обезьяны, может быть, – это одичавшие люди, которых Всевышний, боясь, что они натворят непоправимое, лишил разума и божественного облика. То есть, может быть, обезьяна произошла от некогда уже падшего человека, спасшегося во время очередного мирового потопа, а не наоборот, человек произошел от обезьяны. Впрочем, Коран так и утверждает, что обезьяна произошла от человека:

«И заменили те из них, которые делали несправедливость, другим речением, чем было сказано им. И послали Мы на них наказание с неба за то, что они были несправедливы. Когда же они забыли про то, что мы им напоминали, Мы спасли тех, которые удерживали от зла, и схватили тех, которые были несправедливы, наказанием дурным за то, что они были нечестивы. Когда же они (опять) преступили то, что им запрещали, Мы сказали им: «Будьте обезьянами презренными!»

Читаю Евангелие совсем другими глазами, чем раньше...

В речах Иисуса Христа, произнесенных им перед народом, в тесном кругу ближайших учеников, в молитвенных воззваниях к Богу-Отцу, выбираю места, относящиеся к вопросу о смысле, о конечной цели человеческой жизни. Взятые вместе, они дают ясный ответ, что за порогом смерти нас может ждать вечная жизнь, при условии, что мы будем вести себя должным образом на Земле. Вы-

писываю для себя следующие места: «В доме Отца Моего обителей много, а если бы не так, я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин.14.2-3); «Отче! Которых Ты дал мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мной. И Я открыл им имя Твое, и открою, да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин.17.24-26); «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика наша награда на небесах» (Мф.5.8.11.12); «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от сложения мира» (Мф.25.24).

Читаю всевозможные толкования Евангелия. Знаю, что читать нужно только само Евангелие и верить только самому Евангелию (холодный ум снова и снова подсказывает: если оно не ложно истолковано апостолами, неважно, сделано это из недопонимания или специально), но не все в Евангелии доходит до моего сердца, может, потому, что я пытаюсь понять его, прежде всего, умом, а ум мой то и дело растерянно упирается в стену или в пустоту.

«По Евангелию жизнь человеческая не прекратится всецело здесь, на Земле. Земная жизнь – лишь первая стадия человеческой жизни вообще, она продолжится и за пределами земной жизни, навеки, причем сознание, личность каждого человека останутся неприкосновенными... И вот там-то, за гробом, а не здесь, на Земле, конечная цель человеческой жизни, и там-то она вполне будет достигнута. Потому для нас смерть брата нашего по вере не должна заключать в себе горечи разлуки навсегда.

Человеку, грядущему на сон, не говорят: прощайте! Не правда ли, как было бы странно и смешно говорить это слово. А говорят: спокойной ночи! до утра! до утреннего свидания!

Ты каждый день видишь смерть, видишь ее и на улице, видишь ее и в доме твоём, видишь ее на чужих и своих, на взрослых и детях. Ты похоронил отца или сына, закрыл глаза жене своей, оплакал друга и не веришь, что и ты умрешь. Ты стар, одной ногой уже ступил в могилу, смерть висит у тебя на шее, а ты все еще надеешься на жизнь. Дьявол обманывает тебя, что ты не умрешь».

Читаю и пытаюсь принять сердцем, но оно почему-то противится.

А каков смысл моей оставшейся жизни здесь, на Земле?

«Отчаяние гони, как лютого зверя. Оно у тебя появляется от самонадеянности. Совершай то, что в твоих силах, а остальное восполняй смирением и любовью. У святых отцов сказано, что смирение без всяких подвигов может спасти человека. Вот и смиряйся. Не горячись, не кипятись, не ищи каких-то особых подвигов, свойственных древним подвижникам, – твои подвиги в терпении немощей: своих и других.

Когда к тебе приходит состояние безотрадности, ты только взывай: «Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного раба Твоего!» В эту минуту необходимо терпение и упование. Это время испытания. Полезно открыть такое состояние духовному отцу, прося его молить».

У меня нет духовника, и я не ощущаю потребности в этом, может, потому как врать ему нельзя, а говорить правду страшно.

Шепчу про себя: «Господи, помоги! Господи, не оставь меня, помилуй немощного раба Твоего!» Но не слышу ответа...

Читаю... Снова натыкаюсь на прежде покоробившее и даже возмутившее мою душу утверждение:

«Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви – это служба похорон...»

Читаю и неожиданно для себя не чувствую прежнего несогласия, а скорее только удивление и, может, даже согласие:

«Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви – это служба похорон. Она начинается словами, которые можно произнести только из глубины крепкой веры или напрягая все силы своего доверия к Богу: «Благословен Бог Наш...». Благословен Бог на жизнь, но благословен Он и на смерть. Но вспомним: когда Христос стоял перед лицом своей смерти, Он сказал ученикам: «Если бы вы меня по-настоящему любили, то радовались бы за меня, ибо я отхожу к Отцу своему...» И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека **и он приходит домой**».

И странно: моя душа и разум хоть полностью еще и не приемлют прочитанного, но уже не восстают против него... А слова «И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается земной путь человека и он приходит домой» – вызывают надежду...

Вспоминаю, как это было... Сначала вижу все как бы со стороны...

Несколько придавленных горем людей в черном около гроба в Крестовоздвиженской церкви, в одной из трех сохранившихся в городе в безбожное время церковей. Рядом стучат поезда, спешат, везут людей по их земным делам на восток и запад по Великой Транссибирской железнодорожной магистрали, люди, из любопытства или чтобы убить время, смотрят из вагонных окон, глаза неожиданно упираются в купола церкви, кто-то, редкий, крестится, и никто из них не подозревает, что в церкви в сии минуты кого-то провожают в мир иной. Знакомый священник, татарин, отец Роман – у меня вдруг мелькает мысль: а если мы провожаем тебя в лучший мир, в истинную жизнь, почему священник в черном и почему вообще люди, уже в этой жизни отрешившие себя от этого мира, монахи, всегда в черном? – до духовной академии окончивший философский факультет университета, суть учения в котором состояла в том, что его в течение пяти лет убеждали, что Бога нет, – может, как раз это и привело его к Богу? – начинает читать Последование по исходе души от тела:

– Благословен Бог наш...

Каждое слово гулко отдается то ли в сводах храма, то ли внутри меня, и я уже как бы не вспоминаю, а словно снова стою над твоим гробом. Кажется, что и меня вслед за тобой отрывает от Земли, я стою на хрупкой грани двух миров и чувствую присутствие над нами или среди нас еще Кого-то. И я не узнаю отца Романа, он внутренне преображается, его лицо становится торжественным и отрешенным. Когда его взгляд натывается на меня, он словно не видит меня, он смотрит словно сквозь меня и словно видит за мной или надо мной что-то или Кого-то.

Он торжественно и отрешенно повторяет:

«Благословен Бог наш...»

И я словно отрываюсь от Земли. Голос священника доносится до меня как бы издалека:

«Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...»

Я, словно проснувшись, замечаю, что кто-то высоким женским голосом начинает вторить ему:

«Со духи праведных, скончавшихся душу рабы Твоей..., Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче.

В покоищи Твоем, Господи: идеже вси святии Твои упокоеваются. упокой и душу рабы Твоей..., яко Един еси Человеколюбец.

Ты еси Бог, сошедый во ад и узы окованных разрешивый, Сам и душу рабы Твоей упокой.

Едина Чистая и Непорочная Дево, Бога без семени рождшая, моли спастися души ея».

На какое-то томительное время в храме повисает пауза, а потом на меня как бы обрушивается сверху:

«Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей. Молим Ти ся, услыши и помилуй...»

Еще молимся об упокоении усопшей рабы Божией..., и о еже простится ей всякому прегрешению, вольному же и невольному...»

Высокие женские голоса на клиросе отвечают священнику:

«Господи, помилуй!»

И опять голос священника отрешенно и торжественно возносится к куполу храма:

«Боже духов и всякия плоти, смерть поправый, и диавола упразднивый, и живот миру Твоему даровавый, Сам, Господи, упокой душу усопшей рабы Твоей... в месте светле, в месте злачне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание, всякое согрешение, содеянное им словом, или делом, или помышлением, яко Благий Человеколюбец Бог, прости: яко несть человек, иже жив будет, и не согрешит. Ты бо Един кроме греха, правда Твоя, правда во веки, и слово Твое истина.

Яко Ты еси Воскресение и Живот, и Покой усопшей рабы Твоей..., Христе Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Я настолько погружен в себя, что не сразу понимаю, что священник о чем-то спрашивает меня. Он вполголоса повторяет вопрос:

– Здесь закрываем гроб или на кладбище?

И я непроизвольно отвечаю: «Здесь», тем самым лишив себя последней возможности увидеть тебя. И он обыкновенным молотком с надтреснутой рукояткой забивает в крышку гроба обыкновенные, по нищете церковной полуржавые, гвозди. И эта обыкновенность меня потрясает. Но потом на кладбище, к моему удивлению, у меня не будет желания открыть гроб и еще раз увидеть твое лицо, у меня будет чувство, что тебя уже нет в гробу. Ты осталась там, в церкви, или уже была где-то далеко. А тут тебя уже нет.

Забив гроб, священник неожиданно для меня читает псалом 90 «Живый в помощи», который относится к живым и, знаю, обычно читается в минуты опасности:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»

Какая опасность ожидала меня в то время? Потеря веры со смертью самого близкого человека?..

Жизнь без тебя...

Два моих соседа по больничной палате отпросились на воскресенье домой. Включаю телевизор. Передача о поисках Атлантиды...

Рождается и умирает не только отдельный человек, рождаются и умирают – одни тоже в длительных муках, другие внезапно, в природных катастрофах – целые государства и даже цивилизации.

Почему погибла – или была уничтожена? – Атлантида, может быть, самая совершенная человеческая цивилизация на Земле – примерно около 1450 года до новой эры – от взрыва вулкана Санторин в Средиземном море и вызванной им огромной волны цунами? Города Атлантиды были построены с учетом высокой сейсмичности, они были в состоянии выдержать самые сильные землетрясения и, видимо, не раз переносили их, но неожиданно были разрушены катастрофическим взрывом считавшегося потухшим вулкана, после чего большая часть Атлантиды была поглощена океаном, а на оставшуюся обрушилась гигантская волна цунами. Но будто и этого кому-то показалось мало, потому что следом все, что осталось после взрыва вулкана и цунами, было засыпано многометровым слоем пепла. Немногие выжили, и, хотя были уничтожены сады, поля, пастбища, как-то стали приспосабливаться к новым условиям, но примерно через полвека на оставшийся от Атлантиды остров обрушилась новая волна цунами, а за ней новая туча пепла, словно кто-то старался спрятать даже следы от некогда существовавшей могущественной цивилизации. И потомки немногих оставшихся в живых, и переселенцы с материка на остаток Атлантиды, остров Крит, до начала археологических раскопок в конце XIX века не подозревали даже, что под их лачугами похоронены великолепные дворцы, сады, дороги... Почему Всевышний попустил это, если это произошло вопреки Его воле? Или сам наказал? Что, все, начиная с младенцев, в Атлантиде были грешниками? Может, Атлантида была уничтожена, а у остальных народов планеты была стерта даже память о ней за то, что она нравственно пала и стала угрозой для остального человечества? Или что ее жители пытались построить рай на Земле? А если не рай, то более или менее гармоничное человеческое общество, и во многом преуспели в этом, в результате чего перестали думать об иной жизни, о спасении души, о Боге? Что, Всевышний наказывает не только отдельного человека, а целые народы? Даже цивилизации? И даже стирает память о них у потомков и других народов. Он как бы возвращает человечество в первобытное детство, чтобы оно, не зная и даже не догадываясь о пагубном прошлом, все начинало сначала? Впрочем, кажется, однажды Он так уже поступил со всем человечеством, обрушив на него всемирный потоп. А может, это сделал не Он? Может, это, как бы сегодня сказали, диверсия Дьявола на уничтожение как раз богоизбранного народа? Но почему Всевышний не противостоял этому? Не мог противостоять? Или – не захотел?..

О существовании Атлантиды не сохранилось никаких письменных свидетельств, кроме упоминания у Платона, который опирался уже только на смутную

легенду, и мало кто ему поверил. Ничего неизвестно: что за народ населял ее, на каком языке он говорил, во что веровал? Неизвестно даже, где Атлантида находилась. Многие ученые вообще сомневаются, существовала ли она, верящие же в ее существование, сходятся в том, что остатки ее – нынешний остров Крит.

Открыл Атлантиду выдающийся английский археолог Артур Эванс в начале XX века. При раскопках царского дворца-лабиринта древнего города Феста, потрясшего ученых своей красотой и совершенством, был найден диск из хорошо обожженной глины диаметром примерно в 16 сантиметров. С обеих сторон его покрывала, подобно причудливому узору, спирально идущая надпись. Долгие годы эта надпись не поддавалась прочтению, пытались расшифровать ее с помощью греческого хетского, древнееврейского, ликийского, харийского и других семитских языков. Правда, английский ученый Майкл Вентрис в 1952 году предположил, что языком Фестского диска и табличек мог быть язык этрусков, древних таинственных жителей Италии, возможно переселившихся с одного из островов Средиземного моря, а потом так же таинственно исчезнувших. Римляне, видимо, знали или догадывались об этом, но это противоречило их историческим амбициям, и они за много веков до Майкла Вентриса своеобразно решили эту проблему, заявив: «Этрускан нон легатур – этрусское не читается», что им дало возможность провозгласить, что с них, римлян, начинаются если не всемирная, то уж точно западноевропейская цивилизация и, разумеется, письменность. «Дешифровка этой надписи остается за пределами наших возможностей», – расписались в своей беспомощности и современные западноевропейские ученые. Никому даже не пришло в голову попытаться расшифровать этрусские письмена, к тому времени найденные кроме Крита на Апенинском полуострове и во многих других районах нынешней Западной Европы, с помощью одного из славянских языков, потому как западная наука определила славян варварами, полудикими племенами, не имеющими сколько-нибудь глубокой истории и тем более уж древней письменности, а сами славяне почему-то не помнили своего прошлого, словно кто зомбировал их. Лукавые западные историки, потомки истинных варваров, хитро переадресовали свое ставшее нарицательным имя славянам. И тем более никому в голову не пришла мысль, более того, она показалась бы кощунственной, что эта надпись сделана именно на праславянском языке и что этруски по своему происхождению были славянами. И даже когда в середине XX века российский ученый Геннадий Гриневиц убедительно доказал, что надпись на Фестском диске и другие этрусские письмена, найденные в разных местах Европы, сделаны на праславянском языке, и, отталкиваясь от этого, успешно расшифровал их, это было предано умолчанию и даже осмеянию и до сих пор остается известным только узкому кругу ученых.

И поразительно, этрусские письмена Крита, Апенинского полуострова после расшифровки (потому что алфавит и слоговое письмо этрусков как бы специально стертые были из памяти человечества, в том числе из памяти самих славян, и через много веков равноапостольным Кириллу и Мефодию пришлось заново создавать славянскую письменность для ознакомления славян с Евангелием) легко читаются и понимаются мной, современным русским, знакомым со старославянским лишь по краткому университетскому курсу, так мало изменился язык за тысячелетия. Изменились мы за эти тысячелетия? И если изменились – то в какую сторону?

Теперь уже с определенной достоверностью можно утверждать, что таинственные этруски были славянами – ответвлением так называемых эгейских пеласгов, догреческого населения Греции, Энеиды, а также и Крита. О них известно столь мало, что складывается убеждение, что кто-то старался стереть саму память об этрусках в истории человечества. Римский император Клавдий в I веке н.э. написал двадцатитомную историю этрусков, но его труд погиб при пожаре Александрийской библиотеки. Почему-то время уничтожило и другие труды античных ученых, посвященные этрускам. «Отец истории», великий Геродот писал, что Эллада раньше называлась Пеласгией. О пеласгах сообщается в гомеровских «Иллиаде» и «Одиссее». Этрусками называли пеласгов римляне, греки называли их «тирренами» – по местности, где они, изгнанные греками, поселились, сами же этруски, как свидетельствует древнегреческий историк и ритор второй половины I века до н.э., автор «Римских древностей», Дионисий Галикарнасский, называли себя: рассена или русы.

До сих пор считается общепризнанным, что древние римляне являются учителями Европы. Хотя у древних историков можно найти свидетельства, что учителями этих учителей были как раз этруски. Оказывается, что римляне унаследовали от этрусков музыкальные инструменты, театр, мореходство, горное дело, производство керамики и обработку металлов, траволечение, мелиорацию... Более того, первые цари Рима были этрусками: Тарквий Приск, Сервий (Сербий), Туллий, Тарквиний Гордый. И Рим в действительности основан тоже этрусками, а этрусская система подземных каналов и сегодня является частью городского хозяйства «вечного города». Но откуда появились в Средиземноморье пеласги-этруски-рассена-русичи-руссы?

Время их появления на Балканах, в догреческой Греции, на островах Эгейского моря, в том числе на Крите, совпадает с исходом из Среднего Поднепровья и Дуная в начале 2-го тысячелетия до н. э. славянских племен, названных археологами «трипольцами» по местности, в которой впервые были раскопаны их поселения. Археологические раскопки красноречиво свидетельствуют, что исход имел катастрофический характер, «трипольцы» покидали свои поселения на берегах Днепра с такой поспешностью, что бросали в своих домах все, вплоть до домашних святынь...

Почему и куда они внезапно ушли? В неизвестность, словно вообще исчезли с планеты, пока историки не обнаружили их на побережье Эгейского моря и на Крите уже под именем пеласгов или этрусков. Но, по смутному преданию, здесь они оказались после гибели мощного государства, которое основали на огромном острове или целом архипелаге среди океана (легендарная Атлантида?). Катастрофа, вызванная страшным взрывом вулкана, настигает их и здесь. Оставшиеся в живых так же поспешно, как тысячи лет назад в Приднепровье, бросают свои пепелища, уплывают на материк и, не способные противостоять местным племенам, уходят на север, чтобы на рубеже 4–3 века до н.э., почти через 2,5 тысячи лет, снова вернуться в Приднепровье, где возникнет государство восточных славян – Киевская Русь. И вспомнили свое прежнее имя, и приняли Иисуса Христа с таким чувством, что давно ждали Его. Более того, с чувством, что давно, даже изначально жили с Ним, по Его заветам, только по какой-то причине забыли Его имя или называли Его иначе. Или кто-то заставил забыть Его, как, может, заставил забыть

и своих предков пеласгов-русов и стереть память о них у других народов? Сейчас вон столкнулись с загадочным и жутковатым явлением: человек вдруг обнаруживает себя где-нибудь далеко от дома, чаще всего на каком-нибудь вокзале или на железнодорожных путях, и не может вспомнить ни своего имени, ни родителей, ни сколько ему лет.

Может, кто-то так поступил с целым народом, с целой цивилизацией?

Кто нас, славян-русов, гонит по свету, время от времени меняя нам имя, стирая в нас память о своем прошлом? Или в этом кроме нас самих никто не виноват? Может, это от нашей генетической беспамятности, от генетического чувства, что мы временные на Земле? Ведь и ныне в большинстве своем мы не помним, в отличие от других народов, своих предков дальше двух-трех поколений, и наши кладбища в большинстве своем заброшены.

Или нами в бесконечном переселении по планете двигало что-то другое? Может, тяга к перемене мест? Может, неслучайно греки называли наших предков пеласгами – аистами? Может быть, за их особый склад характера? Вернувшись в Приднепровье, мы не остановились, а часть из нас пошла дальше на север, вплоть до Ледовитого океана. Север властно тянул нас, словно там, до Приднепровья и Крита, была наша прародина, легендарная Арктида, где мы, пока на планете не сместились или даже не поменялись местами магнитные полюса, жили на горах и в долинах, которые потом уйдут под воду и ныне зовутся подводным хребтом Ломоносова, пересекающим современный Северный полюс. Но и Ледовитый океан не остановил нас, вдоль его побережья мы, Дежневыми, Челюскинами, Шелиховыми, подобными им, пошли дальше на северо-восток, в огромную студеную страну, которую ныне зовут Сибирью, и, пройдя ее, перешли через пролив на Аляску, на том, может, окончательно истощив свои силы. В чем смысл загадочной славянской души? Может, Бог, ведет или гонит нас по планете, в то же время испытывая нас, для просвещения, для смягчения нравов других народов? Потому как мы, в отличие от евреев, не создаем народа в народе, не пытаемся подменять их собой или стать их тайными вождями, а растворяемся в них, становясь для них питательным навозом. Может, у Бога таков замысел о славянах-русах, а ныне – о русском народе?.. Может, в этом смысл и страшного русского исхода в гражданскую войну?

На первой стороне Фестского диска было начертано:

«Горести прошлые не сочтешь.

Однако горести нынешние горше.

На новом месте вы почувствуете их.

Вам послал еще место в мире Божьем.

Распри прошлые не считайте.

Что вам послал Бог, обступите тесными рядами.

Защищайте его днем и ночью.

Не место – волю.

За мощь его радейте.

Живы еще чада ее, ведая, чьи они в этом мире Божьем».

Это что – об исходе из Приднепровья, откуда они ушли после неведомой нам страшной катастрофы (скорее всего, не природной – точно можно сказать, что не

извержение вулкана, не наводнение были тому причиной)? Под новым местом подразумевается Крит, на который они только что пришли и пытаются осмыслить свои прежние ошибки? Что же стало причиной столь поспешного ухода целого народа из Приднепровья? Чума? На него обрушились соседние племена-народы, не просто приручившие лошадь, а превратившие ее в силу своей безнравственности в средство войны? Славяне оказались бессильны перед ними в силу нравственных запретов? Они оказались беспомощны перед захватчиками, логика ведения войны которых, как и вообще логика поведения, была совершенно непонятна, как непонятна была бы логика инопланетян?

На второй стороне диска прочитывается:

*«Не единожды будет, услышим мы:
Вы чьи будете, ры(у)сичи, что для вас почести;
В кудрях шлемы; разговоры о вас.
Но есть еще, будем еще мы, в этом мире Божьем!»*

Или, наоборот, это своего рода напутствие – оставшимся в живых после очередной катастрофы, на сей раз природной: извержения вулкана Санторин и вызванной им волны цунами, – и уходящим на север в неизвестность в сторону прародины? Щемлящая, несмотря ни на что, вера в будущее: «Но есть еще, будем еще мы, в этом мире Божьем!»

Но зачем же мы тянем в земной истории века и тысячелетия свою судьбу, несмотря ни на что, теряя, меняя и обретая вновь свое имя, раз мы временные на Земле? Изгоняемые с обжитого места не только греховными человеческими страстями, что было бы как-то понятно, но и будто специально устроенными природными катаклизмами. Невольно снова и снова всплывает прежний вопрос: значит, все-таки мы не временные на Земле, иначе тогда какой смысл во всемирной истории?

Жизнь без тебя...

Сосед по больничной палате, актер театра, с язвой желудка. Увидев на моей тумбочке Евангелие:

– Мне упорно твердят: «Бог познается не разумом, но сердцем. В Бога можно только безоглядно, безрассудно верить, его нельзя познать опытным путем». Но ведь также безоглядно можно верить и в Сатану, искренне веря, что ты веруешь в Бога.

Всевозможные секты тоже построены на бесконечной вере рядовых ее членов, не объясняемой разумом. Как отличить Истину от Лжи, хитро замаскированной под Истину? Ведь находят же ключи к душам людей, вроде бы умных, образованных, как правило, искренних, зомбируют их адепты всевозможных сект-химер.

Чем секта отличается от Истины? Количеством людей, верующих в ее постулаты? Но количество не всегда свидетельство Истины. Не потерялась ли Истина где-нибудь между сектами? Может, Иисус Христос нам хотел сказать совсем не то или не совсем то, что Ему приписывают? Ведь его учение мы знаем лишь в пересказе его учеников. Может быть, они донесли его до нас, искажив, если не сказать, переврав? Может, совсем не по злему умыслу, а по неготовности понять всей глубины его мысли?..

Может, кто-то придумал земную и небесную историю Иисуса Христа, нашел ключ к тайным пружинам в психике человека и вложил в его душу, а на самом деле за гранью жизни ничего нет? Или Иисус Христос был просто наивным инопланетянином, своего рода прилетевшим из другой галактики миссионером, ужаснувшимся нравственным состоянием землян и попытавшимся каким-то образом подействовать на их нравственность? Может, он оказался в роли европейца-миссионера, пришедшего, по его мнению, просвещать или по какой-то другой причине оказавшегося среди племени пигмеев. Их вожди жестоко обошлись с ним, по своему справедливо решив, что Его не совсем или совсем непонятные проповеди ни к чему хорошему не приведут, так как в корне нарушают их образ жизни. И он, чудом оставшийся в живых после казни, был забран своими соотечественниками-инопланетянами, а земляне восприняли это как его воскресение. Ему тяжело было с ними прощаться, он улетал и оставлял их, словно детей малых, понимая свою беспомощность что-нибудь для них дальше сделать. И оставил им нечто вроде наставления, как жить дальше. Все, что он мог сделать для них, – это дать надежду, и он придумал красивую сказку об иной прекрасной жизни за пределами смерти. И потрясенные его ученики в силу своего земного сознания оформили эту сказку в учение. Может быть, действительно, он был всего лишь инопланетянином-миссионером, или простым пилотом, оказавшимся на Земле в результате катастрофы космического корабля, или разведчиком, ищущим планету для переселения, потому как его планете грозила космическая катастрофа?

Я молчал. Актер приподнялся на локтях, видимо, его насторожило моё молчание.

– Вы не согласны со мной?

– Я внимательно слушаю, – ушел я от прямого ответа.

– Тогда, с вашего позволения, я продолжу свою мысль... Загадочная и притягивающая своим мерцающим светом звезда Сириус. Откуда у дикого африканского племени знание о ней, а тем более – о небольшой звезде в созвездии Сириуса, которая, по космическим меркам, сравнительно недавно взорвалась, погибла и которую ученые только недавно обнаружили, глядя в мощные телескопы? Может, он оттуда? Или мы оттуда, заброшенные с той планеты накануне катастрофы, а взорвалась она в результате нашей падшей нравственности, в результате устроенной безнравственным человеком техногенной катастрофы? Неужели мы, подобно пассажирам корабля Ноя, остатки там погибшей цивилизации? И так и остались неразумными сиротами во Вселенной? Может, нас, набедокуривших на какой-то другой планете, потеряв там надежду на наше исправление, завезли сюда, на Землю, ради эксперимента и теперь со стороны наблюдают за нами?.. Наверное, вы лучше меня знаете, что во многих местах Земли известны наскальные рисунки, где люди, а может, инопланетяне летят в ракетах, одетые в скафандры...

Вошла медсестра, пригласила его на укол.

А я вспомнил, что сам видел летающих в космических кораблях и в скафандрах людей, но не на древних наскальных рисунках, а на церковных фресках.

Это было в бывшей Югославии, в Косовской Метохии, во время последней балканской войны – недалеко от города Печ, в сербском монастыре Дечаны, основанном в XIV веке. Ныне сербы уже изгнаны из Косова, и я не знаю, цел ли монастырь и сохранились ли в нем фрески. Фрески в Дечанах, согласно канону, описы-

вают события Старого и Нового Завета. «Чудо» в Дечанах было открыто в начале 1964 года. Студент Белградской академии живописи с помощью телеобъектива сделал фотоснимки фресок, в том числе и фресок «Распятие» и «Воскресение» Иисуса Христа. То, что раньше не удавалось рассмотреть в подробностях, так как фрески находятся на высоте 15 метров, стало возможно обычному невооруженному глазу. Открылись детали, которых прежде никто не замечал. Оказывается, на этих фресках изображены люди, летящие в космических аппаратах. В первом «космонавт» держится за невидимый «рычаг управления» и оглядывается назад. Создается впечатление, что он следит за полетом следующего. Бывший со мной серб-войник утверждал, что это ангелы. Но сидящие в аппаратах явно были без ангельского ореола. А «настоящие» ангелы, с ореолом, наблюдают за полетом аппаратов, закрыв глаза и уши руками и в ужасе отшатнувшись. В центре композиции – фигура распятого Иисуса Христа. Таким образом, наряду с традиционными, каноническими деталями, фреска содержит ряд деталей явно не канонических, которые трудно объяснить.

Но что меня еще поразило: оба странных аппарата, изображенных на фресках, по своей конструкции, вплоть до деталей, были похожи на летательные аппараты, изображенные на критских глиняных табличках. Кто-то из ученых, пытаясь определить, что это такое, назвал их «боевыми колесницами без колес»...

Бог, по-моему темному разумению, постоянно должен давать человеку какие-то знаки, подтверждения Своей истинности, чтобы человек не метался из стороны в сторону и не соблазнялся подсовываемыми ему ядовитыми пряниками.

Он их дает упорно и настойчиво – тем же огнем от Своего гроба в Иерусалиме, но даже это нас никак не убеждает...

Читаю:

«Ученые пришли к выводу, что сознание во время клинической смерти «живет» независимо от работы мозга. Мало того, было выявлено, что сознание существует вообще независимо от мозга и физическая оболочка людей – это не единственное место, где «обитает» наше сознание. Означает ли это, что человеческое сознание не умирает даже после смерти тела, гибели мозга? По выводам ученых, энергия и информация от умершего задерживается во Вселенной. Люди подобны звездам: они постоянно испускают невидимые фотоны света, и эти фотоны устремляются в космос. То, что наша энергия, информация и наше сознание после смерти продолжают жить, так же вероятно, как и то, что свет от далеких, тысячи лет назад угасших звезд продолжает распространяться по Вселенной, звезд давно нет, а мы продолжаем их видеть и считать живыми».

Ученые-атеисты не хотят или даже боятся себе признаться, что своими выводами они пришли к подтверждению существования души. Они испуганно спрятали ее за понятиями «энергия», «информация»...

Странное ощущение жизни, когда знаешь, что в любую минуту можешь умереть... Что, это и есть память смертная?..

Первоначально с этим ощущением жить было жутковато, но постепенно я свыкся с этим чувством, и меня уже почти не беспокоит, кому достанутся моя квартира, загородный дом, машина, только вот разные бумаги, письма надо будет на всякий случай сжечь... В свое время я поразился или даже возмутился, когда

старушка, у которой я квартировал, чувствуя приближение смерти, сожгла все свои фотографии, письма, среди которых были письма Шаляпина, который дружил с ее мужем, а до того ухаживал за ней, а теперь я ее прекрасно понимаю...

Чукчи, эвены, эвенки, другие кочующие северные народы – впрочем, не только северные, – не знают Иисуса Христа. Если они даже крещены православными миссионерами, вера их поверхностна, на уровне обрядности. Но в них даже глубже, чем в нас, христианах (а может, они даже больше, чем мы, христиане, может, они чувствуют Его на генетическом уровне?), вера в иной мир, который они называют Верхним. Мы приходим к этому осознанию, и то далеко не все, в результате мучительных исканий и даже страданий, чаще всего к концу жизни, а они знают о нем, чувствуют его с того времени, как только начинают осознавать себя, и потому, даже соприкоснувшись с так называемым цивилизованным миром, не успевают заразиться им, не только не боятся, а с радостью принимают смерть не как итог, а как какую-то вежу в вечной жизни.

У них нет понятия дома в нашем смысле. Из-за того, что мох-ягель, которым питаются олени, если долго пасти на одном месте, восстанавливается лишь через десятилетия, они вынуждены постоянно кочевать, потому для них все их огромное кочевье, порой многие сотни или даже тысячи квадратных километров, – дом, а значит, и вся Земля – дом. И, в отличие от нас, они бережно относятся ко всей Земле, как и, в отличие от нас, не разделяют тот и этот мир, они знают, что их душа рано или поздно из того мира вернется обратно, пусть в другом человеке, они даже считают, что по имени, на которое откликнулся новорожденный, они узнают, кто снова вернулся. Они с самого детства живут с чувством, что временные на Земле, и в то же время с чувством, что они вечные на Земле, потому как рано или поздно снова возвращаются на нее, только не все помнят, что уже на ней были.

Потому они не только не боятся, а с радостью принимают смерть, потому они не торопятся жить, все успеть. Потому они, в отличие от нас, не суетливы в своих поступках. Они могут весь день ловить упрямого упряжного оленя, и порой, поймав его лишь к вечеру, снова отпускают, потому что ехать сегодня уже поздно. Это может повториться и завтра. Нас это, мягко говоря, удивляет и, если это касается нас, все время куда-то торопящихся, раздражает: чего бы проще привязать наконец-то пойманного оленя до утра. Но в самом процессе ловли оленя особая прелесть жизни, и раз мы временные, но в то же время постоянные, вечные на Земле – куда и зачем торопиться?!

У них, как у травы, нет высоких целей, которые мы себе напридумывали и тем самым вывели себя из естественного, может, запрограммированного для нас круговорота жизни. Святитель И. Брянчанинов говорил, что одним из основных признаков кончины мира и близости Второго пришествия Господа будет «необыкновенное вещественное развитие: люди забудут Бога, забудут небо, забудут вечность и, в обольщении своем, как бы вечные на земле, все внимание устремят на Землю, на доставление на ней себе возвышенного и неизменного состояния».

А что касается, нас, русичей-русских: как только мы в конце века XIX в очередной раз, подобно иудеям, начали толковать о своем особом предназначении на Земле, ничего не делая при этом, Всевышний в XX веке наказал нас: напустил или

попустил на нас две мировые войны, революцию между ними, и, по всему, до сих пор продолжается это наказание...

«Не столько раздражают Бога содеянные нами грехи, сколько наше нежелание перемениться», – говорит св. Иоанн Златоуст.

Жизнь без тебя...

Отпросился у лечащего врача на воскресенье «в отпуск». В церкви, куда я зашел поставить тебе свечу, неожиданно столкнулся с Федором-звонарем из храма во имя великомученика Дмитрия Солунского, покровителя всех славян, который теперь вот уже сорок лет назад мне удалось спасти от взрыва. Что тогда мной, совсем не верующим, двигало? Федора я не видел больше двух лет.

– Вы все один? Одному тяжело. Одному можно только такому как я, монаху. В миру одному трудно. В миру одному нельзя. В миру надо найти такую же одинокую душу. Предназначение души на Земле: у нас, монахов, – служить Богу, а у мирских – другой душе, созданной Богом...

Жизнь без тебя...

Только сейчас я в полную меру понял, – как долго это до меня доходило! – что полудикую собаку Динку по твоей или скорее по чьей иной просьбе, потому как хоть и родилась она еще при тебе, но ты уже не знала о ее существовании, старшая Динка специально родила не просто под чужой верандой, а в закутке, откуда ее без разборки кирпичной стенки невозможно было извлечь, не просто в свое продолжение, а в МОЕ СПАСЕНИЕ. Да-да, в МОЕ СПАСЕНИЕ! Чтобы мне было о ком заботиться! Чтобы кроме меня о ней некому было заботиться! Чтобы ее дальнейшая жизнь напрямую зависела только от меня! Чтобы я от бессмысленности своей дальнейшей жизни не залез в петлю или не решил бы свой жизненный вопрос каким иным подобным образом! И потому полудикая собака Динка, в отличие от Дружка, который в мое продолжительное отсутствие, основательно проголодавшись, начинает рыскать по соседям, а то и вообще в поисках пропитания может податься на временное житье в соседний дачный поселок, никуда не отходит от моего дома, хотя по рождению он чужой ей. Полудикой собакой Динкой ты или кто иной меня накрепко привязали не просто к нашему загородному дому, полудикой собакой Динкой меня накрепко привязали к жизни и отрешили от необдуманных поступков. Я раз и навсегда понял это, когда по вынужденным обстоятельствам однажды приехал в свой загородный дом через полмесяца, уверенный, что она если не кормится, то хотя бы подкармливается у соседей, и увидел ее, с трудом вылезшую из-под веранды, до предела истощенной: одни ребра, да высокие, как у тушканчика, уши, да огромные – даже не укоряющие, я не могу объяснить какие – глаза, словно ими на меня смотрела ты и еще кто, кто сторожит мою судьбу и удерживает меня от безрассудных поступков. И с этого дня, несмотря ни на что: на погоду, на здоровье, на очень важные мероприятия и не очень, вроде выборов «народных» депутатов и не менее «народных» президентов, – я каждую субботу и воскресенье еду на дачу. И может, сторож Игорь не случайно неожиданно для нас бросил садовый поселок поздней осенью, когда уже невозможно найти другого, а кто-то специально подвинул его на этот шаг, чтобы я не перевалил свои заботы о Динке на него, чтобы я каждую неделю вынужден был ездить в сад кормить собак и варить им еду на неделю. А раз приехал,

то брался за топор, за пилу, за снеговую лопату, и хоть немного отходила душа. Помимо всего прочего все здесь напоминало о тебе, это был твой сад, я даже чувствовал твоё незримое присутствие в посвисте синиц, которые, как мне казалось, укоризненно, заглядывали и стучали в окна, и мне становилось стыдно видеть его неубранным, полузаброшенным, и я начинал прибираться в доме и около дома...

В иудаизме, в христианстве, в исламе, несмотря на все их противоречия, рай – это благоухающий сад. В буддизме, кажется, тоже. Как ты любила сад! Может быть, земной сад – прообраз рая? Может, если бы мы сумели превратить Землю в цветущий и мирный сад, Господь устроил бы рай на земле?

Снова и снова точит мысль: если душа из того – горнего – мира, почему же ей так не хочется туда?

Мысли вслух...

В однообразной обыденной жизни, может, для укрепления непрочной веры, нам так хочется проявления ясной Божеской воли, иначе говоря, чуда.

А все вокруг – разве не чудо?!

Ведь чудо – во всем!

Вода – уже сама по себе – разве не чудо? А вода, превращающаяся в снег? А узоры на оконном стекле? И снег, снова превращающийся в воду?! А текущая миллионы лет из вечности в вечность река?! Зачем она течет?! Чтобы мы любовались, кормились ей? А сам земной шар, заботливо укутанный атмосферой, спасающей нас от губительного космического излучения, разве не чудо?! А Вселенная, у которой нет границ? У всего есть пределы, а у нее нет – разве это не чудо? А закон земного притяжения, не дающий нам упасть с Земного шара, как и не дающий сорваться с орбиты самому Земному шару?! Этот ряд можно перечислять бесконечно...

А сам факт нашего рождения – разве не чудо?

И разве не чудо: рождаются независимо друг от друга, порой далеко друг от друга, даже в разных странах и на разных континентах, мальчик и девочка, из тысяч, миллионов встречающихся людей почему-то влюбляются именно друг в друга, женятся, становятся на свете самыми дорогими людьми друг другу, может, не считая Бога, если они верующие в Него, становятся ближе друг другу, чем родители, которые постепенно как бы уходят на второй план, и нет ничего страшнее потерять другого, даже когда знаешь, что мы все равно умрем, что мы временные на Земле и что на том свете, может быть, или даже обязательно встретимся?

Разве не чудо: чтобы в сложении любви двоих родился новый человек, тоже временный на Земле, который в свою очередь тоже встретит другого человека, который будет ему дороже всех остальных, – и так будет продолжаться без конца. В этом какой-то высший неведомый смысл, который я нарушил, оборвал...

Мысли вслух...

Почему за каждым приятным в жизни обязательно грядет неприятное, если не хуже? Это мы, как правило, начинаем замечать с возрастом. Со временем нам начинает казаться, что неприятное наваливается, обрушивается на нас все чаще и чаще, и не обязательно вслед за приятным. Это как сначала первый неожиданный осенний постук синицы в окно, напоминающий о приближении зимы, а потом, с каждым днем, хоть и неназойливый, но все более частый и настойчивый.

Что, таким образом, чуть мы начинаем обольщаться счастьем в этом мире, нам напоминают: не забывайте, вы временные здесь?

Что, это тоже своеобразная подготовка человека к переходу в мир иной?

Жизнь без тебя...

Получилось так – по воле случая, а может, по воле Божьей, – что заканчиваю я свои печальные записки в Париже – здесь начинал, здесь и заканчиваю, – как и в прошлый раз, в маленькой и уютной, выбранной по принципу, где подешевле, гостиничке. Ко мне на третий этаж нужно подниматься по крутой не освещенной лестнице. Крошечное окно в моем номере упирается в глухую стену.

Большинство обитателей гостиницы – тихие русские женщины, ищущие работу, поскольку потерял ее в России. Русских женщин в Париже я без труда отличаю по особому свету глаз, у француженок в глазах уже давно нет не только этого смущенно-покорного, но и вообще никакого света. О красоте я уже не говорю, у русских женщин словно на лбу написано, что они русские. Случайно ли Господом дана им такая красота? Чтобы они, горькой русской судьбой из века в век разбрасываемые по миру, смягчали нравы, приводили мир хотя бы к относительной красоте?

Да, получив направление в кардиоцентр для обследования на предмет выяснения необходимости операции, я сорвался в Париж.

А было это так. Несколько дней я тянул со звоном в кардиоцентр. Наконец внутренне собрался, позвонил, но телефон молчал, на другой день – тоже, и так несколько дней, потом выяснилось, что заведующий хирургическим отделением, к которому я должен был явиться на обследование на предмет выяснения необходимости операции, как мне сказали, ушел в отпуск (позже я узнаю, что на самом деле он попал в онкоцентр с диагнозом рак). И тут подвернулась командировка в Париж.

Наверное, от нее нужно было отказаться. Но в то же время: почему бы не слетать, если подвернулась, как нынче говорят, такая халява. Но дело было не только в халяве. Мне неожиданно захотелось проверить свое прежнее впечатление о Париже. Ведь в конце концов он был мне родным, несмотря на то, что я не только не почувствовал с ним родства, а пережил в нем, чужом, холодном, вдалеке от тебя нелегких десять дней в ожидании твоей неотвратимой смерти. Да, он был мне своего рода родственником, которого по тем или иным причинам не любят, но родственников не выбирают, к тому же именно в Париже я начал писать эти тяжелые, изматывающие душу записки, и я подумал, что, может, в Париже я наконец смогу их закончить, они мне мешали дальше жить.

Но было еще одно обстоятельство, заставившее меня не отказаться от поездки в Париж. Бытует расхожая фраза «Увидеть Париж – и умереть». Она подразумевает увидеть Елисейские поля, Сену, Лувр, ну и, прежде всего, конечно, Эйфелеву башню. Всякий приехавший в Париж в первую очередь непременно идет или едет к ней: если не подняться, то хотя бы сфотографироваться на ее фоне, без этого вроде в Париже и не побывал. Уродующая Париж Эйфелева башня – печальное свидетельство того, как посредством пошлого пиара символом древнего, по своему прекрасного города можно избрать довольно нелепое сооружение, нечто

вроде опоры высоковольтных электропередач или нефтяной вышки. Подобное всевозможные «христианские» секты делают с Иисусом Христом.

В двадцатые же годы прошлого века эта фраза для несчастных русских беженцев времен страшной Гражданской войны, которую мы развязали по чужой подсказке, – но ведь как бы только и ждали этой подсказки! – имела другой, прямой смысл: чудом оставшись в живых на Родине, после долгих скитаний добраться до Парижа и умереть здесь в тоске по России, упокоившись на купленном кусочке земли под Парижем около городка Сент-Женевьев де Буа, сделав этот кусочек земли частью России.

В прошлый раз я привез из Франции воспоминания Ирен де Юрша, в девичестве Ирины де Гас-Переяславльцевой, дочери бывшего владельца кумысолечебного санатория Шафраново на Транссибирской железнодорожной магистрали под Уфой, полуфранцуженки-полурусской, после большевистского Октябрьского переворота вынужденной бежать из России и добравшейся до Парижа целых десять лет! Записки потрясли меня своей любовью к России, несмотря на то что она, француженка по отцу и по гражданству, потеряла в ней мать, брата, жениха и перенесла столько страданий. На склоне лет она завещала своему двоюродному племяннику, чистому французу, католику, более того, профессору католического университета: после того как в России упадет власть большевиков, узнать, сохранилась ли церковь в Шафранове, и если не сохранилась, по возможности участвовать в ее восстановлении. Церковь, разумеется, не сохранилась. И вместе с тоненькой, но полной горя и страданий, книжицей воспоминаний я привез из Франции тысячу евро, которую передал со мной ее племянник и от которой категорически отказался русский священник: «Вы еще не приехали, а слух впереди вас пришел, что такой-то француз миллион дал». И мы, чтобы сохранить память об этой удивительной семье, отказались от мысли купить несколько кубометров досок или несколько тысяч штук кирпича, а, добавив своих денег, заказали колокол, на котором отлили славянской вязью надпись, продиктованную племянником по телефону: «В память семьи де Гас, жившей в Шафранове с 1910 по 1917 год и беззаветно любившей Россию».

Племянник, никогда не бывавший в России, не знающий ни единого русского слова, но беззаветно полюбивший Россию по рассказам своей тети, два года назад умер – тоже от рака! Из его послесловия к воспоминаниям Ирен де Юрша я знал, что она была похоронена на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем рядом с мужем, отпрыском древнейшего литовского рода, капитаном Белой армии, так и не принявшим французского гражданства, который в свое время лег рядом с ее отцом, чистым французом, отпрыском древнейшего французского рода, потерявшим в России жену, сына, состояние, но принципиально пожелавшим – первым из семьи! – лечь как бы на клочке России, на кладбище русских изгнанников, то есть пожелавшим уйти в мир иной русским. И я почувствовал душевную необходимость найти их могилы: если мы временные на Земле, разве не все равно, где и кем лечь в землю?!

Командировочных дел в Париже у меня было немного, уже на следующий день я их успешно решил и вечером в гостинице соображал, как мне завтра попасть на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Не зная языка, добираться до него на электричке, а потом на автобусе не так-то просто, я решил посоветоваться с Владимиром

Николаевичем Сергеевым, который опекал меня в прошлый приезд во Францию. Позвонив ему, я искал удобный момент, как деликатно перевести разговор на нужную мне тему, как он вдруг, словно читая мои мысли, сам предложил утром поехать в Сент-Женевьев де Буа. Мало того, он попросил подвезти туда жившую недалеко от кладбища и хорошо знавшую его, потому как здесь покоились ее родители, родственники и друзья, свою знакомую Татьяну Борисовну Маретте, в девичестве Флорову. Она даже время от времени подрабатывала тем, что проводила экскурсии по кладбищу для приезжающих из России. Но, увы, Татьяна Борисовна никогда не слышала имени Ирен де Юрша: «Нас же, русских беженцев, было в Париже десятки тысяч...» – словно оправдывалась она.

Могилы Ирен де Юрша, как и могил ее отца, мужа, к моей полной растерянности, мы не нашли. Была суббота, и контора кладбища была закрыта.

– Давайте так, – успокаивала меня Татьяна Борисовна, тяжело передвигающаяся с палкой, она недавно сломала ногу. – Мне тут рядом, все равно завтра приеду в кладбищенскую церковь на службу и еще поищу. И священника, прихожан расспрошу. А в понедельник пойду в контору, там же есть списки. И сразу вам позвоню...

Я долго еще бродил меж могильных рядов... «Увидеть Париж – и умереть!». Умирили в тоске по России... Умирили в тоске по России, многие даже уже в третьем поколении.

Если мы временные на Земле, почему такая тоска по России?

И опять перед глазами вставала фотографии Ирен де Юрша. Какая вроде бы разница – а вот они, изгнанные из России, принципиально легли все вместе, на русском православном кладбище, и первым лег отец, чистый француз, католик, за годы жизни в России так толком и не выучивший русского языка, потерявший в России все: жену, сына, состояние, чуть не погибший сам и вдруг почувствовавший себя русским.

На кладбище обычно трудно долго находиться, кладбище угнетает, стараешься поскорее его покинуть, если даже здесь похоронены твои близкие родственники. А это удивительно светло в любую погоду. Если была бы возможность, я с радостью остался бы на ночь здесь, среди русских сосен и берез, под открытым небом, только под себя что-нибудь подстелил, чтобы не простыть. И опять не дает покоя мысль: если мы временные на Земле, почему они умирали, даже уже в третьем поколении, с такой тоской по России? Почему постарались в изгнании по возможности лечь всем вместе?..

На следующий день, в воскресенье, на 3-й неделе Великого поста, Крестопклонной, я пошел на службу на рю (улицу) Дарю, в русскую церковь Александра Невского, построенную печальными русскими беженцами. Это, может, единственное место в Париже, что грело мою душу в прошлый приезд. Здесь молилась по погибшим в России матери и брату и венчалась Ирен де Юрша, в девичества Ирина Альбертовна Переяславльцева-де Гас. Собираясь в церковь, я снова перечитал ее воспоминания:

«Именно на вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал мое имя, и другой молодой офицер, который до этого слушал довольно рассеянно, подошел к нему:

«Прошу прощения, но нет ли у нее брата по имени Димитрий, который был вместе со мной в Добровольческой Армии?» Мой кузен подтвердил, что я действительно сестра Димитрия... Мишель Юрша, с которым я подружилась в Киеве, когда навещала брата, отправился к моему отцу, и вообразите, каково же было мое удивление, когда несколько дней спустя я получила письмо от него! И вот каким образом, несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка.

Мишель был очень добрым человеком, очень простым, очень умным и всегда находил забавное словцо, чтобы посмеяться над трудностями, которых, как вы догадываетесь, мы не сумели избежать. Демобилизовавшись в Галлиполи вместе со своими товарищами из несчастной Белой Армии, он получил нансеновский паспорт, который предоставлял русским беженцам, лишенным родины, защиту великих держав. Многие эмигранты просили гражданства в странах, где они нашли убежище; из верности России мой муж не хотел менять гражданства...

Радости и печали – все было! – шли чередой. Мой любимый отец работал до самой своей смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который все же оставался Россией...»

Перед службой, еще в пустом тихом храме я подошел к церковному служке, продающему свечи. Я познакомился с ним в прошлый приезд: Игорь Александрович Марков, сын полковника Белой армии, командира 3-го драгунского полка Александра Михайловича Маркова, в изгнании тоже прошедшего через печальное стояние на турецком полуострове Галлиполи, где многие нашли свой конец. Но почему Господь позднее землетрясением разрушил или позволил разрушить памятник умершим на Галлиполи русским беженцам?

– Я рад вас снова видеть... – к моей радости узнал он меня. – Случаем, не пришло побывать в Новочеркасске? Как там, на Родине? Вроде что-то стало образовываться... Нет, мне туда уже не собраться, даже в гости, только душу травить. Я перестал даже мечтать об этом. Так легче жить. Моя Россия здесь. Я кусочек ее.

Церковь к началу службы постепенно заполнилась людьми. Странное чувство: словно я был где-то в России. Может быть, эта светло-печальная церковь, намоленная изгнанниками, тоже была частью России?

После службы ко мне подошел небрежно одетый, со включенными волосами человек, протянул руку:

– Пошли обедать.

– Куда? – не понял я.

– Ко мне домой, я здесь рядом живу.

– ...

– Пошли, пошли, там и познакомимся...

И совершенно незнакомый человек ни с того ни с чего мне, совершенно незнакомому человеку, стал рассказывать свою жизнь.

Уже минут через пятнадцать, пока мы дошли, было ощущение, что мы знакомы с ним очень давно.

– А почему все-таки ты подошел именно ко мне? – спросил я Сергея уже на его кухне, рассматривая альбом с репродукциями его картин.

– Ну, здешних прихожан преимущественно я знаю. И кого, кроме приезжих из России, в Париже можно встретить во фланелевой рубашке?!

– В гостинице не топят, немного подмерз.

Сергей поразил меня своей открытостью. Через час я знал о нем буквально все, даже то, во что стараются не посвящать не только посторонних. А тут... совершенно чужому человеку, с которым познакомился буквально час назад случайно на улице (потом, правда, в гостинице, анализируя, я уточнил для себя, что все-таки не на улице, а около церкви), он рассказал о своих, в том числе семейных, бедах и несчастьях. Я в свою очередь, к своему удивлению, как на исповеди, по каким-то причинам, скорее всего, из-за того, что по неизжитой гордыне, избегал церковной исповеди, рассказал ему о своих бедах, о тебе, о своей вине перед тобой.

– Не убивайся! – Сергей положил мне руку на плечо. – Нам с тобой осталось на этой Земле совсем немного, – как-то очень легко, без грусти сказал он. – Здесь мы временно. Там все встретимся. Там мы все простим друг другу...

Я сначала даже насторожился, всерьез ли он все это говорит? Но он говорил так естественно, с такой уверенностью, без тени печали или даже грусти, а даже с какой-то торжественной радостью, что я не то чтобы растерялся, но, кажется, окончательно поверил в существование того мира, в чем, может, до сих пор сомневался, где мы все непременно встретимся и простим друг друга и, может, нас простят. Он верил в загробный мир так же безоговорочно, как Ирен де Юрша, могилу которой я искал и пока не нашел. Почему-то мне это было очень нужно. Я испытывал неловкость или даже вину перед своими родственниками, на могилах которых бываю нечасто. Я снова и снова прокручивал в голове несколько строчек из ее воспоминаний: «Пасхальной ночью племянник отвозит меня на обедню в Сент-Женевьев де Буа в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идем чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могилах моего отца и мужа. Я говорю им: “Христос воскрес, и мы тоже однажды воскреснем, и мы найдем друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость”».

Я поверил ему больше, чем многочисленным толкователям Св. Писания и, может, даже больше, чем самому Св. Писанию. Он был как бы живым свидетелем одновременно этого и того мира, для него между ними не было границы. Почему-то я ему безоговорочно верил. Мне стало даже неловко перед ним и перед собой, что я не обладаю такой верой. Я что-то начинаю понимать, самые простые истины, и то постоянно сомневаясь, только к концу жизни, – кто виноват в этом: сатанинская власть, отторгнувшая моих родителей от Бога, ведь я даже не знал о существовании Его? Но Сергей тоже родился при той власти, из России уехал уже взрослым – но с раннего детства живет с верой в Бога, не мучаясь никакими сомнениями. Или он познал Бога только в результате долгих и мучительных страданий после смерти своих детей, сгоревших еще в России в пожаре?

Я не решился его об этом спросить.

– Может, останешься хотя бы еще на неделю? Я отвез бы тебя в православный монастырь, тут недалеко, под Парижем, у меня там дом. Хочешь, поживи в монастыре, хочешь, у меня, рядом с монастырем. Поживи хоть немного, успокойся. Вижу, тебе надо успокоиться перед операцией. И вообще успокоиться. Вижу, мечешься. Я тебе дам телефон брата в Москве, он как раз кардиохирург, я его

предупрежу, что ты позвонишь, он не только проконсультирует тебя, а сделает все что нужно. А болезнь порой Господь посылает, чтобы человек приостановил свой обычный жизненный бег, задумался, к какой пропасти его этот бег ведет, изменился, покался. А насчет того, когда уходить... Господь сам решает, когда кого забрать. Не зря говорят: пути Господни неисповедимы. У Бога свой замысел как о человечестве в целом, так и об отдельном человеке. В тебе еще много от мира сего – резкости, категоричности. Надо прощать людям слабости. И даже зло, ибо Господь не случайно его попускает, может, злом Он испытывает нас. И иудеев Он терпит не зря и, может, специально на нас напустил, может, так нас проверяет... Мы по привычке судим по своим земным меркам обо всем и о Его поступках, порой они нам непонятны, порой готовы возмущаться, забываем, что у Него свои планы, потому как Он строит Царство не земное, а небесное... Когда у меня на глазах сгорели дети, мне вдруг было откровение, я вдруг увидел вечность: и рай, и ад. Потому живу как бы наполовину тут, а наполовину там... Надо жить, соизмеряясь с Его заповедями, а когда Он нас возьмет и куда, не нам решать.

Мне хотелось спросить, какой он увидел вечность, но я не решился. Наверное, он имел на это какой-то внутренний запрет. Если бы мог сказать, то сказал бы без просьбы, догадываясь, что я мучаюсь этим вопросом.

Мне хотелось задать ему много вопросов, но я боялся, что они покажутся ему детскими, наивными. Будучи старше его на 15 лет, я чувствовал, что в вопросах истины, в вопросах жизни и смерти я был перед ним ребенком. И самое главное: в отличие от ребенка, мое отравленное атеизмом сердце было закрыто истине, если я и воспринимал ее, то только рассудком.

Я понял, что встретил Сергея не случайно, как уже знал, что многие встречи в моей жизни, особенно в последнее время, не случайны, или я просто стал замечать это. И, может быть, именно для этой встречи меня кто-то вынудил прилететь в Париж, а командировка лишь повод. Я еще раз убедился, что в последнее время кто-то по жизни ведет меня, кто-то, прямо или косвенно, если не руководит моими поступками, то подсказывает их или устраивает мне нужные встречи, подкладывает нужные книги. Бывает, вроде бы случайно беру в руки лежащий на столе журнал и открываю его именно на той странице, где оказывается напечатанной статья с так нужными мне сведениями, о существовании которых я не подозревал. Сергей говорил и не догадывался, что каждая его фраза была для меня не случайна, что я безоговорочно верил ему, как не верил ни одному священнику, потому как у священников это было профессией, за которую получают зарплату. Я боялся, что не запомню всего того, что он говорил, мне хотелось взять ручку и записывать за ним, но это было бы нелепо, и только это меня удерживало. А приехав в гостиницу и схватившись за карандаш, я уже не смог толком что-то ясно выразить на бумаге, память моя с некоторых пор была словно решето, а может, память тут была не при чем, может, кто-то специально затуманил сказанное Сергеем, как знание, которое мне рано знать: только смутные отблески его простых и ясных мыслей блуждали в голове, и я бросил карандаш. Но я уже не жалел, что прилетел в Париж...

В понедельник вечером позвонила Татьяна Борисовна: могилы Ирен де Юрша в списках кладбища она не нашла. Мало сказать, что я был удручен. Неужели могила за отсутствием ухаживающих за ней родственников не сохранилась? По-

ложили же умершего – от рака! – Андрея Тарковского первоначально в заброшенную могилу некоего есаула Григорьева.

Через день мне было нужно было улетать, и было горько от того, что я не нашел могилу Ирен де Юрша, ее отца и мужа, француза и литовца, принципиально пожелавших быть похороненными на русском кладбище. Почему-то это было для меня чрезвычайно важно, хотя они мне никем не приходились, а я знал, что в Париж больше никогда не попаду и буду доживать с чувством невыполненного долга, не знаю, перед кем, скорее всего, перед собой, перед этой удивительной русско-французской семьей, хотя вроде бы перед ней ни в чем не виноват. В оставшееся время я так и не пошел ни в Лувр, ни в другие музеи, чем, вернувшись в Россию, многих удивил. Хотя в Лувр все тот же любезнейший Владимир Николаевич устроил мне пропуск не просто бесплатный, а который давал возможность проходить без очереди. Я бесцельно до изнеможения, несмотря на холодный пронизывающий ветер, бродил по Парижу, а к вечеру снова пошел в русскую церковь на рю Дарю: может, Игорю Александровичу Маркову удалось что-нибудь выяснить у прихожан. Увы! Что меня поразило: на службе, кроме священника и Игоря Александровича, я был, кажется, один. Все, как в России...

По дороге в гостиницу решил, что если сегодня Татьяна Борисовна ничего не прояснит, то завтра поеду в Сент-Женевьев де Буа рано утром на поезде, чтобы до отлета еще раз пройти по кладбищу. Но поздно вечером Татьяна Борисовна обрадовала:

– Я нашла... Уж очень неприметная табличка на французском, касающаяся ее отца и мужа. А на ее могиле – всего лишь временная, со дня похорон осталась, Она заржавела и совсем почти не читается. И вот что я выяснила в муниципалитете: место на кладбище в день ее похорон было оплачено на тридцать лет, срок оплаты истек. Обычно, год-два еще ждут, а потом, если не объявляются родственники, в любое время в эту могилу могут похоронить другого человека. Потому-то ее и нет в списках конторы кладбища, но какое-то время, видимо, они еще выжидают...

Я позвонил еще одной знакомой, обретенной в Париже, врачу Ольге Назаровой, занесенной во Францию третьей волной эмиграции и начинавшую жизнь здесь певицей кабаре. У нее завтра был напряженный день, но она сумела перепланировать его. Утром, по пути забрав Татьяну Борисовну, мы заехали в муниципалитет г. Сент-Женевьев де Буа, где я написал заявление, что я – приехавший из России родственник Ирен де Юрша и гарантирую в течение месяца погасить просроченную оплату могилы, хотя я еще не представлял, как это сделаю.

С волнением я шел меж могильных рядов. Оказалось, что я не раз проходил мимо этой могилы, но, во-первых, надпись на кресте была на французском, мелким шрифтом и ее имени на табличке не было, оно было на другой, ниже, проржавевшей, и почти не читалось, а во-вторых, я представлял могилу более богатой, что ли, меня отвлекали окружающие ее пышные и яркие надгробья. И уж точно – более ухоженной. А оказалось: простой деревянный крест с жестяной крышечкой, как на каком-нибудь деревенском кладбище в России, скромная, металлическая табличка, мелкий шрифт на которой с моим зрением можно разобрать, лишь подойдя вплотную, чему мешали соседние могилы.

Я долго стоял над могилой, словно здесь были похоронены мои родственники. У меня в кармане был плоский флакон с коньяком – на всякий случай, вместо сердечных таблеток, – у Ольги в багажнике оказалась вареная курица, и, несмотря на Великий Пост, мы пошли в кладбищенскую сторожку к мусульманке, марроканке Фариде и по-русски помянули усопших. И было легко и светло у меня на душе.

Вечером позвонил Сергей:

– Я договорился с Юрой-десантником, он заберет тебя завтра утром хоть на пару дней в монастырь.

– Сережа, я внимательно посмотрел билет: оказывается, улетаю не в воскресенье, а уже завтра.

– Жалко!.. А завтра я не смогу тебя проводить. Буду далеко за городом. Прилетай обязательно еще.

– Ты думаешь, так просто – взял и полетел.

– А я тебе оплачу билет туда и обратно.

– Сережа, я обязательно приеду и еще в состоянии сам заработать на билет. Но если ты серьезно, можешь оплатить просроченную аренду могилы на кладбище Сент-Женевьев де Буа?

Он задумался всего на несколько секунд:

– Да, конечно. Есть кому тут без тебя выписать счет?

– Есть... Спасибо, Сережа! Я обязательно приеду...

Я улетаю из Парижа почти счастливым. Я уже совсем не жалел, что поменял кардиоцентр на Париж, чем бы для меня это не закончилось. Я знал, что не случайно и не зря в него прилетал.

Нет, мое отношение к Парижу мало изменилось. Да, конечно, это был совсем другой город, чем в прошлый мой приезд, более светлый, более, может, теплый. Значит, все-таки что-то изменилось в моей душе. Но родным он мне все равно не стал. Меня по-прежнему тяготили его величественные католические храмы, они не возвышали мою душу, а наоборот, придавливали к земле, меня почему-то угнетала их утонченно-прекрасная холодная каменная вязь. Они тоже свидетельствовали об ином мире, но он меня пугал своей жестокостью наказания... Сколько-нибудь родным Париж для меня делало кладбище Сент-Женевьев де Буа, на котором лежали тысячи и тысячи русских беженцев и их потомков, и потому оно стало частью России, на нем была могила Ивана Сергеевича Бунина, на нем была могила Ирен де Юрша, ее отца и мужа, которых неожиданно для себя я воспринял как родственников, особенно после того как оказалось, что кроме меня о их могиле больше некому позаботиться... Я уже говорил: что кладбище Сент-Женевьев де Буа не похоже на другие. На нем нет ощущения смерти. Оно торжественно и светло. Оно словно часть того, горнего мира, встреча с которым нас тревожит, встречи с которым мы так боимся. Оно примиряет меня со смертью.

Родным Париж делала русская церковь на рю Дарю.

Родным мне его сделал Сергей, который, теперь я точно знал, не случайно встретился на моем пути.

Когда я пришел к Сергею во второй раз, то застал у него почти уже в дверях глубокого сухонького старичка.

– Раздевайся, книги вон посмотри, пока я его провожу, – сказал Сергей. – Это мой тесть, – вернувшись, пояснил он. – По матери я из Голицыных, а жена – в девичестве Осоргина.

Сергей стал рыться в книжном стеллаже. Нашел «Архипелаг ГУЛаг» Александра Солженицына, стал листать:

– Ты, конечно, это читал, но прочти, вспомни вот этот отрывок, а я пока чайник поставлю.

«Кроме духовенства никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь – Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошел на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезенному на Анзер епископу Петру Воронежскому отвез мантию и Святые Дары. По доносу посажен в карцер и приговорен к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков: не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трех дней, как только она уедет – пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, – не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, что муж взялся за голову с мукой. – «Что с тобой?» – «Ничего», – прояснился он тут же. Она могла еще остаться – он упросил ее уехать. Черта времени: убедил ее взять теплые вещи, он в следующую зиму получит в санчасти – ведь это драгоценность была, он отдал их семье. Когда пароход отходил от пристани – Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу...»

– Ну, прочел? – вернувшись, спросил Сергей. – Мой тесть – ребенок, зачатый во время этого свидания.

Я долго сидел молча, не в силах что-нибудь сказать...

– Пошли пить чай, – нарушил мое оцепенение Сергей.

Жизнь без тебя...

Я возвращался домой с очередной годовщины кончины сестры, которая неожиданно опередила тебя: умерла на полгода раньше. Автомагистраль А-5, известная между водителями больше как «дорога смерти», пересекала Уральские горы, на ней раньше времени без покаяния можно попасть в мир иной.

Перед этим, в июне, после моего возвращения из Парижа, были совсем не летние холода, и так хотелось тепла, а теперь вот вторую неделю стояла изматывающая, казалось, разжижающая мозг в кисель, давящая сердце жара. Потому я выехал поздним вечером, надеясь, что к ночи жара немного спадет. Но жара перешла в не менее давящую духоту, и я свернул к блеснувшему справа от дороги озеру.

Была прекрасная ночь, раствориться бы в ней, но жутковатое чувство бесприютности в этом мире вновь скрутило меня. Разумеется, каждый из нас задумывается о смысле жизни и над тем, что нас ждет за её рубежом, если вообще что-то ждет. Хотя легче жить, до поры до времени не утруждаясь мыслями обо всем этом. Как я уже писал, после твоей смерти я стал почитать умные книжки на эту тему, которые в изобилии продаются в церковных лавках. Как правило, они начинаются главой с названием «Смысл жизни», а заканчиваются главой «Жизнь

после смерти». И оказывается, что в этой жизни нет никакого смысла, кроме познания Бога и подготовки к иной жизни.

Я уже писал, что ничего для себя утешительного я в этих книжках не вычитал. Более того, они оставляли в душе странный, если не сказать, тяжелый осадок. То ли не пришел еще мой час безоговорочной веры, то ли... Прежде всего труды так называемых старцев, подвижников веры или их толкователей меня отталкивали тем, что они как бы тяготятся этим миром и меня призывают им тяготиться. По сути дела, они призывают меня почувствовать себя на Земле инопланетянином. И еще меня смущала, говоря земным языком, социальная несправедливость того мира: оказывается и там, как на Земле, если еще не в большей степени, не все равны, а все, в зависимости от земных заслуг, разделены на чины и звания, есть там своего рода секретари райкомов и даже своего рода президиум, и степень поощрения и выдачи мягких перин зависит от этих чинов или выстрадавших на Земле заслуг, то есть существуют своего рода спецраспределители и ЦКБ для членов правительства и депутатов. А когда не все равны, то это везде, на этом или на том свете, у обделенных вызывает зависть, а к чему это рано или поздно приводит, на этом свете мы хорошо знаем. Коммунисты и то, обещая рай на Земле, соблазняли равенством и общим счастливым трудом на Земле, другое дело, что это по какой-то причине, может быть, даже как раз по неземной – по воле Бога, по заложенной Им в человека сути, оказалось невозможным. Отрицатели же коммунизма, оправдывая тем самым волчью несправедливость капитализма, ссылаются на то, что несправедливость установлена самим Богом, что все равными не могут быть даже на том свете, а об этом уж и говорить нечего. Может, по этой причине в свое время и появились падшие ангелы?

И я бросил читать подобные книжки, они нечто вроде наркотиков и опасны, как наркотики, я чувствую в них скрытый обман или благостный самообман, нельзя придумывать и выдавать за истину то, что для человека по какой-то причине скрыто. Они внесли в мою душу только еще больше смятения.

Все эти умные (или хитрые?) книги про тот прекрасный мир были написаны для того, чтобы вселить в меня надежду, спасти от отчаяния, от чувства конечности жизни, а я им не то чтобы не верю – не принимаю душой. Новое знание о жизни и смерти, иначе говоря, память смертная, почему-то не подняли меня над Землей, а, наоборот, придавили к ней, если не сказать, вдавили в нее, я давно смирился с тем, что я на Земле временный, но никак не мог смириться с тем, что все мы на Земле навсегда временные, что мы никогда не вернемся на нее. Пока мы будем жить с этим чувством, никогда на ней не будет порядка, мы постепенно превратим ее в ядовитую, непригодную для жизни свалку. Может, в свое время подобное случилось с Марсом? Если мы на нее никогда не вернемся, даже в другом состоянии, то почему Бог создал ее такой прекрасной? Рай после Страшного суда и всеобщего Воскресения я почему-то представляю только на Земле. Может быть, мы все-таки предназначены подготовить ее к своему возвращению, превратить ее в цветущий сад, а кто-то от имени Бога стремится увести нас с нее?

С этими гнетущими мыслями я снова сел за руль. Через сотню километров в лучах фар справа высветился дорожный указатель в сторону деревни моего детства. В последнее время я никак не могу найти времени, чтобы не спеша пройти проселками, тропами детства, напиться воды из его родников. Все наскоком, все

некогда. Странное свойство времени. Оно разное в зависимости от возраста. Чем взрослее становишься, тем оно стремительнее несется. Какой долгий день в детстве: сходил в школу, поиграл на улице, сделал уроки, вздремнул, снова поиграл, а дню все нет конца. Чем взрослее, тем день короче, а к старости: утром встал – и не заметил, как наступил вечер.

Страна детства спала сладким предутренним сном. Серпантинном я заехал на гору детства, которая отвесной скалой нависала над притихшей ночной рекой, хотя, наверное, ее перекаты переговаривались с вечностью ночью не тише, чем днем. А может, действительно река на ночь тоже притихает?

Внизу под скалой на противоположном берегу стояли палатки, кто-то сплавлялся по реке, любуясь ее красотами. Думают ли эти люди о том, что они временные на Земле, или они спокойно, в отличие от меня, относятся к этому?

Постояв на скале, я заехал на самую вершину горы. Здесь много лет назад, вернувшись из истекающей кровью Югославии, я показал друзьям детства, где хотел бы быть похороненным. Там, в Югославии, мне было не столь страшно умереть, сколько страшно было быть похороненным вдали от Родины, хотя вроде должно быть все равно, где быть похороненным, раз мы временные на Земле и она лишь условно поделена нами на государства и границы. Почему я хочу быть похороненным именно здесь, если я после своей смерти никогда сюда не вернусь? Может, я подспудно знаю, что моя душа, живя в лучшем мире или скитаясь по неведомым мирам, будет время от времени или постоянно возвращаться сюда. Иначе почему мне, моей душе так хочется, чтобы я лег именно тут, чтобы были видны деревня, в которой я родился, изгиб реки, слышен клекот коршунов, шелест ветвей одинокой сосны? Разве это нужно моему телу, которое через несколько лет превратится в прах? Значит, это нужно моей душе, которая будет время от времени посещать мою могилу? Зачем? Чтобы я после Страшного Суда встал из нее?

Я долго смотрел на редкие огни родной деревни далеко внизу. Они меня не грели, потому что ночные огни, как правило, – свидетельство беды: кто-то там тяжело болел, может, даже умирал...

Повернулся, чтобы идти к оставленной машине, – и вздрогнул: прямо передо мной, почти надо мной, другим своим краем спускаясь к юго-восточному горизонту, висели серебристые облака. Еще полчаса назад, их точно не было, я не мог их не заметить, со скалы я смотрел как раз в ту сторону, а сейчас они висели и чуть заметно мерцали в треть горизонта.

От неожиданности я растерялся, было такое чувство, когда к тебе тайком подкрадываются со спины. Неприятный холодок побежал по лопаткам, но скоро я почувствовал, что от облаков идет мягкий доверительный свет, и мне стало неловко за свое прежнее чувство подозрительности или даже страха.

К этому времени я перечитал все, что касалось серебристых облаков, ученые вроде бы меня убедили в их чисто физической природе. И в то же время, вопреки всему, во мне крепло убеждение, что они – живые. Как живые – родники, реки, моря... Что они не случайно время от времени появляются на ночном небосводе и в трудную минуту разговаривают не только со мной. Мне кажется, что они тоже имеют душу, или даже что это чьи-то души, уже оторвавшиеся от Земли, но не успевшие или не хотящие улететь в иные миры. Иначе почему меня при появлении их сразу покидает чувство безысходного одиночества, но в то же время душа

начинает необыкновенно томиться по чему-то неведомому и высокому, она еще больше начинает страдать от одиночества, но совсем в другом, не безысходном смысле, который я только смутно чувствую, но не могу объяснить. Словно они мне что-то говорят о том главном, что я всю свою жизнь пытаюсь понять, а я, как ни стараюсь, не могу понять того, что они мне говорят, только смутно догадываюсь, и от этого еще больше томится душа. Но главное: каждый раз при встрече с ними вслед за растерянностью, за ощущением, что за тобой тайком подсматривают, и тревогой обязательно исчезает чувство безысходности.

Вот и сейчас: я по-прежнему был один в ночи – и в то же время уже не один. И, затаив дыхание, смотрел в перламутровый ласково-тревожный свет, ниспадающий на меня сверху, и не знал, то ли мне принадлежат вдруг пришедшие мысли, то ли я считываю их с таинственных облаков.

И я решил, может, с великим опозданием для себя, что высший смысл – материалистический ли, или религиозно-христианский, или мистический, по так называемой Живой Этике, – в том, что надо радоваться, насколько это возможно, самому дару жизни, раз она тебе дана, надо радоваться каждому данному тебе дню, но жить нужно прежде всего для ближнего, а потом только для себя. И раз мне по каким-то причинам запрещено знать раньше времени, что будет со мной после смерти, значит, не надо гадать, на халявных перинах или ржавых гвоздях я там буду возлежать, ибо, в конце концов, не в этом дело. Я уверен, что про халявные перины придумано нищими телом и духом людьми, какими бы святыми словами и даже делами они ни прикрывались, они в этом мире мечтали о халяве, и, раз тут не получается, они мечтают о ней в мире ином. Это не имеет ничего общего ни с христианством, ни с Иисусом Христом. Я не приемлю рая, в каком виде они его описывают, я не хочу туда, хотя туда меня и не пустят, а если вдруг пустили бы, то уже на третий день, наверное, я полез бы на стены, мучаясь от безделья, которое для меня страшнее самого страшного ада.

Просто надо жить, не лукавя с самим собой. И ты не умерла и не покинула Землю, пока я жив. Пока я молюсь за тебя, моя молитва оставляет тебя, по крайней мере, для меня, на Земле.

Я почему-то знаю, что тебе легче там, когда захожу в церковь и ставлю свечу за тебя. Есть ты там или нет, я тебя чувствую по ту сторону свечи. Потом как бы в подтверждение этому я прочту у Иоанна Дамаскина: «Несчастливы те из умерших, о которых не молятся на Земле живые!» Во спасение своей души, есть мир иной или нет, надо сделать хоть что-то, чтобы и за меня потом кто-то молился на Земле. Может быть, в этом главный смысл этой жизни и связь этого мира с иным.

Я только сейчас понял, как крепко мы связаны с тобой невидимыми узами, наверное, даже больше, чем при жизни. И если раньше даже сама мысль: жить с привкусом постоянного ожидания своей смерти – была страшна, то теперь я не только свыкся с ней, но заметил, что, живя с ней, стал, несмотря на болезнь, несмотря на годы, каждый день успевать больше. В свое время я у кого-то из подвижников веры прочитал «Живи так, чтобы всегда быть готовым к смерти!» Меня покорила эта мысль. Теперь же я поймал себя на том, что не заметил, когда произошел перелом, после чего мне уже казалось, что я сам пришел к этой простой и ясной мысли, что это ранее покоробившее меня утверждение принадлежит мне.

Память смертная – это не значит постоянно помнить, что ты умрешь, и пребывать от этого в ужасе. Память смертная – это ясное и спокойное осознание, что ты рано или поздно все равно умрешь, но это может случиться уже завтра или даже через час, а потому надо как можно больше в жизни успеть сделать, хотя, казалось бы, зачем все это, когда ты все равно умрешь, и все умрут, и, возможно, уже через несколько десятилетий планетные магнитные полюса поменяются местами, и всех нас ждет всемирная катастрофа, подобная библейскому потопу. И нужно стараться как можно меньше причинить боли и тем более зла людям, прежде всего своим близким, животным, природе. Я только никак не могу смириться с тем, что, в отличие от души человеческой, души животных, потому как животные якобы неразумны, неотделимы от тела и распадаются вместе с ним и что я не встречу там ни Динку, ни загубленных людьми в своих кровавых разборках коней...

Память смертная – это ясное осознание того, что за рубежом смерти придется давать ответ за прожитую на Земле жизнь, если даже этого отчета и не будет, даже если там вообще ничего не будет. Это самоконтроль за своими поступками и даже мыслями. Память смертная – это не страх умереть, а страх не совершить грех, а если совершил, то стремление успеть раскаяться в нем на Земле, ведь одному Господу или случаю известно, когда наступит наш смертный час. Но память смертную в то же время нужно соединить с чувством, что ты живешь на Земле вечно, что ты бессмертен, иначе она придавит тебя.

Было такое чувство, что все это я считывал с серебристых облаков или мне они это говорили. Стоило мне снова подумать о тебе, я как бы услышал ответ: «Если ты всем сердцем желаешь помочь ей, не допускай сомнений в спасении ее души. Своей оставшейся жизнью, памятью и молитвой ты способен изменять ее загробное состояние. До Страшного суда ныне живущие на Земле должны помогать друг другу и в состоянии изменять загробную участь ближних и всех, кто им был дорог на Земле...»

«А что такое Страшный суд?.. И что такое Конец света?» – осмелился я спросить.

«Не мучай себя этими вопросами. Главное, как в случае с памятью смертной, – всегда помнить, что то и другое у тебя впереди, как и у всех, никто не минет Страшного суда. А может, ответ со временем сам придет тебе. А может, это понятие иносказательное. Главное: у каждого человека должен быть свой страшный суд над самим собой, который страшнее всех других судов. Тогда ему будет не страшен тот, Вселенский суд. До всеобщего Страшного суда есть время помогать друг другу: как здесь, на Земле, так и находясь в разных мирах. Всем усопшим, за которых на Земле приносится Бескровная Жертва, пусть даже это скромная милостыня нищему на паперти, прощаются некоторые грехи. Ты же читал у Святителя Иоанна Златоуста: «Почти умершего милостыней и благотворениями, ибо это послужит к избавлению от вечных мук». И еще ты у кого-то читал: «Если ты идешь в церковь, и денег у тебя мало, и берет тебя раздумье, дать ли нищему или свечу поставить, – то лучше дай нищему, а сам стань свечой Богу: гори верой и свети любовью ко всему Божьему миру.

Ты словно ребенок. Мучаешься, сжигаешь себя пустым вопросом о смысле жизни. Смысл один – стать свечой Богу, рабом Божиим, даже если ты допускаешь мысль, что Он просто придуман для того, чтобы было легче умирать. Пусть

тебя не пугает понятие раб Божий. Человек из-за гордыни извратил это понятие, из боязни, что Бог превратит его в низменного раба, подобного рабочему скоту, а раб Божий – это работник, соратник Божий, потому как человек задуман Богом не просто как свободно-разумное творение, а как образ Свой, хотя и неизмеримо низший своего бесконечного Первообраза, но отражающий в своей духовной природе Его Божественные свойства, способный к их развитию в себе до степени нравственного богоподобия и бессмертный по своему назначению.

Уверуй, что душа человека не умирает вместе с телом, а остается бессмертной. Иначе почему она с самого детства так томится, словно ей тесно в теле? А потому всю жизнь и томится твоя душа, и не просто томится, а по чему-то неведомому, и никогда не успокаивается на достигнутом, никогда не ощущает полноты счастья, что она, в отличие от тебя, твердо знает, что то неведомое, с которым она, наконец, обретет всю полноту счастья, – за пределами земной жизни...

Но в то же время живи с верой, что рано или поздно, может, после Страшного суда, если не ты, то хотя бы кто-то снова вернется на Землю, потому благоустраивай ее, сколько в твоих силах, для других, которые будут жить после тебя, как для себя. Надо жить на Земле так, словно ты на нее рано или поздно вернешься. И может, на самом деле вернешься. Может, просто нужно заслужить право снова видеть закаты и рассветы...»

Наступал рассвет. Серебристые облака стали не то чтобы меркнуть, а уходить за горизонт. Но, как бы на прощанье, я услышал: «Остановись, задумайся, наконец, почему Бог уже много раз в самый последний момент спасает тебя на краю гибели? Он тебя предупреждает, напоминает, чтобы ты, наконец, задумался, зачем Он тебя держит на этом свете, а ты уже на следующий день забываешь об этом. Вспомни, сколько раз ты оказывался на краю смерти, и кто-то словно в последний момент отводил руку. Остановись, переосмысли всю свою прежнюю и оставшуюся жизнь.

И еще: ты не понимал подвига монашества, тебя по-прежнему приводит в ужас сама мысль об этом. И в то же время страшит ужас одинокой старости. Ты прав: спасаясь от одиночества, не идут в монахи, в монахи идут от безграничной веры в Бога...»

Серебристые облака уплывали, растворяясь в рассвете. Я оставался один.

И вдруг неожиданно для себя я стал читать псалом 90, который читается человеком в минуты крайней опасности:

«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»

2009 г., октябрь

P.S. 8 ноября рано утром я за двести верст торопился на утреннюю службу на престольный праздник в церковь во имя Дм. Солунского, покровителя всех славян, которую, теперь уже более сорока лет назад, тогда уже полуразрушенную, мне, случайно, а может, неслучайно, оказавшемуся рядом, удалось спасти от взрыва. На одном из скользких поворотов машину занесло, видимо, задремал водитель, она сорвалась с крутой дорожной насыпи и, несколько раз перевернувшись, снова встала на колеса, меня смятой крышей так придавило, что голова оказалась между ног. Выброшенный или выпрыгнувший во время смертельного кульбита водитель

с трудом ломиком сумел выковырять то, что осталось от двери, и с таким же трудом вытащить меня. Какое-то время в полузабытьи полежав на припорошенной снегом земле, боясь пошевелиться в ожидании боли от переломанных рук и ног, а то и позвоночника, я осторожно встал. В голове стоял тонкий гул, переходящий в свист, похожий на звук влетающего истребителя, который по сей день так и не прошел, но, кроме нескольких мелких порезов на голове от осколков лобового стекла, других ран я на себе не обнаружил. В результате мы успели только к концу службы. Отец Петр, бежавший с Западной Украины от братьев во Христе, униатов, по возрасту годный мне в сыновья, вместо сочувствия строго сказал мне: «Бог не убивает, но наказует. Это знак тебе. Задумайся, так ли живешь...»

А через два с половиной месяца, 21 января кардиохирурги буквально вытащили меня с того света. Меня спасли сразу пять счастливых, следующих друг за другом обстоятельств, исключи одно, любое из них, и я не писал бы эти строки. И как тогда, когда незадолго до твоей смерти я увидел во сне или придумал в полузабытьи таинственную женщину в светлом ореоле, по-матерински успокаивающую меня, которая, как я потом гадал, могла быть Матерью Божьей, теряя на операционном столе сознание и перед этим услышав: «Давление ноль, сердце остановилось, мы его потеряли, может, нет смысла начинать...», – я явственно увидел над собой ушедшую в изгнание с частью русского народа и чающую вернуться назад, в Россию, на место своего первого явления, Ея Табынскую икону Божией Матери и услышал тот же голос, как тогда, мягкий и ласковый, как голос матери над колыбелью младенца: «Не беспокойся, у тебя все будет хорошо...»

И живу теперь я с вопросом: что за грозные предупреждения мне одно за другим были, суть которых я так и не могу осмыслить? Зачем Всевышний меня все еще держит на этом свете?

2009 – 2013 г.

Поэзия

Андрей ДУШЕЧКИН

Замкнутый круг

Упади мне на губы, как дождь...
Я пустыня, а ты – вода.
Оживи мои чувства вновь,
Пока я не ушел в никуда...
Пока ветер, как старый друг,
Не откинул чёлку со лба.
Разорви этот замкнутый круг,
Пока я не ушёл в никуда.
Ты приди, будет всё как есть,
Будет солнце и будет рассвет.
Сколько было ошибок – не счесть,
Упади мне на душу, как свет.
И в руках не унять мне дрожь,
Не оплачен счет за года.
Упади мне на губы, как дождь,
Я пустыня, а ты – вода...

Казалось, вечно длинна дорога,
Но пройден путь...
И остается молить у Бога
Ещё чуть-чуть.

Ещё чуть-чуть, да не скроет небо
Ночная тень.
Немного веры, Всевышний, мне бы,
Что светел день...

Океаны между нами.
Между мной и всеми вами
Океаны и моря –
Это вы, а это я...

Острова и водопады,
Крокодилы, леопарды,
Гамадрилы и свинья –
Это вы, а это я...

Эти сказочные маски,
Как из страшной детской сказки.
Силуэт лица в окне –
Это вам, а это мне...

Сколько былинки брошено,
А истины нет и нет...
Как сумасшедший, бродит
Мой неприкаянный век...

Крест из земли проросший
Кто-то нёс – не донёс...
Дом, давно всеми брошенный,
И одинокий пес.

Сколько былинки брошено,
Сколько их в землю упало...
К лучшему всё, к хорошему,
Только душа устала.

Проза

Евгений ТАГАНОВ

О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЗАБЫТЬ

Главы из романа

Часть 1

1

«Я, Ирина Васильевна Копылова, обязуюсь до совершеннолетия своего сына Александра никогда не говорить с ним на русском языке, а также никаким другим способом не сообщать ему о его истинной национальности и месте рождения...»

Все так! Именно так! Абсолютно так!

Она смотрит на спину упаковывающего вещи мужа, а сама едва удерживает возле себя годовалого Сашку, чтобы он не лез помогать папе.

Выходила замуж за дипломата, а вышла за шпиона.

У Сержа не затылок, а настоящий радар. Уже оглядывается с готовым ответом на её непроизнесённый вопрос.

– Ты же знаешь, это было обязательное условие, чтобы его с собой брать.

Конечно, она это знает. Но Санёк ещё совсем кроха. А если по дороге элементарно простудится? Лететь-то через страны и континенты. Сейчас ответит и на это, он же чертова смесь телепата с экстрасенсом. И точно – снова поднимает свой резной ястребиный лик и безмятежно роняет:

– А я уверен, что он за всю дорогу ни разу и не чихнёт.

Хочется крикнуть ему, что четырнадцать часов перелёта через океан это не его спецназовские пробежки по тридцать километров. Ей-то не знать, дважды в детстве с родителями моталась из Москвы в Гавану и обратно.

– Не чихнёшь же, правда, Александр Сергеевич? – обращается он к малышу.

Тот лишь широко ему улыбается и начинает уюкать и вырывать, желая попать в отцовские руки.

– К папе нельзя. Папа ещё не все свои шпионские прибабасы уложил, – успокаивает сына Ирина.

Сергей смотрит неодобрительно.

– Ты точно где-нибудь так и выдашь стране угля.

А за окном, между тем, один из последних советских триумфов – Олимпиада 1980 года. Москва на добрую четверть опустела, всех неугодных и сомнительных на три недели под разными предлогами выселили из столицы, зато те, кто остался, сполна получают свою порцию возбуждения, азарта и новых впечатлений.

Квартира Копыловых служебная, казённой является и её мебель, а это означает, что на особый комфортный домашний прием здесь не мог рассчитывать ни один гость. Впрочем, гостей у Копыловых за три месяца обитания в этой московской хрущёвке с румынской стенкой и югославским мягким гарнитуром не было ни разу. Да они сами здесь как инопланетяне. Вон по цветному «Горизонту» всю сореваются легкоатлеты, а они, оба страстные любители спорта, никак не могут, даже если захотят, сосредоточить на телевизионном экране свои взгляды и понять, что там происходит.

Всё объяснялось просто: супруги Копыловы вместе со своим чадом готовились к выезду за границу, где должны были дважды сменить свою фамилию – сначала на Рубио, а затем на Гонсалесов – и, проделав тщательно разработанный маршрут через Испанию и Аргентину, осесть в самом спокойном и цивилизованном месте Центральной Америки – Коста-Рике.

– Ну что, Санечка, мой Санёк, последний раз называю тебя Саней, а дальше ты у меня только Алехандро, друг Санчо, – приговаривала Исабель Гонсалес, она же Ирина Копылова.

Её благоверный Карлос, оставаясь пока ещё в миру Сергеем Копыловым, снова застриг сверхчувствительными ушами.

– Можно ещё Алексом. Они там уже все давно прогнулись под янки. Будет нормально.

– И вырастешь ты тогда таким же хулиганом, как Алекс из «Заводного апельсина».

Сердитая спина мужа послужила ей красноречивым ответом.

Так всё-таки промахнулась она или нет, выйдя за этого подмосковного мачо замуж? Ведь вся их поездка, в самом деле, с её «категорического одобрямс». Из МГИМО ведь попадали не только в посольства, но и в журналисты-международники, в аппарат ЦК, даже в председатели немецкого колхоза в Казахстане. Проторён путь был и на ТВ с Радиокomiteетом. Серж же выбрал то, что выбрал: дополнительную подготовку в разведшколе. А всё благодаря его исключительному музыкальному слуху, позволявшему ему в произношении испанских слов ничем не отличаться от природных носителей языка. Даже у неё, у Ирины, шесть лет проучившейся в кубинской школе для детей фиделевской номенклатуры, и то бывают огрехи в языке. Как-то кстати пришлось ко двору и её собственное образование программиста ЭВМ. Разумеется, до американских компьютеров ей как до Луны, но принцип действия у этого «железа» всё равно один и тот же, поэтому и она там сможет на что-то сойти, решили там, наверху. Вот так и подобрались они – шерочка с машерочкой – для бесконечно долгого нелегального пребывания в Новом Свете.

А подразню-ка я его ещё разок!

– Как ты думаешь, на сколько всё же мы туда едем?

– На семнадцать лет.

Точность ответа её озадачила.

– Ты раньше этого не говорил.

– Сама же обозначила срок в своей расписке: до совершеннолетия Алекса.

А ведь верно. И вдруг её кольнуло в самое сердце с неожиданного бока. Она представила своего уже выросшего «там» сына, которому придётся сообщить, что он не только уроженец, но и верный патриот Империи Зла. Об этом ей как-то прежде не приходилось задумываться. Ой-ля-ля! Что же это такое будет?!..

2

То ли слишком их хорошо готовили, то ли «ангел им был в дорогу», то ли все таможенники и пограничники повсюду отмечали какой-то свой День Доверия, но весь их кружной самолётный путь прошёл без сучка и задоринки. В Мадриде молодую семью встречало тропическое солнце, в Буэнос-Айресе – пасмурный зимний дождь, а в Сан-Хосе – лёгкий ветер, быстро переросший в замечательный тайфун, отвлекший всеобщее внимание от бледнокожих «аргентинцев».

Оглядевшись с недельку по сторонам, Карлос открыл мастерскую по дизайну апартаментов, благо, что кроме липового диплома по этому делу у него имелись свой отменный вкус, детская изостудия за плечами и опыт работы маляром-штукатуром в студенческие годы. Однако, как оказалось, кругом было немало других умельцев-отделочников, поэтому на объявления в газетах пришлось истратить почти все их подъемные деньги, прежде чем в проёме крошечного офиса мастера Гонсалеса нарисовался первый клиент.

С трудоустройством Исабель вышло ещё сложнее. Наняв для Алекса няню-мулатку, она попыталась устроиться каким-либо делопроизводителем. Но всё закончилось парой увесистых оплеух чересчур любезным боссам, и сеньора Гонсалес на какое-то время превратилась в стационарную домохозяйку. Так мужу и сказала:

– Обеспечивай давай нам с сыном райскую жизнь, а мы тебя за это ещё и пилить будем.

– Мы с тобой, кроме всего прочего, ещё и армейское подразделение, – отвечал ей на это муж. – А в армейском подразделении главный враг – это праздность. Стало быть, мне всё равно необходимо загружать тебя простой солдатской службой по темечко.

И он загружал: заставил проштудировать три книги по бухучёту, купил ей самый простенький компьютер и каждый день приносил стопки местных газет, по которым обязал Исабель составлять картотеку на всех окружающих политиков и общественных деятелей. По идее, последнее он должен был делать сам, но зачем перетруждаться, когда рядом есть склонная к послушанию жена.

– А ты чем тогда будешь заниматься? – пробовала она возражать.

– А мой долг, как настоящего альфа-льва, лежать в гамаке, ковыряться в носу и мал-мало думать.

Разумеется, никакого такого вальяжного гамака у них и близко не существовало. Его Карлосу заменила тотальная настороженность, раздутая ещё вдвое из-за того, что её приходилось все время скрывать. Тот психологический тренаж, что он прошёл в разведшколе, помогал лишь отчасти, во многом приходилось действовать по наитию. Один вопрос, до какой степени нужно вливаться в окружающее общество, чего стоил. А где та грань между заискиванием и напыщенной независимостью? И можно ли впускать чужаков в собственный дом? Или – как оградить себя от назойливого панибратства коллег и знакомых?

К тому же в местной среде обитания обнаружился некий карантин, когда должно было пройти какое-то время, чтобы окружающие хоть чуть-чуть приняли их в свой круг, простив и привыкнув к некоторым странностям поведения «аргентинской четы».

– Здесь, кроме самого дешёвого чтива, никто ничего не читает, – жаловалась Исабель. – Кажется, такая мелочь, а безумно раздражает.

– А как они умудряются ещё и на балет не ходить?! И в филармонию ни ногой! – посмеивался над её претензиями муж. – Если будешь на этом заикливаться, станешь совсем неспособна. Давай просто выше ценить то, что есть. Будем костариканцами больше, чем сами костариканцы.

Сильнее всего их всё же донимала жара. Пока они не научились бороться с ней с помощью обыкновенного будильника. Если вставать не в восемь, а в шесть каждое утро, то к одиннадцати-двенадцати, до первой волны обжигающего воздуха, можно было успеть сделать массу вещей. Точно так же, если пораньше выползть и после полуденной сиесты. От ночной же духоты спасались, ставя возле постели тазик с водой и каждые два-три часа смачивая в ней простыню, которой укрывались.

Зато, выключив из своего сознания такое понятие, как экваториальное пекло, они обнаружили вокруг немало замечательных вещей. Треть территории этого тропического государства величиной с Эстонию составляли редкой красоты природные объекты: вулканы-трехтысячники, белопесчаные морские пляжи двух океанов, национальные парки, водопады и реки. И, подобно тем петербургским семьям, у которых за правило каждые выходные посещать какой-либо музей или выставку, Гонсалесы приспособились каждый уикенд посвящать тому или иному побережью, тому или иному потухшему вулкану или крокодиловой ферме.

Не меньшим увлечением для Карлоса явилась и сама его легальная работа, в которой тоже редко встречалось однообразие. Первое время он, правда, хватался за что угодно, не чурался даже сам брать в руки мастерок и электродрель, однако вскоре статус кустаря-одиночки стал его порядком тяготить и захотелось перейти в другую предпринимательскую категорию.

Дизайнерская отделка жилья в то время в Сан-Хосе выглядела чем-то почти неприличным: приходит чужой дядя и предписывает, в каком именно антураже тебе нужно жить. Гораздо достойнее считалось проявить свое собственное представление о начинке семейных гостиных и спален. Поэтому все усилия Карлоса привить эстетическое чувство своим малообразованным заказчикам долго не имели успеха.

– А может, не надо стараться их переубеждать? – осторожно пыталась образумить супруга Исабель.

– Извини, но стиль «Чего изволите?» не для меня, – упрямо отмахивался альфалев.

И, отработав первых полгода, он сделал ход конём. Купил участок земли с каменной развалюхой, в которой никто не жил уже лет двадцать. Засучив рукава, мастер Гонсалес с одним наёмным работником в два месяца навёл в доме такой дизайн, что пять фото его внутреннего убранства были напечатаны в мексиканском архитектурном журнале. Для строителей-отделочников столицы Коста-Рики это явилось настоящим событием.

– Когда делаешь дом для себя, всегда стараешься, – смущённо объяснял Карлос сей успех своим коллегам, пришедшим посмотреть, как всё выглядит в натуре.

Впрочем, в «дом для себя» Гонсалесы так и не переехали. Богатый владелец кофейных плантаций предложил за него хорошую цену, и Карлос с якобы тяжелым вздохом продал «своё несостоявшееся фамильное гнездышко».

Прошёл еще год, и в Сан-Хосе умер глава небольшой строительной фирмы, а его вдова предложила мастеру Гонсалесу войти в их фирму полноправным компаньоном, оставив за ней право решающего голоса. Карлос ломался недолго: схватил свой компьютер и чертежную доску и перешел в офис сеньоры Селии. Понаблюдав месяц-другой, как он обращается с её работниками и клиентами, сеньора немного поубавила своей женской подозрительности и мнительности и скоро уже следила лишь за финансовым приходом и расходом, совсем не вмешиваясь в само производство.

Как и Карлос, сеньора Селия бралась за любые строительные работы, перебегая дорогу другим мелким подрядчикам. И как-то под хорошее настроение «хозяйки» компаньон выдал ей на-гора новый бизнес-план.

– Сеньора Селия, мне кажется, выполнять заказы бедных людей – вещь неблагодарная. В этом нет и никогда не будет никакого развития. Тем более что при малейшем кризисе бедный человек всегда сразу забывает о новом доме и думает о более насущных расходах. Богатый же человек никогда так не разорится, чтобы прервать строительство своей виллы. И запросы у него всегда будут самые передовые, следовательно, и наши умения всегда будут только расти и развиваться вместе с этим.

Три дня думала «хозяйка», прежде чем сказать:

– А попробуй делать, как считаешь нужным.

И отличник МГИМО по научному коммунизму принялся прямо с порога их офиса заворачивать любого клиента, зарабатывающего меньше пяти тысяч долларов в месяц, в фирмы своих бывших конкурентов, за что имел от них отдельный поклон и благодарность. Сделал упор на богатых клиентах, преимущественно 30-40 лет, чтобы над ними меньше довлел семейный консерватизм. Ничего не навязывая, просто предоставлял им три-четыре эскиза их будущего внутреннего домашнего убранства, так что те порой долго не могли выбрать что-то определенное, настолько были хороши все варианты. Особенным успехом пользовались его парадные гостиные в древнеегипетском и древнеримском стиле.

Более того, к концу выполнения заказа Карлос со своим клиентом, как правило, становились хорошими друзьями. То, чему его успешно научили в разведшколе: искренне интересоваться своим собеседником и хорошо запоминать его взгляды и высказывания, – принесло свои увесистые плоды. Да и позже он

не забывал названивать этим «знакомцам» просто так, умело находя какой-либо приятный повод.

Сан-Хосе город небольшой, и слава о гиперобходительном доне Карлосе достигала любого, кто собирался строить себе новое фешенебельное гнёздышко. Количество заказчиков постоянно росло, однако не сказать, что семимильными шагами. Главной помехой являлось то, что трудно было среди беззаботных латиносов найти работников, умеющих работать с немецкой тщательностью, как того требовала установка мастера Родригеса на передовые технологии. Поэтому ему нередко приходилось сокрушённо разводить руками перед очередным заказчиком:

– К сожалению, должным образом мы пока это выполнить не можем. Качество работ для нас гораздо важнее их количества. Лучшие мастера сейчас заняты на другом объекте. Или чуть подождите, или я вам порекомендую другую фирму, которая сделает вам это почти так же хорошо и быстро.

И почти каждый новый клиент предпочитал «чуть подождать».

3

А что же маленький Алекс? К счастью, главные опасения супругов Гонсалесов, что с возрастом он станет таким же русопятым, коренастым и курносым, как многочисленная смоленская родня Исабель, не оправдались, и своей внешностью Алекс пошёл в отца: был такой же сухопарый, темно-русый и прямоносый, что позволяло его легко выдать за потомка кастильских идалго. Однако подмосковные гены всё же давали себя знать, и в 6 лет с Гонсалесом-младшим случился сильнейший солнечный удар, после которого он две недели провёл в лучшей клинике. Приговор врачей о смертельной опасности для малыша тропических солнечных лучей стал для Алекса отправной жизненной точкой: не столько родители, сколько он сам теперь заботился о своей безопасности, всегда помнил о необходимости головного убора и о том, чтобы даже в бейсбольной кепке не оставаться в сиесту на солнце дольше тридцати минут.

Ради сына Гонсалесы из гористого Сан-Хосе переехали в город Лимон на атлантическом побережье, едва ли не самое дождливое место во всей Центральной Америке, где солнечной активности было заметно поменьше. Здесь Карлос открыл уже свою собственную строительную фирму с Исабель в качестве главного бухгалтера, а Алекс пошел в дорогую американскую школу, где две трети предметов велись на английском языке. Главной особенностью поведения в школе был подчёркнутый индивидуализм, что после самозабвенной возни с дворовыми ровесниками в Сан-Хосе явилось для живого общительного мальчишки неприятным открытием. Вместо того чтобы беспечно отдаваться групповым интересам, он теперь должен был всякий раз обосновывать и перед собой и перед другими, почему он должен тем или иным заниматься. Это порядком угнетало, и Алекс постепенно и произвольно выбрал для себя более отстранённый и сдержанный стиль поведения. Компьютер и видик быстро стали его лучшими друзьями.

Глядя на регулярно читающих родителей, приохотился он и к книгам, причём больше к отцовским энциклопедиям, чем к детскому чтиву, что постепенно пре-

вратило его в маленького старичка, для которого несносны слишком ребяческие восторги и заботы сверстников. В 10 лет Алекс набрёл на «Робинзона Крузо», пять или шесть раз прочитал его и принялся всерьёз готовиться к жизни на необитаемом острове: узнавал, что и как можно изготовить, что во что превратить и как использовать, чтобы не повторять неуклюжих неумений простоватого Крузо.

Это погружение в отцовские справочники и энциклопедии удивительным образом сказалось на его школьной учёбе. Одно дело запоминать что-то по чужому приказу, а другое – по своей охоте. Учёба пошла для него с некоторым опережением: всё чаще получалось, что то, что рассказывали учителя, Алекс ещё раньше успел почерпнуть из книг. Впрочем, в отличники от этого он не выбился. Самые интересные и предприимчивые ребята в их классе относились к категории «хулиганов и двоечников», от души презирающих зубрил-отличников. И чтобы не относиться к последним, начиная с четвертого-пятого класса он сознательно стал получать заниженные отметки.

Родители его за это не сильно шпыняли, предпочитали давать сыну дополнительное образование по собственной системе: в доме по-английски говорили чаще, чем по-испански, во время семейных трапез звучала классическая музыка, по видуку смотрели самые отборные голливудские, европейские и японские фильмы, а мировая политика, география и история являлись едва ли не главной темой разговора на внутрисемейных трапезах. Причём всё это происходило самым непринуждённым образом: родители просто обменивались некими отрывистыми шутивными репликами, а Алексу, чтобы понять смысл их весёлости, приходилось потом подолгу копаться в тех же справочниках и энциклопедиях.

Ещё один поворотный момент произошёл с Алексом в 11 лет, когда отец подарил сыну маленькую безделушку: песочные часы, в которых песок пересыпался ровно за тридцать секунд. Исабель такой подарок не одобрила:

– Ну и что выдающееся можно совершить за эти полминуты?

Карлос выкрутился с присущим ему блеском:

– Например, как Господь Бог, создать нового человека. – Он взял ручку и за тридцать секунд нарисовал на листе бумаги весёлого человечка со шляпой и тросточкой.

В тот же вечер, закрывшись у себя в комнате, Алекс наперегонки со струящимся песком принялся создавать свой человеческий мир. Песок неизменно побеждал, тогда Алекс ограничил себя человеческими ликами, и укладываться в срок стало гораздо легче.

С той поры у него так и пошло: стоило случиться каким-либо неприятностям, как он доставал бумагу и ручку и благодаря стремительным рисункам постепенно успокаивался и обретал чувство уверенности.

Вскоре успехи его в изображении лиц и человечков в целом стали столь очевидны, что какое-то время Алекс даже примеривал на себя плащ великого карикатуриста.

Родригес-старший мог быть доволен: художественная жилка ещё ни одному человеку не помешала. Лишь однажды он всё же не выдержал и пристыдил сына за недостойные отметки. Тогда-то Алекс и выдал отцу свою школьную тактику-стратегию.

– Разве хорошие оценки стоят малоприятного имиджа?

– Ну наш парень и даёт! – выразил чуть позже Карлос свои впечатления о сыне жене. – В его годы я, помню, плакал от обиды за каждую четвёрку, а этот сознательно не учит, чтобы получить тройку.

– А хорошо ли, что он подстраивается под этих аутсайдеров? – усомнилась Исабель.

– Ну, во-первых, понятие аутсайдеров в их элитной школе весьма относительное. И потом он заверил меня, что их мнение ему в общем-то не очень даже важно, просто ему нравится быть немного человеком-невидимкой, чтобы на него поменьше пялились.

– Ты не находишь такое поведение странным для его лет?

– Я и это спросил у него, – даже обрадовался её вопросу Карлос. – Мол, почему он не хочет покруче утвердиться среди сверстников? И знаешь, что он мне ответил? Что его сверстники – это герои Дюма и Джека Лондона, а не эта шантрапа.

– А что он говорит про девочек?

– Увы, до этого глобального вопроса мы как-то не добрались.

Говоря, что мнение «хулиганов и двоечников» его не очень-то заботит, Алекс ничуть не привирал. Рано почувствовав над ними свое умственное превосходство, он вскоре добился среди сверстников и физического первенства. Его высокий рост, некоторая неуклюжесть движений и то надменное равнодушие, с которым он смотрел на их выходки, были прекрасным раздражителем для всех окружающих задира, слишком лёгкой и лакомой добычей этот высокомерный «аргентинец» им казался. Однако стоило ему встать в бойцовскую стойку, как он тут же переставал быть беззащитной жертвой. Выставив далеко вперед левый кулак, он стремительно наносил разящий удар правой любому, кто изловчился поднырнуть под его левую руку. При этом сам он всегда оставался вне пределов чужих кулаков. Так действовал любимец его отца мексиканский боксёр-средневес Мартинос, и Родригесу-младшему просто удавалось его хорошо копировать. И хотя все задиры вскоре выяснили, что Алекс никому не проигрывает драки один на один, всякий раз непременно отыскивался смельчак, чтобы померяться с ним ловкостью и бесстрашием. Вот и получалось, что, будучи человеком совершенно не агрессивным, он дрался гораздо чаще самых завязятых хулиганов.

Удивительно, но об этих «подвигах» долго ничего не знали ни родители, ни учителя. Глядя на его задумчивое тонкое лицо, никому из взрослых даже в голову не приходило, каким умелым кулачным бойцом в своей возрастной категории он является.

4

При переезде в Лимон Карлос не прекратил компаньонства и с сеньорой Сецией, так и мотался еженедельно между двумя городами, что служило хорошим прикрытием для любых его сторонних встреч и поездок.

Поменяв на новом месте жительства две съёмные квартиры, Гонсалесы выстроили себе, наконец, и собственный дом. В отличие от первой показной виллы, это был весьма скромный особняк с шестью комнатами, подземным двенадцатиметровым тиром и садом в три акра. Его скромность объяснялась желанием иметь

лишь приходящую прислугу: кухарку-горничную и садовника, поддерживавшего сад и небольшой декоративный бассейн в идеальном состоянии.

Странность с подземным тиром объяснялась тем, что супруги Гонсалесы сразу же вступили в местный стрелковый клуб, куда входили многие предприниматели средней руки – все те, кому хотелось иметь в доме огнестрельное оружие на законных основаниях.

Помимо собственно стрельбы на их сборищах часто обсуждалось, как именно вести себя в ситуациях, когда доведётся эти пистолеты применить. Карлос придерживался самой миролюбивой точки зрения, говоря на каждом углу, что лучше самому получить физические травмы, чем стать виновником чужой смерти. Тем не менее однажды в лимонской вечерней газете была помещена короткая заметка следующего содержания: «Сегодня ночью в дом известного предпринимателя Гонсалеса пытались проникнуть два грабителя. Оба с тяжёлыми ранениями были доставлены в больницу. Ведётся следствие».

И в глазах окружающих разом сложился весь пазл в отношении семейства «мастера Карлоса»: и некоторая их закрытость, и удивительная бытовая самодостаточность, и увлечение стрельбой. В заслугу было поставлено даже то, что супруги стреляли именно по конечностям грабителей, чтобы не нанести слишком тяжёлые увечья.

Наибольшее количество лавров, как ни странно, досталось Алексу – в школе он стал настоящим героем, хотя и не скрывал, что основную ночную пальбу просто проспал: проснулся и спустился в холл, когда отец уже вызывал по телефону полицию и «скорую».

– А какие они, какие? Страшные, наверное? – с замиранием сердца спрашивали окружающие двенадцатилетки.

– Откуда я знаю? Они на полу уже лежали. Кажется, среднего роста. Лет по двадцать, двадцать пять. У одного был пистолет, у другого нож.

– А твоя мама что делала?

– Перевязывала того, что с ножом был. Он плакал, говорил, что ему теперь руку ампутируют.

– А твой отец что?

– А папа ему говорит: «Ничего, у тебя ещё другая рука есть».

– Ну у тебя папа и хохмач. Так ему и сказал?! А мама что, совсем не испугалась?

– Её только потом сильно трясло, когда «скорая» уже уехала.

5

Всё бы так, наверно, и катилось по намеченному трафарету: сбор никому не нужных секретных данных о Центральной Америке, выполнение разовых заданий мексиканского резидента, постоянная готовность к активным действиям при наступлении часа «Ч». Даже раскрытие семейной тайны перед сыном в восемнадцать лет выглядело вполне запрограммированным, для чего Гонсалесы начали откладывать деньги на крейсерскую яхту, чтобы именно на ней посреди океана сделать сыну сие признание. Но тут наступили приснопамятные Перестройка

и Гласность. Поначалу Гонсалесы даже гордились ими: наконец-то Империя Зла показывает всем свое нормальное, не враждебное лицо. Однако год отщёлкивался за годом, и у Карлоса появлялось всё больше тревоги:

– Ну нельзя же так уж перед американцами и Европой стелиться! Потом же самим стыдно будет.

Исабель не разделяла его страхов, всячески защищая «меченого генсека», мол, всё это хорошо продуманная многоходовая стратегия. Но у Карлоса уже было с кем и без неё поговорить на эту тему. В их доме стал время от времени появляться Альберто, нелегал из Панамы. Будучи торговцем офисной оргтехникой, он мог перемещаться по всей Перемычке, как они называли Центральную Америку, где угодно. Альберто прибыл из Москвы совсем недавно, поэтому знал массу таких совдеповских подробностей, которых не почерпнёшь ни на каком Си-Эн-Эн или Би-Би-Си. Сухопарый и прямой, больше похожий на англичанина, чем на латиноса, он был ещё более Карлоса резок в суждениях о делах в Союзе.

– Боюсь, что повторится февраль семнадцатого года. Только там дворянское быдло предало свою страну, а теперь наше хвалёное политбюро предает.

Когда случилось ГКЧП, Альберто примчался к Гонсалесам среди ночи с радостной вестью:

– Наконец-то нашелся кто-то, чтобы прекратить это безобразие!

Но два дня спустя уже не было несчастней его человека:

– Господи, ну что за придурки!! Трех трупов испугались!

И теперь уже Карлос, хотя и был полностью с ним солидарен, утешал его:

– Ничего, зато москвичи оторвались за эти три дня по полной программе. Конечно, обидно, что они всё решают за всю страну, но ведь так было всегда.

Катастрофу декабря девяносто первого года Альберто с Карлосом отметили чисто по-русски: отпустили прислугу, отправили Исабель с Алексом загорать на тихоокеанское побережье, а сами закрылись в подземном тире, вдрабадан напились и израсходовали почти тысячу патронов, стреляя по мишеням-президентам.

Вскоре после этого в жизни Альберто и в жизни Гонсалесов наступило тревожное время. Регулярно поступали сведения уже не только о нелегалах-пребегчиках, но и о крупных чинах спецслужб, которые, ничего не боясь, чуть ли не на пресс-конференциях выдавали секретную информацию.

Однажды Карлос даже услышал знакомую фамилию такого штабного разведчика и стал готовиться к возможному аресту здесь, в Коста-Рике. Но прошло месяца четыре, а его никто не арестовывал. Альберто объяснил это по-своему:

– А зачем американцам лишний раз суетиться? Ты же «спящий агент», большого вреда пока не приносишь, зато всегда под рукой, если понадобится обмен раскрытыми шпионами, – и чуть подумав, добавил: – Подозреваю, что вы у них сейчас в качестве учебного пособия. Помню, в Москве мне тоже показывали такого «спящего» американца, чтобы я за ним просто походил, понаблюдал, как он ведёт себя, чем выделяется, как старается на своей легальной службе. Полезная штука, между прочим.

Разумеется, такое предположение особой радости Гонсалесам не принесло. Навострив все свои интуитивные радары, Карлос и в самом деле вскоре заметил двух ошивавшихся вокруг него типов, которые вполне подходили на роль топтунов-стажеров.

Самое удивительное, что как раз в это время в руки Гонсалесов попала действительно важная секретная информация. Одна из выстроенных Карлосом вилл принадлежала богатому техасцу Сайрусу Джонсу, с которым Родригесы настолько сдружились, что посылали к нему на ранчо Алекса на целый месяц, а сын Джонсов Чарли тоже неделями не покидал Гонсалеса-младшего, когда техасцы приезжали поголливудить на свою лимонскую виллу.

И вот как-то в очередной свой приезд Джонсы пригласили чету Гонсалесов к себе на ужин вместе с ещё одной американской семейной парой и неким Гарри, мрачным сорокалетним господином, по виду явным госслужащим. Сайрус сватал американцам Карлоса как лучшего местного подрядчика и дизайнера по строительству вилл и особняков. Сам подрядчик, особо не чинясь, с готовностью показал свои интерьеры, которые всегда были у него с собой на представительской дискете.

Словом, вечеринка была как вечеринка. Три женщины щебетали о своём девичьем, четверо мужчин пили виски и играли в бридж. Игра сопровождалась теленовостями о России и о политической ситуации 1992 года в Панаме.

Гарри, изрядно напившись, стал расспрашивать Карлоса о его отношении к российской Перестройке. Карлос как мог насмешничал над страной льда и медведей. Гарри, чуть обидевшись на такое суждение, принялся с жаром ему рассказывать про Сталинград и Гагарина. Потом его настроение, как бывает у пьяных, снова поменялось, и он стал всячески ругать русских за их подозрительность и неповоротливость. Новая порция иронии Карлоса заставила Гарри выхватить из кармана рубашки дискету и для убедительности покрутить ею в воздухе:

– Вот здесь информация, которая может перевернуть всю их жизнь, а эти, в русском посольстве, даже отказались просмотреть её у меня.

Они стояли на террасе второго этажа, освежающе обдуваемой вечерним бризом с Карибского моря.

– Там, наверно, план ядерной атаки Штатов на Россию, – предположил с ухмылкой Карлос.

– Нечто гораздо лучшее, – Гарри покачал пальцем в воздухе. – Да что ты знаешь, костариканец, про русское каннибальство. Когда они друг другу главный враг.

Если бы это произносил кто-либо из соотечественников, Карлос и ухом бы не повёл, но из уст американца такие слова прозвучали как-то особенно обидно и оскорбительно. Он с балкона глянул во внутренний дворик, где находились хозяева и остальные гости. Исабель, словно он позвонил ей по сотовой связи, тотчас подняла голову. И, с улыбкой что-то сказав хозяйке дома, двинулась на выручку мужу.

– Пошли лучше примем лежачее положение, – сказал Карлос Гарри.

– Ну пошли, – послушно согласился тот. Его сильно повело в сторону, и если бы не крепкая рука подрядчика, он наверняка свалился бы на пол.

Исабель поднялась к ним, когда Карлос полуусаживал-полуукладывал американца на один из диванов, находившихся в верхней гостиной.

– Гарри, что же вы нас так бесовестно покинули, – укорила она, переключая на себя внимание пьянчужки, в то время как Карлос вполне бесцеремонно, словно так и надо, расстегнул у того карман рубашки и извлёк оттуда дискету.

– Вам надо взбодриться, – Исабель протянула Гарри свой стакан с соком.

Гарри понёс какую-то околесицу, а Карлос под шумок удалился в детскую комнату, где у младшего Джонса стоял компьютер с двумя дискетными гнездами. Сорок секунд – и содержание дискеты Гарри переключало на представительскую дискету мастера Карлоса. Еще минута – и ворованная дискета снова в кармане у американца. Заметил ли пьянчуга такой наглый грабёж, Карлоса не слишком волновало – он мог объяснить его своим собственным желанием заработать на этой дискете с тем же русским посольством.

– Ты сошёл с ума, – говорила Исабель по дороге домой. – Ну кто так действует!? Кто? И вообще всё это похоже на большую подставу. Никто так, на дурочку, тайны не добывает.

Карлос молчал – он верил в везение и в тот счастливый случай, который один раз непременно выпадает всякому разведчику.

Недоверчивость жены ещё больше возросла, когда она увидела на мониторе компьютера то, что они украли. Это был список агентов влияния, всё сплошь российские фамилии, и номера их зарубежных банковских счетов, на которые отправлены полученные ими гранты и бонусы с указанием чисел и сумм. Так что при сопоставлении фамилий с событиями, местом службы и размером денежных вливаний легко можно было докопаться, кто там и за что получил сию мзду. Сразу стала понятна и позиция Гарри: выдавая российских чиновников-предателей, он не подставлял ни одного американца, разве что тех, кто находился под дипломатическим прикрытием, и мог получить за эту утечку информации максимум выговор от своего начальства за халатность по службе. Заодно это была проверка на хвалёный русский патриотизм: хватит ли у вас духа устроить свой российский Полтергейст и разоблачить всех этих откровенных предателей?

– А может, это чистой воды провокация? – тут же усомнилась Исабель.

– Провокации так просто и убедительно не выглядят, – Карлос был полон самых нехороших предчувствий по поводу отсылки подобного сообщения в Москву.

Приехавший на следующий день Альберто полностью согласился с ним и добавил новых страхов:

– Это действительно бомба. Но она будет приведена в действие, только если найдется достаточно решительная группировка в самых верхах, которая захочет это использовать.

– Предлагаешь вообще не посылать? – Карлос не столько интересовался мнением Альберто, сколько рассчитывал получить больше вариантов для своих действий.

– Я так не сказал. Посылайте, а потом спокойно сидите и ждите отзыва на Родину для продолжения карьеры в Коми-Пермяцком автономном округе, – слова вроде были и саркастические, но тон не оставлял сомнений в серьёзности заезжего гостя.

– А ты поучаствовать не хочешь? – предложила Исабель.

Карлос тоже смотрел на «панамца» с пристальным вниманием.

– Почему бы и нет, – одарил обоих Гонсалесов лучезарной улыбкой Альберто. – Я тоже люблю Коми-Пермяцкий округ.

Решили сделать так: перегнать информацию на 5 крошечных чипов, не читаемых обычными компьютерами. Один чип пошел в Москву по официальному ка-

налу через посольство, три каждый взял себе, и пятый должен был быть запрятан в нейтральном месте, в котором его по точной наводке потом мог взять ещё кто-то посторонний.

После отправки первого чипа потянулись недели тревожного ожидания.

6

Происшествие с горе-грабителями повлияло на Алекса гораздо сильнее, чем он сам думал. Мир взрослых, который он считал унылым, ложно-умным и узкоколеиным, вдруг открылся ему новой стороной: оказывается, и у стариканов бывают приключения не только в голливудских фильмах, а и в повседневной жизни. Блестящую деловую карьеру и зарабатывание больших денег он в счёт не принимал – ведь в этом не больше доблести, чем в добывании школьных пятерок. А вот личная смелость в вооружённом поединке – это да, это действительно супер. Нет, своим родителям он нисколько не завидовал, просто теперь у него появилась точка отсчета для сравнения его собственных кулачных подвигов.

В тропических странах подростки созревают гораздо быстрее, чем в умеренном климате. Не обошла игра гормонов стороной и Алекса. В свои наступившие увесистые тринадцать лет он уже успел влюбиться дважды. Пятнадцатилетняя Эстелла, двумя классами старше, была его заветной мечтой на протяжении полугода. Но два года разницы постоянно ставили кавалера в неловкое положение, и уязвлённое самолюбие в конце концов настолько взбунтовалось, что в один прекрасный день он без всякого видимого повода отправил недоступную пассию на свалку сердечных отходов. Кстати, сама Эстелла о его пламенном чувстве так и не успела узнать.

С двенадцатилетней Камиллой было проще, она жила по соседству и ходила в обычную, не американскую школу, но с ней возникли другие трудности. Во-первых, изо всех сил приходилось делать вид, что ему просто с ней интересно разговаривать и только, во-вторых, понадобилось убедить в этом заодно всех случайных свидетелей, включая своих и её родителей, в-третьих, пришлось постараться не сделать ничего опрометчивого, чего потом пришлось бы стыдиться. Родители никогда не говорили с ним о таких вещах, как благородное и неблагородное поведение, более того, частенько иронизировали над семейными ценностями в голливудских фильмах, тем не менее представления о табу в собственном поведении Алекс имел совершенно чёткие.

Как ему приходилось напрягать собственную голову, чтобы просто придумать тему для продолжительного телефонного или обычного разговора с Камиллой! Сколько лицедейства напускал он на себя, чтобы выглядеть перед ней предельно возвышенным и искренним, не имеющим никакой задней мысли! Как одновременно хотелось и было боязно любого физического прикосновения! И сколько раз он ловил обращённые на них с Камиллой бесцеремонные взгляды взрослых, которые недвусмысленно говорили, что они прекрасно понимают все его скрытые желания и намерения. Но такова уж природа юношеских чувств, что они способны прорываться сквозь любые оскорбительные обстоятельства.

Два раза уже удавалось Алексу заманить Камиллу к себе домой. Сначала для показа своего нового компьютера, к которому девчонка оказалась совершенно равнодушна, потом для тайного проникновения в подвальный тир, тоже не вызвавший у неё особых восторгов, и, наконец, сегодня он позвал её для опробования подарка родителей на день рождения: дорогого фотоаппарата.

Это последнее приглашение неожиданно принесло полный успех. Польщённая тем, что её хотят снять в самом красивом виде, Камилла с таким восторгом и послушанием смотрела на своего кавалера, что Алексу не оставалось ничего другого, как и дальше выжимать из неё новые восклицательные знаки. В комнатах виллы развернуться особо было негде, и они поневоле переместились в сад. Родители отсутствовали, но в дальнем углу подстригал что-то старый садовник Гаспар, да на террасе время от времени мелькала со щёткой служанка Хасмина. Однако разыгравшимся подросткам это уже помешать не могло.

Алекс поменял в «Никоне» уже третью пленку, изображая из себя опытного фотомастера, даже пытался указывать Камилле, какие именно ей принимать позы.

– А теперь голову чуть набок и задумайся.

– О чём? – удивлённо спрашивала юная гостья.

– Умножь в уме одиннадцать на одиннадцать, – тут же придумал он.

Камилла рассердилась.

– Алекс, ты с ума сошёл, я и на бумаге это не сосчитаю.

– Ну тогда десять на десять, – продолжил он игру.

– Этого тоже нет в таблице умножения.

– Ну что, трудно к десяти ноль в уме прибавить?

– К десяти ноль прибавить? – Она на секунду задумалась. И Алекс успел сделать два снимка. – Нет, ты просто надо мной издеваешься. Я больше не буду сниматься.

– Всё, всё. Ничего умного больше не будет. Клянусь!

Малолетняя красотка, надув губки, направилась к воротам. Алекс заторопился следом.

– Ну, Камилла, я же пошутил. Давай еще с цветком в волосах щёлкну.

Она оглянулась.

– С каким цветком?

Кругом было полно цветущих кустов, но ей это не подходило. Камилла указала на декоративный прудик, который украшали три белых лилии:

– С тем хочу.

Алекс чуть замялся:

– Это любимые цветы мамы. Она не разрешает их рвать.

– Ну тогда и оставайся здесь, а я пошла. – Камилла сделала движение в сторону ворот.

– Хорошо, сейчас.

Он сбросил шорты и в плавках зашел в воду. Возле лилий ему было по пояс. Нагнувшись по шею в воде, он нашупал стебель цветка у самого корня. Руки натолкнулись на гладкий, ровный предмет. Напрягшись, Алекс вытащил из воды металлический, герметически закрытый ящик чуть больше дипломата. Поставил его на декоративную каменную горку посреди прудика и осмотрел, пытаясь догадаться, как он открывается.

– Что ты нашёл? – девушку разбирало любопытство.

– Пиратские сокровища, что ещё?

Она его шутки не приняла.

– Я же просила лилию. До свидания.

Не найдя способа открыть ящик, Алекс снова погрузил его в воду, быстро сорвал цветок и устремился за уходящей девушкой.

Они обогнули угол дома и оказались вне поля зрения садовника и служанки. Алекс нагнал девушку и протянул ей лилию.

– Ну вот и твой цветок.

Камилла великодушно приняла его.

– Уже темно совсем. Фото не получатся.

– А мы наверх, на террасу поднимемся, – нашёлся Алекс. – На закате очень классно будет.

– Нет. В другой раз как-нибудь.

– Цветок сорван, значит, должен быть использован. Стой, не дергайся.

Он прикрепил цветок к волосам девушки. Не удержался и чуть погладил её по волосам, рука коснулась и шеи. Оба вздрогнули, прикосновение было уже за гранью детской игры.

– Красиво? – смущённо спросила она.

– Супер и гипер.

Алекс неожиданно склонился и поцеловал Камиллу в щеку. Оба снова замерли, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– А мне тебя можно? – спросила она, трогательная в своём смущении.

– Можно.

Её поцелуй тоже пришелся ему в щеку.

– У нас девчонки в классе все уже и в губы целовались, – сообщила она, чтобы хоть что-то сказать.

Алекс был не против и подставил губы. Камилла слегка дотронулась до них своими губами.

Где-то рядом на шоссе раздался резкий сигнал грузовой фуры. Подростки испуганно отстранились друг от друга.

– Теперь я тебя в губы, – снова осмелел Алекс.

– Нет, давай не сегодня, а завтра. Хорошо?

Он был сильно разочарован.

– Почему не сегодня?

– Я хочу всю ночь думать об этом. Всё! Завтра меня поцелуешь. Хорошо?

– А ты не передумаешь?

– Ни за что! – задорно пообещала Камилла и побежала к воротам.

7

Алекс уже засыпал, когда услышал звук подъехавшего к вилле отцовского «форда». Вставать ужасно не хотелось, но он пересилил себя – надо было всё же выяснить насчет металлического ящика.

Когда родители проходили по коридору в спальню, он выглянул из своей комнаты.

– Пап, а что это за герметичный ящик, что я в пруду нашёл?

Карлос застыл, не находясь сразу с ответом.

– Ты его положил на место? – спросила Исабель.

– Да. Ну так что там за сокровища?

– Сынок, давай всё завтра, – предложил Карлос. – Сегодня голова уже не соображает.

– А вы точно покажете, что в нём?

– Тебе – со всей душой! – пообещала мать. – Быстро ложись.

Сын повиновался, в общем, он был ещё вполне послушным чадом.

Зато Карлос был в недоумении: как именно жена собирается выполнить своё обязательство.

– Очень просто, – сказала она, когда они уже легли в постель. – Положим туда все деньги, акции и драгоценности из сейфа и предъявим сыну как записку на чёрный день.

На обладающего гибким и изобретательным умом Карлоса иногда находили приступы беспросветной заторможенности.

– А как мы это сделаем технически?

– Очень просто. В шесть утра ты встанешь и поменяешь содержимое ящика.

– И принесу ему в комнату?

– Зачем? Пускай Алекс сам сходит и принесёт ящик, а ты за завтраком откроешь его, – рассудила Исабель.

Но завтраку у них на следующее утро не суждено было состояться. В полпервого ночи зазвонил сотовый телефон Карлоса. Это был Альберто.

– К вам из столицы на трёх джипах направляются «гости», – сообщил он.

– А почему из столицы? – ещё не совсем проснувшись, поинтересовался Гонсалес-старший.

– Попробуй догадаться сам.

Карлос попробовал и окончательно обрёл ясность мысли. Вспомнил, что у Альберто есть человек, который прослушивает все телефонные разговоры спецслужб Сан-Хосе.

– Ты как? – спросил он.

– Еду к вам. Как договаривались, – сказал Альберто. Даже не видя его, чувствовалось, как он хищно улыбается – наконец-то томительное ожидание превратилось в активное действие. – Через минут тридцать-сорок.

– Что?! – тревожно выдохнула Исабель, когда муж положил трубку.

– Как и следовало ожидать.

– А подтверждение? – Как же ей хотелось хоть чем-то всё остановить!

– Альберто через тридцать минут будет здесь. Поднимай Алекса и... сама знаешь...

Он встал и чуть растерянно огляделся вокруг, словно прощаясь с окружающим благополучием. И это движение сказалось Исабель больше, чем любые объяснения. Молча они разошлись в разные стороны. Каждый знал, что именно ему делать: Карлосу – доставать металлический ящик, готовить оружие и дымовые шашки, ей – заниматься Алексом, деньгами и паспортами.

Исабель вошла в комнату сына и включила ночник, чтобы избежать яркой иллюминации, заметной снаружи. Поднять чадю быстро было непросто. Но ничего не поделаешь – она резко сдёрнула с него простыню и, взявшись одной рукой за шею, другой под колени, одним движением привела сына в сидячее положение.

– Алекс, подъем! Через десять минут мы выезжаем.

– Не понял? Куда? – сонно промямлил он.

– Быстрее давай.

Она вышла, не вдаваясь в какие-либо объяснения. Сын натянул шорты и рубашку и поплёлся за матерью.

В кабинете мужа Исабель открыла сейф и быстро опорожнила его. Деньги и кредитки в один пластиковый пакет, паспорта и финансовые документы в другой.

Вошедший сын изумлённо наблюдал за всем этим.

– А мне что брать?

– Зубную щетку, больше ничего не надо, – сказала она, не отрываясь от своего занятия.

– Ну мам, я серьезно?

Последним Исабель достала восьмизарядный кольт 45-го калибра с двумя запасными обоймами. Первое, что пришло Алексу в голову, это новый налёт мафиози, возможно, даже в отместку за предыдущих двух грабителей. Только вот почему надо уезжать?

– Запасные носки можешь взять, – распорядилась мать, выходя из кабинета.

План возможного внезапного бегства был намечен у них ещё при строительстве дома, особенно после того, как они узнали, что собой представляют костариканские тюрьмы. Их земельный участок одной стороной упирался в склон холма. Там шла подпорная стенка, а над ней возвышалась железная ограда. В самом заросшем углу сада один из прутьев ограды намеренно был слабо закреплен, чуть отжать – и он легко вынимался. Дальше вверх по склону через густой подлесок можно было выбраться на верхнее шоссе. Наличие Альберто на своей машине решало проблему транспорта, так что собственные две машины можно было оставить в гараже.

Когда Исабель с Алексом спустились в холл, Карлос там уже переодевался в сухую одежду, рядом на плиточном полу стоял металлический ящик. Алекс ни о чем не спрашивал, только глядел во все глаза на сборы родителей.

– Я за шашками, – сказал отец и направился к двери, ведущей в подвал.

Наедине с матерью Алекс всё же решился на вопрос:

– Мам, что?

Она строго и, как ему показалось, отчуждённо посмотрела на сына.

– Всё потом. Важно ничего не забыть.

– Я сейчас! – сорвавшись с места, он кинулся назад в свою комнату за «Никоном», отснятыми плёнками и часами.

8

Альберто, как и обещал, присоединился к ним через сорок минут. Оставил на верхней дороге свой кабриолет, прошёл сквозь полосу леса и, не найдя лаза, просто перелез через изгородь.

– Сюда! – махнул ему рукой с площадки у задней двери Карлос.

Исабель и Алекс находились в холле в полной готовности. Все трое по-разному смотрели на ночного гостя: Карлос – сосредоточенно, как человек, уже обдумавший и свои и чужие действия, Исабель – с надеждой, всё ещё веря, что тревога может оказаться ложной, Алекс – недоуменно, ведь для него Альберто был всего лишь очередным партнёром отца по каким-то служебным делам.

– У нас ещё есть время? – спросил Карлос панамского визитёра.

– Сколько их? – нетерпеливо добавила хозяйка дома.

На последний вопрос ответить было легче.

– Грузовик и два джипа. И в начальниках у них, похоже, американец.

– Ого! – невольно вырвалось у Карлоса.

– Если бы не ваша стрельба по мелким воришкам, расклад был бы поменьше...

Это всё? – Альберто кивнул на ящик, на котором ещё блестели капли воды.

Ему никто не ответил. Сначала Алекс, а за ним остальные дружно оглянулись на охапку дымовых шашек, вынесенных из подвала.

– В общем, вы давайте все на выход, – распорядился Карлос. – А я тут займусь.

– А не лучше ли всем вместе уходить? – сказала Исабель.

Алексу тоже не терпелось что-либо сказать-спросить, но он предпочел смотреть и слушать, чтобы не получить замечание.

– Грузовик мы точно должны услышать, – определил Альберто.

Все невольно напрягли слух и посмотрели в открытый проём парадного входа. Но слышен был лишь густой стрекот ночных насекомых. И вдруг совсем неожиданно со стороны нижнего шоссе, ведущего к усадьбе, ярко вспыхнули направленные на дом автомобильные фары, и грубый голос в мегафон произнёс:

– Дом окружен! Это полиция. Соппротивление бессмысленно! Всем выходить с поднятыми руками!

Исабель вздрогнула и сильно сжала рукой предплечье сына. Карлос повелительно кивнул им на задний выход, а сам стал зажигать первую дымовую шашку. Альберто помог ему зажечь ещё одну.

Едва из дома вылетели две первые дымовые шашки, как взревел двигатель грузовика, идущего на таран ворот усадьбы. Карлос в ответ трижды выстрелил в направлении ворот и бросил ещё одну шашку ближе к парадной двери. Четвёртая шашка осталась дымить в холле, а пятая и шестая вылетели из заднего выхода. Густой белый дым быстро окутал всё вокруг. Альберто подхватил металлический ящик и ринулся из задней двери в сад, Исабель и Алекс старались не отстать от него.

– Мам, это мафия, да? – спросил сын, чтобы показать, что ему совсем не страшно.

– Мафия, мафия!

– А мы кто? Свидетели?

– Ещё какие свидетели, – в голосе матери Алекс различил какую-то непонятную интонацию.

Взобраться на подпорную стенку и протиснуться сквозь железные прутья было секундным делом. Затем все трое, не сговариваясь, оглянулись.

– Карлос! – крикнула Исабель.

– Здесь я, здесь! – он вынырнул из дыма и проворно пролез сквозь изгородь. Дальше они бежали уже полным составом.

План бегства с верхней дороги был всем хорош, вот только в километре от виллы нижняя дорога соединялась с верхней, и там предусмотрительно был выставлен один из полицейских джипов. Сумасшедшая скорость, с которой Альберто погнал свой кабриолет, выдала беглецов с головой. Проскочить за счёт внезапности удалось, но дальше началось злое упорное преследование. Алекс сидел рядом с Альберто на переднем сиденье, а Карлос с Исабель, с пистолетами наизготовку, чуть привстав, готовились палить назад по полицейским. Точно, как Бонни и Клайд, подумал ещё Алекс. Совпадало даже полное безлюдье на дороге, словно сцена погони была подготовлена опытными каскадёрами.

Рёв мощных джипов нарастал. Вдогонку беглецам прозвучала первая автоматная очередь. Чета Гонсалесов открыла ответный огонь. Одна из фар преследующего джипа погасла, а вторая стала чуть тусклее – полицейские заметно сбавили скорость, заботясь о собственной безопасности. Алекс видел, как родители довольно переглянулись.

И вдруг над шоссе взмыл полицейский вертолёт с прожектором, который тут же засёк их машину.

– Черт! – вырвалось у Альберто.

Сверху тоже начали стрелять. Альберто пустил кабриолет зигзагом. Но от вертолёта было не оторваться.

– Сворачивай! – не сказал, а прорычал Карлос.

– Знаю! – огрызнулся панамец и на первом же перекрёстке свернул на боковую дорогу под кроны деревьев. На какое-то время вертолёт потерял их из вида. Но стоило машине вновь выбраться на открытое шоссе, как вертолёт снова завис над ними.

На рубашке Карлоса вдруг возникла цепочка из трёх темных пятен. Он тут же как-то неловко осел на сиденье.

– Папа! – закричал Алекс.

Они вместе с матерью наклонились к отцу.

Карлос силился что-то сказать и вдруг замер, кисть руки безжизненно свалилась вниз. Исабель потерянно смотрела на мёртвого мужа, затем перевела взгляд на потрясенного сына.

Кабриолет снова попал под кроны деревьев.

– Нам не уйти, – сказала она.

– Уйдем! – крикнул Альберто.

– Тормози!

Он понял её намерение.

– Не сходи с ума. Давай я останусь.

– Ты в посольство с ними пойдешь, я – нет, – возразила она. – Тормози!

Потом Альберто всегда объяснял свое подчинение тем, что увидел торчащие под рубашкой Исабель пакеты с паспортами и пачками купюр и решил, что у них с Карлосом был дополнительный план, как можно благополучно исчезнуть, просто растворившись в джунглях.

Исабель перегнулась на переднее сиденье и крепко обняла сына.

– Сыночка, моя кровиночка! – по-русски вырвалось у нее, для каких-то других слов уже не было времени. Сняв с шеи маленький медальон, она сунула его сыну в карман рубашки, даже успев застегнуть его на пуговицу. Кабриолет затормозил. Исабель выпрыгнула из него и махнула рукой: – Пошел!

– Мама! – Алекс попытался тоже выскочить из авто. Альберто правой рукой с силой прижал его к сиденью. Кабриолет понёсся дальше.

Исабель подошла к высокой куче земли на обочине, присела и, опершись о землю обеими рукоятками пистолетов (своего и Карлоса), открыла прицельный огонь по приближающимся джипам.

Кабриолет продолжал мчаться по шоссе. Вертолёт стрекотал где-то в стороне.

– Кажется, ушли. – Альберто обернулся к Алексу, тот, непонятно когда раненый, без чувств чуть завалился над своей дверкой.

Машина, резко снизив скорость, въехала в небольшую деревню, погружённую в глубокий сон. Альберто свернул в какой-то закоулок и остановился. Из основания шеи Алекса обильно сочилась кровь. Достав из аптечки бинт, Альберто умело перевязал рану. Тело Карлоса он втиснул между сиденьями и накрыл его пледом из багажника.

– Черт бы нас всех побрал! – А что ещё оставалось ему сказать?..

9

Напрямую в российское посольство прорываться было рискованно. Поэтому посольский врач сам выехал на конспиративную квартиру осматривать Алекса. Рана была не опасной, но большая потеря крови сделала парня совсем слабым. Таково было свойство организма Родригеса-младшего: он почти никогда не болел, но уж попав на больничную койку, всегда болел тяжело и долго поправлялся.

Тело Карлоса, как Альберто ни старался, на родину вывезти не удалось, его сожгли в одном из крематориев Сан-Хосе под чужим именем, и на российское кладбище он полетел в багаже Альберто в стандартной погребальной урне.

Рядом с панамцем-коммивояжёром в соседнем кресле сидел полусонный Алекс. Новость о том, что он сын российских разведчиков, была для него слишком невероятной, чтобы он в неё мог поверить. Вот и пришлось накачать его транквилизатором, чтобы он не сопротивлялся полёту якобы на «родину» Карлоса в Испанию. На двух пересадках до Москвы Альберто пришлось делать в аэропортных туалетах своему подопечному дополнительные уколы, поэтому в Шереметьево для приёма юного пациента понадобилось вызывать карету скорой помощи.

Помимо медицинской «Газели» у трапа самолета стояла ещё и чёрная «Волга» для самого Альберто. Моросил холодный августовский дождь, от которого гостю из тропиков было чуть зябко, несмотря на предусмотрительно надетую ветровку.

К Альберто, теперь уже капитану ГРУ Зацепину, подошёл человек из «Волги», такой бесстрастный следователь НКВД в сером костюме.

– С приездом, Пётр Иванович.

Альберто хотел пошутить про то, как встречали разведчиков на родине в 1937 году, но воздержался.

– Ну и погодка тут у вас!

– Пускай это будет самая большая проблема для вас, – заметил с нехорошей интонацией «серый костюм».

– Мой отчет, значит, не удовлетворил? – произнес Зацепин с едва заметным сарказмом.

– Про то мне вообще-то не ведомо. Сказано, доставить куда надо... На вашу квартиру, – великодушно пояснил встречающий.

Но сомнение всё же оставалось.

– А багаж?

– Его вам привезут.

Что тут возразишь? Как человек военный, он дисциплинированно направился к чёрной «Волге», прокручивая в уме ближайшие вопросы и свои домашние заготовки ответов на них.

10

Зацепину дали полные сутки на то, чтобы он немного пришёл в себя от смены часовых поясов, а потом действительно началось серьёзное дознание. У Петра Иваныча хватило ума не распространяться о подозрениях насчёт московского предательства их нелегального существования и всё валить на опрометчивость Карлоса при перегонке дискеты на чипы: мол, где-то это деяние могло зафиксироваться и попасть к кому не надо. Точно так же отрицал он, что читал полученный материал, мол, Карлос, может быть, и читал, но ничего ему не говорил, а он, Альберто, получил эти данные уже в виде компьютерного чипа, и вот он вам, этот чип, который на обычном компьютере прочесть невозможно.

– А были ли ещё чипы?

– Да, ещё два. Один Карлос спрятал в саду своей виллы, где именно не знаю, другой находился при Карлосе. Я его передал в посольстве военному аташе.

– Исабель могла знать место, где спрятан третий чип?

Ну зачем этим дознавателям облегчать их псевдоважную службу? Пусть сомневаются и боятся.

– Думаю, да. Кстати, можно узнать, нет ли о Исабель каких-либо новых сведений?

– По одной версии, она убита в перестрелке, по другой – арестована и даёт показания.

К счастью, никто не ставил ему в вину, что он оставил её одну на дороге отстреливаться от преследователей, – Исабель действительно не знала адреса явочной квартиры и в посольство тем более пробиться бы не смогла.

Помурывив пять дней с дознанием, Зацепина отправили в трёхмесячный отпуск. Сам Пётр Иваныч такому благополучному исходу не очень поверил, полагал, что начальники просто ждут дополнительных вестей из Коста-Рики. То, что официально в Лимоне всплыла лишь полицейская атака на Родригесов, якобы как на торговцев наркотиками, особенно всех напрягало – значит, американцы – а кто ещё мог руководить этой атакой? – задумали какую-то свою игру.

В отпуск он не поехал – предпочёл остаться в Москве. Бродил по знакомым улицам, разглядывал витрины магазинов и суетливую публику, придирчиво от-

мечал негативные перемены, морщился от нищих и бомжей, смотрел в Доме кино и Киноцентре свежеснятые «ассистентские» фильмы, из двух академических театров выскочил, не выдержав матерных актёрских реплик, кооперативная ресторанная кормёжка заставила с подозрением прислушиваться к собственному желудку, а огромное количество нового алкоголя сделало недоверчивым и к привычным маркам вина и бренди. Всё выглядело настолько уродливым, что в этом был даже какой-то свой привлекательный шарм. Больше всего его поразили разом в 300 – 500 раз снизившиеся тиражи газет и литературных журналов, ещё два года назад бывшие властителями всеобщих дум. Словно кто-то щёлкнул выключателем, и люди перестали читать. Стало быть, Перестройка словесная закончилась, понял Зацепин, и началась Перестройка материально-бытовая.

Ещё никуда не уезжал он и из-за Алекса, уж слишком на душе скребли кошки от всей той кутерьмы, которую они устроили для тринадцатилетнего мальчишки. Пётр Иванович хорошо себя помнил в этом возрасте, со всеми своими мелочно-огромными открытиями и эмоциями. И, ставя ныне себя на место Алекса, приходил в ужас от тех внутренних переворотов, которые сейчас должны были происходить в голове и сердце Родригеса-младшего, и всеми силами хотел ему хоть немного помочь. Наверно, в Штатах в подобной ситуации к подростку приставили бы двух-трёх психоаналитиков, в родной же Расее никому и в голову не приходило заморачиваться с чьим-либо внутренним самочувствием. Алекса просто поместили в неврологию обычного военного госпиталя, с тем чтобы через две недели карантина отправить в закрытый интернат для детей иностранцев.

– Он не иностранец, он сын наших разведчиков и должен быть там, где дети разведчиков! – с жаром доказывал Зацепин своему шефу, подполковнику Шелеху.

– Ты же сам говоришь, что он в упор не желает признавать себя русским. А хочешь, чтобы он сразу в суперлицей попал.

– Я считаю, для него самый подходящий вариант – сто четырнадцатая школа.

– И думать о ней не моги. Там ниже полковничьих детей не бывает. К тому же у нас с Исабелью ещё полная неясность.

– Вы же сами Карлоса на орден подавали... – не отставал капитан.

– Тогда сам иди и делай за две недели из пацана русского патриота, – пошёл на уступку подполковник.

И вот, оформив себе официальное кураторство над Сашей Копыловым, Зацепин принялся через день навещать своего протеже, дабы в намеченный срок превратить его из яростного русофоба в милого сердцу русофила.

– Я требую костариканского консула, – угрюмо начинал юноша, едва куратор входил в его двухместную палату.

Вторую койку занимал неразговорчивый лейтенант-десантник, который сразу же при виде Зацепина выходил из палаты.

– Тебя зовут Александр Сергеевич Копылов, зачем тебе костариканский консул? – терпеливо повторял по-испански Пётр Иванович.

– Я не верю ни одному вашему слову!! Мои родители никогда не были шпионами. Тем более русскими! Это сплошная ложь! Я требую консула.

– Ты тоже русский и родился в России.

– Папа родом из Валенсии, а мама из Уругвая. Они познакомились, когда учились в Мадриде, – упрямо повторял Алекс.

На этом обычно их обязательная программа заканчивалась и начиналась произвольная.

– ...Ты же сам видел, как всё было, – призывал к простой логике Зацепин.

– В том железном ящике могли быть либо наркотики, либо деньги, – гнул своё подросток.

– И что?

– Вы переправляли в Штаты наркотики, а папу заставили их у себя хранить.

– ...Разве ты никогда не замечал, что твои родители немного отличаются от других ваших знакомых и соседей? – начинал с другого бока капитан.

– Они получили хорошее образование, только и всего.

– ...Они тебе рассказывали про свои детские годы?

– Рассказывали.

– И ты никогда не замечал некоторые нестыковки в этих рассказах?

– Никаких нестыковок не было.

На четвёртое посещение Петра осенила новая идея.

– Ты когда-нибудь видел альбом с детскими фотографиями своих родителей?

Алекса это тоже не смутило.

– Их альбомы пропали, когда мы переезжали из Аргентины в Коста-Рику.

– Через два дня я привезу и покажу тебе их детские альбомы. Хорошо?

– Я знаю, что такое фотомонтаж. Вы просто их подделаете.

– Неужели считаешь, что из-за тебя вся наша служба бросит все дела и будет заниматься фотомонтажом? Просто твои отец и мать – настоящие русские герои, и мы хотим помочь стать на ноги их сыну.

После пяти минут такого диалога Алекс обычно напрочь замолкал, не желая дальше разговаривать с «дядей Альберто». Во всем госпитале больше никто не говорил по-испански, но Пётр знал, что Алекс несколько раз обращался к медсёстрам и врачу по-английски, требуя всё того же костариканского консула. Однажды даже попытался покинуть госпиталь в больничной пижаме, но был остановлен. И всё же на восьмой или десятый раз их диалог чуть расширился.

– Что стало с моей мамой? – спросил Алекс, после небольшого молчания.

– Про неё мы ещё ничего не знаем.

– А где похоронили папу?

– Я привёз урну с его прахом сюда, в Москву. Когда ты чуть поправишься, мы проведём церемонию захоронения.

Возникла продолжительная пауза.

– Из меня тоже будут делать русского шпиона? – неожиданно произнёс Алекс.

– Увы, эту честь ещё надо заслужить. Получи сначала обычное среднее образование. Уверяю тебя, оно здесь более качественное, чем в твоей американской элитной школе. Тебе придётся очень постараться, чтобы не быть в нашей школе аутсайдером.

– А если я сбегу оттуда, меня посадят в тюрьму?

Пётр, довольный расширенным общением, не удержался от снисходительного сарказма:

– Да, и ещё будут долго пытаться калёным железом, а потом расстреляют. Между прочим, у тебя здесь есть настоящая бабушка, мама Сергея Николаевича, твоего отца.

В глазах юноши на секунду вспыхнул живой огонёк.

– А я могу её увидеть?

– Ты хочешь общаться с бабушкой через переводчика?

– Она что, и английского не знает? – интерес к мифической бабушке тут же угас.

Зацепину казалось, что это очень здравая мысль: на какое-то время отправить парня к настоящей русской бабушке, из тех, на которых, как известно, всё российское воспитание держится. Но подполковник Шелех его идею не поддержал.

– Тринадцать лет – это уже не тот возраст, чтобы от бабушек в восторг приходиться. Давай лучше его в интернат оформляй.

– В сто четырнадцатый?

Подполковник наградил подчинённого тяжёлым взглядом.

– Может, всё-таки в другой, откуда ему труднее будет добираться до костариканского консульства? – проявил он свою осведомлённость о больничных делах. – Погонами рискуешь.

– Да всё с парнем будет хорошо, – заверил шефа капитан.

11

Всё время своего нахождения в госпитале Алекс пребывал в глубоком ступоре. Он ел, спал, говорил какие-то слова, даже внятно спорил с дядей Альберто, но это продолжало оставаться частью его заторможенного состояния. Как ни странно, об отце и матери он сожалел меньше всего, не мог простить им молчания о своих взрослых тайнах. Почти целиком его заполняло ощущение беспомощной игрушки в руках обстоятельств, когда ничего и никак нельзя сделать. Единственным спасением было смотреть на себя как на героя киношного боевика: мол, что ещё может приключиться с этим костариканским парнем? Ведь не может он вечно лететь в этих бесконечных самолётах и лежать на неприятно пахнущей больничной койке?

То, что его родители действительно русские шпионы, он понял ещё на конспиративной квартире в Сан-Хосе, только не поверил, что они могут быть настоящими русскими, уроженцами России. Их просто как-то хитро завербовали, возможно, тогда, когда он лежал в больнице со своим солнечным ударом. Эти вербовщики наверняка пригрозили убить его, Алекса, если папа не будет с ними сотрудничать. Ведь недаром же на маму порой находили необъяснимые порывы какой-то болезненной нежности, когда она вдруг начинала обнимать и целовать его, своего сына. Теперь совершенно ясно, что так она выражала безвыходность их с папой положения.

Но во время бегства они стреляли в полицию, значит, уже только за это кругом виноваты. И ему, их сыну, в лучшем случае, даже если он вырвется от этих русских, грозит исправительная школа. Поэтому зря его в аэропортах пичкал какими-то таблетками дядя Альберто, он вовсе не собирался кричать, что его похитили. В его голове уже там, в Сан-Хосе, созрел совсем иной план. Пускай его вывезут, пускай куда-нибудь определят, а уж оттуда он найдет дорогу в американское или английское посольство. Чарли Стоун с его техасскими родителями наверняка по-

могут, поручатся за него и вытащат в Штаты. Это виделось ему единственным выходом из сложившегося положения.

Поэтому, когда Альберто сообщил ему, что лечение закончено и можно ехать в школу-интернат, Алекс воспринял это как начало своего будущего побега. Готовность, с какой он начал собираться в дорогу, удивила Зацепина.

– Странно, почему ты не требуешь отвезти тебя к костариканскому консулу?

Алекс только выразительно глянул на куратора, не считая нужным отвечать. Даже когда Зацепин протянул ему пакет с отпечатанной фотосессией Камиллы, изъятой из его «Никона», он лишь мельком пересмотрел снимки, тут же спрятав пакет в сумку с вещами.

– Между прочим, это та школа, в которой училась твоя мама, – предпринял ещё одну попытку расшевелить своего подопечного Пётр Иванович. Однако ничто не дрогнуло в юноше и на этот раз.

По идее, Зацепину полагалось также оговорить с Алексом и его поведение в интернате, но он воздержался: предупрежденный о том, чего делать не следует, Копылов-младший как раз это и мог выкинуть. Капитан ограничился лишь маленьким замечанием:

– Предлагаю тебе хотя бы первое время не упоминать твоё любимое костариканское консульство. А то ты можешь заполучить от ребят очень неприятное прозвище, от которого потом до конца школы не отделаешься.

Да и это оказалось совершенно напрасным: Алекс, сменивший и без того уже две очень отличающиеся друг от друга школы, меньше всего собирался перед кем-либо пускаться в откровения о своей западнополушарной жизни.

Имелся ещё вариант немедленного самовольного бегства сразу по прибытии в интернат, но об этом тем более не следовало несговорчивому мальчишке упоминать. Вот и стал Зацепин на своей «Волге» кружить по подмосковным дорогам так, что даже опытному рецидивисту-уголовнику стало бы ясно: без знания местного языка отсюда в жизни не выбраться. И их поездка из госпиталя в недалёкий пригородный интернат вместо одного часа заняла все три. В воспитательных целях капитан специально ещё дал крюк по столице с проездом вдоль Кремля и пристально поглядывал в зеркальце на сидевшего сзади Алекса, ожидая его интереса к новому экзотическому миру за окном. Да, паренёк время от времени смотрел по сторонам, порой что-то провожал взглядом, однако даже дежурного любопытства в его глазах так и не появилось.

Чуть оживился он, когда за городом «Волга» Зацепина свернула с Шоссе Энтузиастов и стала петлять по балашихинским лесным проселкам.

– Нравится лес? – не удержался от вопроса Пётр.

– Вот ещё! – Алекс с нарочитым равнодушием откинулся на спинку сиденья – запоминать дорогу, по которой они ехали, у него всё равно не получалось.

Школа-интернат № 114 снаружи была похожа на советский круглогодичный пионерлагерь. Большая территория, засаженная берёзами и соснами, кроме двухэтажных жилых и учебных корпусов вмещала немало спортивных площадок

и даже извилистую двухкилометровую беговую тропу с возведёнными на ней препятствиями. Когда-то здесь имелись даже своя конюшня с верховыми лошадьми, оранжерея с цитрусовыми деревьями и глубокий бассейн для обучения аквалангистов. Однако к 1992 году всё это пришло в полное запустение. На бассейне и оранжерее висели ржавые замки, а конюшня превратилась в склад металлолома.

Едва Зацепин просигнализировал, как ворота тут же открылись и пропустили его «Волгу» внутрь. За внешними воротами имелись ещё одни, внутренние, состоящие из одного железного шлагбаума. Не слишком серьёзное препятствие, но оно открылось не раньше чем вахтер, крепкий пятидесятилетний мужчина с цепким взглядом, проверил удостоверение Зацепина и письменное направление на учёбу в интернате его юного пассажира.

На спортивной площадке недалеко от шлагбаума подростки, без обычных мальчишеских воплей, двумя мячами били по баскетбольному щиту, играя в какую-то собственную игру. При виде незнакомой «Волги» они не остановились, лишь по очереди косились, стараясь разглядеть, кто именно в ней прибыл.

Пётр был здесь впервые и тоже внимательно разглядывал окружающее. В целом школа производила довольно удручающее впечатление, не слишком соответствующее славе «янычарского лица», как называли между собой посвященные люди самый крутой из трёх подмосковных интернатов, в которых жили и учились дети разведчиков-нелегалов и разного рода военных советников. Внешность подростков и их одежда были самыми обыкновенными. Впечатляли разве что пармейски чистые дорожки и то, что один из мальчишек, съев конфету, побежал за десять метров выбросить обёртку в урну. Недалеке сидели на скамейке три девочки и тоже не шумели, а сосредоточенно читали каждая свою книгу. Присутствовали и два молодых учителя-воспитателя в спортивных костюмах, которые сами по себе разминались на гимнастических снарядах. Был во всём этом какой-то особый порядок, обычно несвойственный заведению, где собраны три сотни детей от десяти до семнадцати лет.

– Где можно увидеть директора? – спросил Пётр, заходя вместе с Алексом в учебный корпус.

– Там, – указал белоголовый пятиклассник, воспитанно указывая не пальцем, а лёгким движением всей руки.

Директор Вадим Вадимыч, сухощавый моложавый пенсионер со строгим лицом, встретил гостей сдержанно учтиво:

– Мне уже звонили. Всё подготовлено. А он что, в самом деле ни слова не понимает по-русски?

– Лишь то, что за десять дней услышал в госпитале. Думаю, это очень немного. Зато английский у него отскакивает от зубов, – счёл должным сообщить капитан. – Только как бы это сделать так, чтобы он попал в класс со своими ровесниками, а не с теми, кто младше? Пускай даже он сначала и не будет справляться. Потом обязательно всё наверстает.

Алекс сидел на стуле, куда его посадили, продолжая оставаться совершенно безучастным.

– На первую четверть определим в восьмой класс, а там посмотрим. Всё будет зависеть от него самого. – И директор попросил секретаршу позвать старосту 8-го «А».

– Я буду тебя раз в месяц навещать, – сказал по-испански Зацепин Алексу. – Я попросил, чтобы тебя определили в класс с твоими ровесниками. Но если не будешь справляться, тебя переведут в младшую группу.

– Я понял, – буркнул Алекс.

Пора было прощаться. Пётр пожал директору руку, а с Алексом ограничился лишь неким дружественным прощальным жестом, дабы не получить в ответ какую-нибудь малоприятную выходку.

Эта предусмотрительность передалась и директору. Оставшись в своём кабинете с Алексом один на один, он молча сидел, для виду разглядывая какую-то деловую бумагу, давая возможность молодому человеку чуть передохнуть перед встречей с его новыми одноклассниками.

Наконец в дверь коротко постучали и, не дожидаясь ответа, в кабинет заглянула староста 8-го «А» Марина Сабеева, больше известная как Даниловна, благодаря своему отчеству и привычке повелевать окружающими сверстниками. Вызов к директору ничего хорошего не сулил, поэтому она готовилась к решительному отпору на случай, если речь пойдёт о неблагополучии в её классе.

– Вызывали, Вадим Вадимыч?

– Заходи и дверь закрой.

Даниловна вошла и настороженно покосилась на сидевшего у стены Алекса.

– Вот, Марина, новый ученик вашего класса. Зовут его Алекс Копылов.

– Вижу. И что? – по инерции ершисто ответила она.

– Его родители погибли. Он говорит по-испански и по-английски и ни слова не знает по-русски.

– Ничего себе заявка! – Даниловна сразу забыла о заготовленных претензиях к директору.

– Поэтому никакой вашей «дедовщины» чтоб не было. Хотя бы потому, что у парня не та закалка.

Это всё же был камешек в её, старостин, огород.

– Может быть, мне ещё в мальчиковой спальне его оберегать?

– Или не справишься?

– Кто? Я не справлюсь?! Десять раз ха-ха! – уверенность в собственной безупречности и правоте могла сподобить её ещё и не на такие дерзости. Слава Богу, что новичок не понимал всех этих фамильярностей.

Вадим Вадимыч чуть помолчал, обдумывая, что ещё ей сказать.

– Пока что он будет ходить только на английские уроки и на физкультуру. У вас сейчас, кажется, английская литература. Ну и веди его. Сначала покажи спальню, потом на урок. И вообще познакомь с нашими порядками. – Директор повернулся к Алексу и произнес на английском: – Иди с ней, она всё покажет.

Алекс взял сумку и послушно вышел вместе с Даниловной в коридор.

– Ты что, в самом деле, ни слова по-русски? – она тоже перешла на английский.

Новичок лишь угрюмо кивнул.

– Меня зовут Марина, но все называют Даниловной. У меня тоже родителей как бы нет. Последний раз я их видела год назад. Зато есть три родных дяди и две тётки. Но к ним я жить никогда не пойду.

Если она хотела урваняться с Алексом в сиротстве, то ей это не удалось. Некоторую неловкость скрасил проходящий мимо шестиклассник.

– Даниловна-Ваниловна! Не поймашь, не поймашь!

Она топнула ногой, и малолетки след простыл. Требовалось сказать нечто такое, чтобы симпатичный новичок наконец прореагировал.

– Запомни главные слова при обращении с нашими пацанами, – и Марина произнесла по-русски с чётким выговариванием всех согласных: – Дам в лоб. Ну?

– Дам в лоб, – повторил Саша Копылов первую свою русскую фразу с сильным акцентом.

– Годится, – одобрила новоявленная опекунаша.

И забросив его сумку в мальчиговую спальню на шесть коек, они направились в кабинет английской литературы.

13

Весь 8-й «А» состоял из пятнадцати мальчишек и семерых девочек, этакий пацанский мирок, где потихоньку все сильнее начинали царствовать дамы. По крайней мере, авторитет Даниловны как старосты и главной волчицы ребячьей стаи был для всех непререкаем. При появлении вместе с Мариной нового ученика про всяких Диккенсов и Хемингуэев в классе немедленно было забыто. Ребята лишь слушали разговор молодой учительницы с Алексом по-английски, что сначала вызывало у всех живой интерес, а под конец уже даже слегка и враждебное чувство. Да и как тут было не заревновать!

– И ты тоже объезжал на техасском ранчо молодых лошадей? – спрашивала Вера Андреевна, молодая женщина, некогда отправленная из посольства Советского Союза в Ирландии за аморалку на родину.

– Нет. Для неподготовленных людей это слишком опасно, – увлекшись чужим вниманием, разговорился Алекс. – Зато я лассо научился за лето бросать лучше Чарли. А ещё мы гремучек ловили. Чарли пять поймал, а я четыре.

– А стрелять из кольцов приходилось?

– Да. В Техасе все мальчишки с десяти лет стрелять умеют. И многие девчонки тоже.

Алекс хотел ещё похвастать тренировками в домашнем тире, но в последний момент всё же предпочел умолчать об этом.

– А американцы к тебе как к человеку второго сорта не относились?

– Вовсе нет. Нормальные ребята. Я им на спор назвал всех их президентов, и они сразу меня за своего приняли. – Новичок старался отвечать обстоятельно и правдиво.

Такого издевательства над унылой школярской жизнью первым не выдержал Хазин, главный придумщик злых выходов. Из резинки, натянутой на пальцы, он выстрелил бумажной пулькой по ноге учительницы. Та вскрикнула от боли и неожиданности. Хазин моментом сдернул резинку с пальцев и принял самый невинный вид.

– Кто это сделал? – резко спросила учительница.

Класс молчал. Алекс дал время стрелку признаться самому, а потом просто указал на него:

– Вот этот!

Его стукачеством были поражены не только ученики, но и Вера Андреевна.

– Хазин, последнее тебе предупреждение, – невнятно сказала она. – Учти это.

Звонок с урока пришёл ей на помощь. Прихватив журнал, учительница поспешно вышла из класса. Застучали крышки столов, и мальчишки взяли Алекса в кольцо. Вторым, чисто наблюдательным, кольцом стояли девчонки.

– Ну ты, ковбой хренов! – угрожающе начал Хазин специально по-русски, а не по-английски. – Шестёрка американская!

– Дам в лоб, – вдруг чётко по-русски произнес Копылов.

Хазин и остальные опешили.

– Пошли выйдем! – Хазин сделал привычный выразительный жест.

Алекса в толчки повели из кабинета на улицу.

Даниловна в делах пацанской чести могла мало что изменить, поэтому тоже шагала среди мальчишек, лишь стараясь помешать им исподтишка шпынять Алекса. – Хорош, ты, сзади!.. – покрикивала и лупила в ответ она. – А ну не трожь его!.. Я кому сказала!.. Сейчас сам получишь!..

Задний двор учебного корпуса являлся идеальным местом для интернатовских разборок. Сюда и пригнали одноклассники Алекса.

– Ну что, хмырь заморский, – сыпал оскорблениями Хазин, набираясь нужной злости. – Доносчик недоделанный! Стукач сопливый!

Даниловна просунулась вперед.

– Хаза, ты других не подбивай. Сам один на один попробуй! – Больше всего она боялась, как бы заведённые такими словами мальчишки не накинулись на Алекса всей гурьбой.

Хазин только зыркнул на неё.

– И попробую. Ну что, жертва Америки, абонемент к дантисту уже взял? – Хазин перешел на английский, как опытный драчун желая сначала как следует запугать противника.

Даниловна тем временем отталкивала в сторону других желающих врезать доносчику.

– Дам в лоб! – снова по-русски повторил Копылов. В запасе у него было немало подходящих английских ругательств, но сейчас они казались невыразительными.

Негласный кодекс бескомпромиссных янычарских поединков требовал перед дракой дополнительно оскорбить еще и физически, поэтому Хазин не ударил, а просто провёл кулаком Алексу по щеке, тот в ответ двумя руками отпихнул обидчика от себя – и драка началась.

Противник не казался Копылову слишком опасным, он был на полголовы ниже и не обладал мощной мускулатурой, да и собственный победный опыт не давал Алексу сильно робеть. Чуть приподняв сжатые в кулаки кисти рук, он ждал, уверенный, что сумеет вовремя отбить любой выпад, и едва не поплатился за эту самонадеянность. Хазин стоял в двух шагах, вроде бы ни к чему не готовясь, и вдруг без всякого замаха ударил его ногой в пах. Алекс даже сам не понял, как ему удалось в последний момент резко крутнуться и подставить под удар бедро. Зато собственный стремительный выброс левого кулака угодил противнику по губам. После чего пошёл яростный обмен ударами с обеих сторон. Хазин прежде всего рассчитывал на свою быстроту, но в Алексе он встретил бойца, ничуть ему в этом не уступающего. Промазывая с ударами, они на мгновение сходились

в клинче и тут же отталкивались друг от друга, чтобы снова дать простор кулакам. Хазин ещё дважды пытался применить удар ногой, но тоже без особого эффекта. Оба уже были измазаны кровью, которая текла из разбитых губ и дёсен, однако ожесточение не ослабевало.

Вдруг все пацаны заорали:

– Бровь! Бровь! – И кинулись растаскивать обоих не замечающих собственной боли бультерьеров.

В самом деле, левая бровь Хазина была рассечена, и из неё прямо на глаз текла кровь. Сражение окончилось.

– Let's go! – скомандовала Даниловна и повела Алекса приводить себя в порядок, в то время как мальчишки потащили Хазу в школьный медпункт. Недавно по телеку все они смотрели бой боксёров-профессионалов, где много говорилось о тяжёлых последствиях при рассечении бровей, поэтому сейчас не на шутку струхнули. В медпункте и в самом деле к ране Хазина отнеслись со всей серьёзностью, тщательно промыли и наложили на неё несколько швов.

Даниловна же повела Алекса в мужской туалет. Пока он смывал кровь с лица и разбитых костяшек пальцев, она стояла рядом и не скрывала своего чуть насмешливого отношения к изрядно потрёпанному победителю. По-английски она говорила с сильным акцентом, но очень ясно.

– А у вас что, там, в Америках, принято закладывать своих одноклассников?

– Хаза был прав? – спросил, вытирая носовым платком руки, Алекс.

– Нет. Он вообще-то пакостный парень. Ты мог на перемене подойти и врезать ему, если уж на то пошло.

– У вас что, всегда за подлость действует отложенное наказание?

В туалет заглянули два шестиклассника.

– Даниловна, нам по-маленькому.

– На второй этаж. Вэк отсюда! – Ей только стоило глянуть на них, и они тут же вылетели за дверь.

– Наверно, ты по-своему прав, – подумав, согласилась она. – Но больше старайся никогда не жаловаться на своих одноклассников. Договорились?

– А что означает «Дам в лоб»?

– Ты разве не понял?

– В общем, понял.

Она взяла у него платок и вытерла оставшееся на щеке пятнышко крови.

– Вообще-то ты сегодня молодец. Хаза надолго запомнит.

Эту школу-интернат недаром называли «янычарским лицеем». Мало того, что в ней учились весьма специфические ребята, так и порядки здесь царили тоже достаточно своеобразные. Под видом кружков и факультативов пышным цветом прорастали дисциплины, приближённые к взрослым разведшколам и тренингу спецназовцев. Обязательное изучение трёх иностранных языков, азбуки Морзе, книжных шифров, точечной фотографии, освоение пистолетов и автоматов нескольких видов, упражнения на развитие памяти и быстроту реакции, вождение

машины и мотоцикла. Столь же обязательными были бальные танцы, изучение этикета высшего общества, карточных игр, ориентирование на местности и в незнакомых городских кварталах. Даже обычные образовательные предметы тут преподавали со своим уклоном. За любой устный ответ полагалось две оценки. Одну ставили «за технику» – то есть за сам ответ, вторую – «за художественность», когда оценивались красноречие и выразительность ответа. Требовательность учителей была достаточно высокой, но плохие отметки редко кто из них ставил, только «четыре» или «пять», дабы с молодых ногтей прививать ученикам чувство победителей. Да и сами школяры стремились к тому же, практикуя некое подобие школьного самоуправления, когда староста класса втайне от учителей заранее определял, кто назавтра будет тянуть руку и отвечать урок, и не дай Бог, если назначенный «доброволец» не мог прилично выступить. Точно так же те, кто не укладывался в жёсткие спортивные нормативы, получали индивидуальные наряды по «физре», которые обязаны были выполнять за счёт своего личного времени.

Чтобы всё это должным образом работало, существовали закрытые характеристики, или в просторечии «доносы», которые янычары писали друг на друга с выставлением чётких оценок за то или иное действие. Как это уживалось с их крайней нетерпимостью к стукачеству, никто не знал, но уживалось. Подразумевалось, что такие письменные характеристики не только развивают наблюдательные и аналитические способности у самих доносчиков, но и помогают выстраивать собственную линию поведения тем, кто оказывался «под наблюдением». Хочешь, носи маску непроницаемого человека, хочешь, коси под прямолинейную личность, а то и просто высокомерно игнорируй, что кто-то тебя оценивает и взвешивает.

Так, например, в трёх подобных «доносах» за свой первый день Копылов умудрился получить три тройки за тexasский выпендрёж и стукачество и две пятёрки с четвёркой за качественное проведение самой драки.

Врачиха в медпункте, правда, попыталась поднять волну ввиду чудовищного избиения Хазина, но классный руководитель восьмого «А», увидев синяки и ссадины Алекса, спустил это дело на тормозах. Каждый год три-четыре ученика из «янычарского лица» отчислялись за «морально-нравственную несостоятельность», но в отношении драк-поединков всё обычно ограничивалось «115-м последним китайским предупреждением».

Отчисляли, надо сказать, отсюда тоже не на гражданку, а в похожие интернаты «гусаров» и «драгун», которые были столь же всем хороши, вот только из них на секретную государеву службу обычно попадали 15-20 процентов выпускников, а из «янычар» – 40-50 процентов. Особой гордостью 114-го интерната считалось то, что за всю 40-летнюю историю из его стен не вышел ни один предатель или перебежчик.

Обо всем этом Алексу ещё только предстояло узнать. А пока что он в первый день продолжал впитывать особенности своей новой жизни: строгий выговор от классного руководителя, который не владел ни одним языком, кроме русского, и поэтому отчитывал драчуна с помощью Даниловны, невкусный апельсин за ужином в качестве изысканного десерта, часовой просмотр советских мультфильмов в видеозале и, наконец, спальню с открытой форточкой, от которой

исходил такой сентябрьский холод, что ему среди ночи в дополнение к одеялу пришлось облачаться в рубашку и джинсы.

15

Помимо Копылова в школе имелся ещё с десятка испаноязычных учащихся, в основном детей военных советников, несколько лет проживших в латинских странах, но с ними Алекс встречался только на занятиях испанского языка, уже после первого общения поняв, что, несмотря на общий язык, они для него абсолютно чужие люди, хотя бы потому, что довольны своим пребыванием в этом учебном застенке.

Еще меньше симпатий он испытывал к своим соседям по комнате. Слишком буквально восприняв распоряжение классного руководителя больше говорить с новичком по-русски, они только в исключительных случаях снисходили до общения с ним по-английски. То, что их новосёл побил Хазу, тоже особых дивидендов Алексу не принесло – каждый из однокомнатников боялся быть уличённым в симпатии к драчливому чужаку, поэтому даже об элементарном товариществе с ними приходилось забыть.

Гораздо проще у Копылова происходило общение с одноклассниками, для них он был интересен и как экзотический латинос, и как парень, которому всегда можно было чем-то помочь. Однако их постоянное кокетство-заигрывание привело к обратному результату: Алекс стал испытывать к ним лёгкое презрение – слишком их ухватки напоминали поведение портовых шлюх в его Лимоне.

Вот и получилось, что всё первое время он ощущал себя среди янычар настоящим изгоем: ни с кем толком не поговорить, от русского языка постоянно болела голова, успехи в учёбе были нулевые, а ненависть ко всему окружающему только росла.

Разумеется, такое его поведение не могло укрыться от внимательных глаз учителей, ведь они тоже регулярно писали закрытые характеристики на своих учеников. По итогам первой учебной четверти классный руководитель, например, писал о нём следующее:

«Копылов Александр Сергеевич. За истекшие два месяца зарекомендовал себя весьма посредственно. Интересы к учебе и общению с одноклассниками не проявляет. Говорить по-русски, кроме как на занятиях по русскому языку, отказывается. Предельно индивидуализирован, недоверчив, не склонен к дружеским отношениям с кем бы то ни было. У противоположного пола вызывает активную симпатию. Моральную травму, связанную с гибелью родителей, по-прежнему глубоко переживает, хотя внешне это тщательно скрывает. Российской историей и культурой не интересуется. Назначенные ему для просмотра фильмы о Великой Отечественной войне воспринимает с явным безразличием. Склонностей к спецпредметам и службе в армии у воспитанника не отмечено...»

Не лучше были отзывы и остальных учителей. Поэтому когда в конце четверти встал вопрос об отчислении Алекса даже не в другую закрытую школу, а в обычное суворовское училище, в интернат примчался Зацепин просить директора оставить Копылова ещё на одну четверть. После чего он долго общался

со своим подопечным, выведя его от посторонних ушей и пронизательных глаз за пределы интерната.

– В чём дело? Ты же всегда прекрасно учился в своей американской школе. Что тебя не устраивает? Ты хочешь в школу для умственно-отсталых? Хорошо, я тебя туда переведу. Я понимаю, если бы тебя здесь все травили, оскорбляли, били. Но, насколько я знаю, ты сам тут кое-кого порядком колотишь, и никто тебя после этого даже пальцем не касается. Ну что как девочка онемел, разговаривать разучился?..

– Я же просил отвезти меня в костариканское посольство, – невнятно оправдывался янычар-аутсайдер.

– Никто тебя до восемнадцати лет никуда не отвезет. Будет восемнадцать – сам всё решишь. Между прочим, твои родители собирались на твоё восемнадцатилетие купить крейсерскую яхту, отвезти тебя подальше в океан и там тебе всё о себе рассказать.

Это известие, брошенное как бы мимоходом, порядком впечатлило Алекса, сбило с заранее заготовленного упрямого безразличия. Он решил было поговорить с Зацепиным об этом поподробней. Но сперва ему требовалось получить от куратора ответ на самый важный вопрос.

– Почему вы тогда бросили мою маму?

Дядя Альберто ответил не сразу, подбирая нужные слова:

– Твоя мама офицер, и её приказ был приказом офицера. И твоя жизнь ей была дороже её собственной жизни.

– Значит, уже я во всем виноват?

– Давай вернёмся к этому разговору когда-нибудь позже, когда ты хоть немного разберёшься, что такое быть русским человеком.

Алекс молчал, дверца в нормальное общение со свидетелем его прошлой жизни снова наглухо захлопнулась. Зацепин в этот момент тоже ощущал себя не совсем уверенно, но вовсе не из-за Исабель. Как куратор Копылова, он только накануне обнаружил, что его подопечный остался без всяких средств к существованию. Те приличные офицерские зарплаты, которые 12 лет копились на сберкнижках Сергея и Ирины Копыловых, в одночасье в условиях гиперинфляции 1992 года превратились в сущие копейки, но даже их ему как куратору не разрешили снимать со счёта – чай, ты не официальный юридический опекун. Не сохранилось за Алексом и никакого жилья: его нелегалам всегда давали уже по окончательном возвращении на Родину, и в наступившем экономическом и социальном раздразе добиваться жилья для сына разведчиков можно было не раньше его восемнадцатилетия. Это, кстати, тоже была одна из причин, по которой младшему Копылову необходимо было оставаться в интернате, а не попадать в какой-либо детский дом.

– Вот посмотри, что я тебе принес. – Зацепин протянул Алексу групповое школьное фото в картонном альбоме-распашонке. – Найдёшь здесь кого-нибудь?

На фото на фоне легко узнаваемого фасада 114-й школы-интерната рассыпью располагались снимки-медальоны восьмого класса за 1970 год. В выпускном, десятом тогда ещё, классе делать такие альбомы было запрещено – слишком уже семнадцатилетки походили на самих себя будущих 20-ти и 30-летних, а после восьмого класса фотографирование еще допускалось.

Алекс внимательно рассмотрел снимки-медальоны, потом на один из них указал пальцем и вопросительно взглянул на куратора.

– Всё правильно. Это и есть твоя мама, Ирина Иволгина. Только отдать тебе это я не могу, он из нашего архива и не допускается к передаче кому бы то ни было, – Пётр спрятал альбом в свою папку.

Они прогуливались по запущенному лесопарку, который давно никто не расчищал, вокруг лежало немало поваленных деревьев, ломаных сучьев, часто встречались проплешины от костров, с кучами мусора, оставленными любителями шашлыков. Зацепин уже жалел, что вывел сюда Алекса, – подобное свинство мало способствовало наставлениям о патриотизме.

– Знаешь, в некоторых школах по тайландскому боксу практикуется такой способ обучения: новичка выпускают на ринг против опытного бойца, и тот избивает его до тех пор, пока новичок не теряет чувства самосохранения и, забыв о всякой боли, сам не бросается на обидчика. Мы для тебя все здесь сплошные обидчики, ну так почему бы тебе не показать, что ты сильнее всего этого... Твои родители точно так же были вброшены отсюда в совершенно чуждый им тропический мир – и вспомни: разве ты хоть раз видел их в тоске и унынии? Они просто взнуздали этот мир, как норовистого жеребца, ну так и ты взнуздай наш мир – разве это не мощная цель для твоего характера и упорства?..

И Зацепин увидел, что попал: подросток замер, весь прислушиваясь и примериваясь к прозвучавшим словам.

16

Следующая учебная четверть явилась для Алекса действительно переломной. Он продолжал по-прежнему слабо постигать русский язык, не находил радости и в новых для себя учебных предметах, не обрел и близких друзей, но это уже не имело большого значения – цель подчинить себе всё вокруг была поставлена, и он принялся воплощать её, напрягая всё свое воображение и выдумку. Вспомнил прежнюю учебу на опережение в Лимоне и решил применить её и тут, в этой холодной, промозглой русской школе. Призвав на помощь Даниловну, он каждый вечер по полтора-два часа сидел с ней в классе для выполнения домашних заданий, заставляя ее переводить себе с русского на английский не то, что уже пройдено, а исключительно новые главы и параграфы.

– Чтобы я хотя бы понимал, о чём там будет идти речь, – объяснил он ей.

Для Даниловны это была дополнительная языковая практика, поэтому она охотно согласилась. В результате Алекс сидел теперь на русских уроках не совсем полным болваном, хоть и понимал лишь отдельные языковые конструкции. Одновременно мучительно искал, в чём именно он может проявить себя наилучшим образом – и в конце концов нашел. Помимо двух историй, российской и мировой, в их школе имелся ещё и такой факультативный предмет, как «История войн». На нём подробно изучали все мировые сражения с их просчётами и успехами. Поприсутствовав на пяти-шести занятиях факультатива, Алекс вызвался сделать доклад о войне на Тихом океане на английском языке. Ни историк, ни староста не возражали.

И неделю спустя, повесив на доску большую карту мира и взяв в руки указку, Копылов приступил к делу. Названия армий и подразделений он, правда, порядком подзабыл, зато хорошо помнил общее количество войск и кораблей, участвовавших на Тихом океане в каждом сражении, и общую хронологию событий, поэтому его указка летала от одних островов к другим, рисуя красочную и выразительную картину. На сравнение с Восточным фронтом она, конечно, не тянула, но с Западным фронтом была вполне сопоставима. А многое из того, что говорил восьмиклассник, явилось откровением не только для учеников, но и для преподавателя. Он потом специально залез в энциклопедии и справочники, и оказалось, что Алекс почти ни в чём не ошибся. Через два дня после этого по просьбе историка он сделал такой же доклад в 8-м «Б» и с тем же успехом. Его даже хотели направить в старшие классы, но военрук школы категорически выступил против – нечего превозносить американскую доблесть, знаем мы, какие из них вояки были во Второй мировой войне.

Позже состоялись доклады Копылова о войнах в Южной и Центральной Америке, тоже совершенно неизвестных янычарским эрудитам. Популярность Алекса среди любителей истории возросла на всю школу. Даже одиннадцатиклассники пару раз приглашали его в свою компанию поговорить на эти темы.

Вспомнил Алекс и о своём соревновании с песочными часами. Взял да и нарисовал шарж на военрука. Сначала общий смех возник только в их шестиместной спальне, потом переместился в класс и, наконец, стал достоянием всей школы. Следом по школе стали гулять карикатуры Алекса и на других учителей. К крайнему изумлению Копылова, никто его за такие художества к ответственности не привлёк, некоторые из них были вставлены даже в стенные газеты – проповедуемый в интернате принцип равенства между учителями и учениками неукоснительно соблюдался. Было только с издёвкой сказано:

– А на одноклассников что же – боишься карикатуры рисовать?!

Пожалуйста – пошли шаржи и на одноклассников. И тоже – ноль негативной реакции, только восторг и восхищение.

Доморощенный Бидstrup был озадачен – за то же самое в Лимонской школе на него лезли с кулаками, здесь же даже учителя берут себе его шаржи на память для своего семейного архива, а девочки требуют, чтобы он на рисунках оставлял свою роспись и дату дарения.

Дальше – больше. Физвоспитание в интернате по большей части проводилось на свежем воздухе, но и большой спортивный зал интерната тоже редко когда пустовал. Группа ребят из 10-го «А» повадилась после занятий закрываться в нём и до одурения гонять мяч, играя в некую разновидность мини-футбола.

– А можно я тоже попробую? – попросился однажды к ним Копылов.

– Ну попробуй, – снисходительно улыбнулись почти двухметровые верзилы.

Алекс попробовал – и тут же стал для них желанным игроком. То, что в Коста-Рике считалось средним футбольным уровнем, здесь восприняли как высшее спортивное достижение. Умелый, ловкий и быстрый, он мог обвести полкоманды и выдать исключительный пас или даже сам забить гол каким-либо особенным артистическим образом, вызывавшим восторг даже у противника. Причем, держа в уме свою конечную взнудательную цель, он почти всегда предпочитал осчаст-

ливить кого-нибудь другого, что, разумеется, ценилось его новыми товарищами по гамбургскому счёту.

Из спортивного зала десятиклассники нередко перемещались в подвальный тир, который был в два раза больше подвального тира Родригесов в Лимоне. Восьмиклассников водили сюда стрелять только из мелкашек, и лишь старшеклассникам позволялось тренироваться на пистолетах, автоматах и американских самозарядках. Алекс на автоматы не претендовал, зато из «Макарова» на первом же занятии показал едва ли не самый лучший результат школы и с тех пор тоже стал в тире завсегдатаем.

И месяца не прошло, как уже почти всё свое свободное время он проводил в стане десятиклассников, что наполнило его интернатовскую жизнь особым авантюрным смыслом. Разумеется, такая его автономность не могла сильно понравиться собственным одноклассникам. Больше всех возмущалась Даниловна:

– Да тебя там за шестёрку принимают, будешь у них всегда подай-принеси.

Алекс в ответ лишь презрительно хмыкал: это кого там будут за шестёрку принимать, его, что ли?! Да пусть только попробуют!

Это было действительно самой трудной частью его плана: поставить себя среди старших ребят так, чтобы разницы в два года никто здесь не заметил. Для этого Алексу пришлось выработать целую стратегию. Доброжелательно всем улыбаясь, он всеми силами старался избегать с десятиклассниками любых физических контактов: разного рода дружеских толчков, похлопываний и закинутых на плечо чужих рук. Чётко соблюдал метровую санитарную зону и сам алгоритм общения. Как только у кого-то из парней возникало особенно дружелюбное к нему отношение, Алекс старался тут же как бы невзначай отстраниться от него. Для общения с раздражёнными парнями он нашёл другой выход: просто не встречался с ними взглядом или чуть отступал в сторону, а подчас и заводил разговор с лидером их компании – при нём мало кто решался ссориться с предприимчивым костариканцем.

Существовали, правда, ещё спонтанные словесные выпады, порой весьма ядовитые и оскорбительные. Тут можно было прикинуться непонимающим беспощадный русский юмор иностранцем или просто молча встать и уйти, оставив очередного приставалу-выпендрёжника ни с чем. Ну и самому, естественно, не всё время помалкивать, а в подходящий момент вернуть нечто занимательное, например, о своей поездке с родителями в Диснейлэнд или о восхождении на дремлющий вулкан, чтобы все слушали, наострив уши. Такими, в общем-то, незамысловатыми приёмами Алекс в самом деле вскоре сумел так внедриться в компанию десятиклассников, что никто не помышлял его превратить в своего денщика и для всех он стал просто любимым «сыном полка».

– Ребята в классе обижаются, что ты слишком откровенно демонстрируешь им свое пренебрежение, – всё ещё не могла успокоиться Даниловна.

Можно было, конечно, отмахнуться от неё, но костариканские навыки деликатничанья с девчонками были ещё слишком сильны в Алексее, поэтому ему проще было ответить серьёзно:

– Кто-то сказал: хочешь быстрее стать взрослым, общайся только с теми, кто старше тебя. Да и вообще, разве это не моё законное право вести себя так, как мне самому нравится?

– Думаешь, мы все глупее тебя?

Обижать её, откровенно говоря, ему не хотелось, поэтому он чуть смягчил свои слова:

– Думаю, что вы все просто любите стоять на месте, а я хочу быть в постоянном движении.

Даниловна лишь презрительно хмыкнула на это и буквально через несколько дней сумела доказать, что, по крайней мере, относительно её умственных способностей он не совсем прав.

Видеозал, как и другие факультативные помещения, тоже был всегда в распоряжении старших классов, мол, берите кассеты и смотрите что хотите. И однажды, когда десятому «А» вздумалось без преподавателя посмотреть «Заводной апельсин», Алекс взял с собой туда и Даниловну.

Как обычно подростки смотрят фильмы про ровесников-хулиганов? Ну конечно, со смехом, восторженными возгласами и циничными замечаниями. Копылов видел фильм еще в Лимоне, поэтому больше косился на свою соседку: как она воспримет героя, в честь которого родители назвали его, Алекса?

В самых разухабистых местах Даниловна морщилась от отвращения, но продолжала внимательно смотреть.

Когда включили свет, кто-то из десятиклассников напрямую обратился к госте:

– А что скажет наша юная леди?

Вопрос был задан по-русски, но она – для Алекса – ответила по-английски:

– Полная туфта.

– Это почему же? – даже чуть обиделся десятиклассник.

– Когда Алекс выпендривается, ещё ничего. Зато полная лажа с самим перевоспитанием. Алексу силой раскрыли глаза и заставили смотреть на сцены насилия, и они его якобы ужаснули, а рядом сидели обычные врачи и со скукой смотрели на те же самые сцены. Их они почему-то не ужасали. Английская глупая выдумка для одноклеточных.

Два десятка ребят молча переваривали её ответ.

– А ведь она в чём-то права, – похвалил кто-то.

Копылов почувствовал лёгкий укол оттого, что он сам прежде этого не замечал. Вот тебе и собственные недалёкие одноклассники. С той поры он стал относиться к Даниловне чуть с большим уважением, допуская, что она может понимать что-то глубже и оригинальней, чем он.

Что же касается самой старосты, то её отношение к Алексу можно было сравнить с некими постоянно действующими качелями: восхищение – презрение, взгляд свысока – взгляд снизу, любование – раздражение.

А тут ещё девчонки начали подначивать её:

– Признайся – ты просто влюблена в него.

– Конечно, прямо жить без него не могу, – сердито отмахивалась она.

На самом деле героями её грёз были сразу несколько ребят, в основном из старшекласников, причём периодически фаворитом оказывался то один, то другой. Причина крылась в её старательной подготовке к будущей двойной жизни. Любить правильных, пусть и успешных, ребят – это же такая тоска. Иное дело – роман с разведчиком-нелегалом. Двойная-тройная опасность, двойной-тройной за-

прет – вот это да! Вот это истинное! И эта любовь непременно случится не здесь, а в Париже, Нью-Йорке или, на худой конец, Лондоне. Именно там они должны случайно встретиться в качестве двух нелегалов, принадлежащих к разным резидентурам. Поэтому и обращала свой благосклонный взгляд на многих избранных, дабы было потом одному из них что рассказать про их совместную янычарскую юность. Ведь вряд ли кто-либо из них запомнит её здесь, точно так же, как не запоминает она сейчас пятакляшек и шестикляшек. А она ему всё тогда про его школярство и выложит.

А Алекс, он что? Он просто друг. Конечно, если повезёт и с ним точно так же столкнуться в Парижах-Лондонах, то и его не обойдёт стороной ее романтическое сердце. Таков был расклад юной кандидатки в Мата Хари, отдавшей своё сердце навсегда вожделенному статусу разведчицы-нелегалки.

17

В тот зимний день Даниловну с Алексом вызвал к себе директор.

– Копылову сегодня надо попасть на квартиру своего куратора, – объяснил им по-английски Вадим Вадимыч. – Зачем именно, я толком не понял, но надо. Поедете на машине с моим водителем, он адрес знает. Ты, Сабеева, пойдешь с Алексом до подъезда, водитель вас подождет, а потом все вместе назад в интернат. Всё понятно?

Алекс встrepенулся:

– Мой куратор что-то узнал о маме?

– Не знаю. Езжайте.

В том, что их фактически одних отправляли в незнакомое место мегаполиса в момент наибольшего разгула уличной преступности, не было ничего особенно. Кружок по ориентировке на местности был в их классе одним из самых любимых и посещаемых. Даниловна уже раз пять отправлялась с кем-нибудь в паре отыскивать какой-либо магазин или мастерскую. Считалось, что отправленные с каким-нибудь конкретным поручением подростки в большей безопасности перед любыми уличными неприятностями. Так оно обычно и выходило. Алексу же такое путешествие предстояло впервые.

Зацепин жил в центре Москвы, на Малой Каретной. Прежде чем ехать, Даниловна внимательно сверилась с картой города, где был нанесён каждый дом, чтобы потом, никого ни о чем не спрашивая, точно найти нужный адрес. Её предосторожность оказалась не лишней. Покружив по центру Москвы, директорская «Волга» упёрлась в наглухо перекопанную улицу и огромную автомобильную пробку позади.

– Я знаю, как дальше найти. Ждите нас здесь, мы скоро будем, – сказала она водителю, дяде Якову, и они с Алексом зашагали по неубранному вязкому тротуарному снегу.

Однако подойти к дому, даже если примерно знаешь, где он, оказалось непросто: половина железных решёток в подворотнях были на замке.

Даниловна несколько раз покосилась на озабоченного спутника и решила, что для важного разговора сейчас самый подходящий момент: надо же, в конце кон-

цов, выяснить, что она для него значит. Интернат для этого не самое лучшее место, здесь же они могут поговорить без лишних свидетелей.

– Слушай, а ты вообще как ко мне относишься?

– Что ты имеешь в виду? – не понял он.

– Я на тебя трачу столько времени, а отдачи – ноль.

Если она хотела его озадачить, то ей это удалось.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну нравлюсь я тебе или нет? – В мыслях этот вопрос ей казался лёгким и игривым, но когда прозвучал вслух, оказался довольно прямолинейным.

Алекс уже успел немного освоиться с постоянной русской насмешливостью над всем и над всеми, поэтому счел нужным поинтересоваться:

– Ты серьёзно спрашиваешь?

– Да уж куда серьёзней. Признавайся давай. – Для убедительности она даже ткнула его кулачком в плечо.

– Боюсь, что нет, – ответ Алекса сразил её своей безжалостностью.

Даниловна приостановилась и гневно воззрилась на него.

– Ты что сказал?

– Ну сказал. Ты же спросила. – Он и не собирался извиняться.

– Да как ты смел такое сказать! – её возмущению не было предела.

– А в чем дело? – Копылов всё ещё не понимал или притворялся, что не понимает.

– Вот так взял и в грязь меня лицом.

Они уже не шли, а стояли на месте, как два поединщика. И Алекса по-прежнему мало волновали её взорвавшиеся эмоции.

– Меня куратор ждет.

– Подождёт твой куратор. Отвечай давай! Что тебя во мне не устраивает? – У неё возникло желание разобраться с ним раз и навсегда.

– Прямо тут отвечать?

– А где? Прямо тут! – ей было наплевать даже на идущих мимо и прислушивающихся прохожих.

Для Алекса же такое постороннее внимание всегда было неприятно.

– Ты злишься, поэтому я ничего не буду говорить.

– Да говори уж. Царапаться не буду, точно. Ну говори, что тебя во мне не устраивает? – не отставала задетая за живое староста.

– Ты слишком... активная.

– Это всё?!

– Ты любишь резко выражаться, – чуть подумав, дополнил он.

– Вроде при тебе я матом не ругаюсь.

– Не в этом дело. Ты всё время хочешь быть самой крутой, а это не всем может нравиться.

Она утвердительно кивнула.

– Я поняла, тебе это точно не нравится. Дальше!

– Я не курю, а ты куришь. Это как?

– Ты ни разу не говорил, что тебе это неприятно.

– А ты понимаешь только то, что тебе говорят? Сама догадаться не можешь?

Навстречу им двигалась толстая тётка-челнок с огромными сумками. Они, увлечённые разговором, стояли прямо на её пути.

– Вот же малахольные, стоят, никого не замечая. Прочь с дороги, сказала! – тётка угрожающе повела сумками.

– Кто это малахольный?! – Даниловна готова была тут же завестись, но успела перехватить укоризненный взгляд Алекса. – Ну, конечно, тётечка, мы неправы. Спасибо вам за верное замечание. Мы исправимся. Мамой клянусь. – И схватив Алекса за рукав, она потащила его прочь.

Тётка, опустив сумки на землю, обалдело смотрела им вслед.

Так и не договорив до конца, они нашли в железных воротах открытую калитку и вошли в небольшой замкнутый двор с могучими старыми деревьями и полудюжиной дорогих машин.

– Сюда, – указала староста на нужный подъезд. – Четырнадцатая квартира.

Сразу забыв об их стычке, Алекс торопливо нырнул в указанную дверь, не охваченную ещё домофонными преградами.

Ждать его пришлось минут сорок. Впрочем, Даниловна особо не скучала, ходила по двору, качалась на детских качелях, снова прохаживалась. И пришла к важному решению: в конце концов, не только парни, но и девчонки должны чем-то поражать воображение представителей противоположного пола.

Наконец проскрипела дверь подъезда. Потрясённый и не совсем вмняемый вид Алекса изумил старосту. Она бросилась к нему:

– Ну как?! Рассказывай.

Он с недоумением посмотрел на неё, словно только сейчас вспомнив, что приехал сюда не один. Даниловна сообразила, что сейчас получит резкий отпор за назойливое любопытство, и перевела стрелки на другое:

– А я решила бросить курить. Прямо с этой минуты. Смотри. – Она скомкала и выбросила полупустую пачку сигарет. С его стороны – реакции никакой. – Тебя там что, наркотиками накачали? Э, очнись! – Она потрясла Алекса за плечо.

Он хмуро посмотрел на нее:

– Мне надо побыть одному. Хорошо?

– Одному? А ты точно в порядке?

– Уйди. Ну пожалуйста, уйди!

– Нас машина ждет, – напомнила она.

– Хорошо, – сердито бросил Копылов и быстро зашагал в сторону оставленной машины. Даниловна еле поспежала за ним.

18

Зацепин встретил его в прихожей. Вид у него был совсем не такой вальяжный, как обычно. Всё плохо, мгновенно понял Алекс.

– Проходи, – по-испански пригласил хозяин. От него исходил сильный запах алкоголя.

Они прошли в глубь квартиры. Любой россиянин обратил бы внимание на высокие потолки с лепниной, громоздкую старинную мебель, сверкающие повсюду хрустальные люстры и бра, для Алекса же всё это выглядело весьма заурядно.

В гостиной находился овальный обеденный стол, накрытый парадной скатертью. На нём разместились бутылка водки и нехитрая закуска из солёных огурцов, сыра и бутербродов с красной икрой. Ещё на столе стоял портрет Исабель с чёрной лентой, прислонённый к вазе с четырьмя гвоздиками.

Алекс потерянно смотрел на портрет и всё равно ждал объяснения.

– Сегодня сорок дней со смерти твоей мамы.

Пётр сел за стол и наполнил две рюмки, третья рюмка с водкой стояла возле портрета.

Алекс сам удивился словам, которые произнёс:

– Её казнили?

Куратор отрицательно качнул головой:

– Она вскрыла себе в камере вены.

Зацепин жестом указал на второй стул. Алекс сел.

– Вы так мне и не привезли альбом с детскими фотографиями, – вспомнил вдруг Алекс.

– Ты особенно не настаивал, поэтому и не привозил. Ну что, помянем?

– Я пить не буду. Это вы во всём виноваты. Вы привезли им свою неудачу. – Алекс высказал это без всякого зла, просто как констатацию факта.

Пётр на упрёк не прореагировал. Не махом, а медленно выпил водку, чтобы в полной мере почувствовать её горечь, и понюхал кусочек чёрного хлеба, лежащий перед ним на тарелке.

– А ведь я был влюблён в твою мать. Ладно, не хочешь пить, тогда смотри видео.

Куратор взял две дистанционки: одной включил телевизор, другой видеоплеер. По экрану пошла предшествующая показу рябь. Положив дистанционки на стол, Пётр вышел из гостиной.

На небольшом телевизионном экране появилось изображение Исабель на фоне какой-то зелёной драпировки.

– Если ты, Алекс, смотришь сейчас это видео, значит, со мной и папой случилось что-то очень плохое, – по-испански заговорила она. – Твоё настоящее имя Александр Сергеевич Копылов. Ты русский и родился в России. Я понимаю, для тебя это открытие – большое потрясение. Но по-другому было никак нельзя. Мы с папой очень любили и любим тебя и не хотели с тобой разлучаться ни на один день. Я думаю, ты достойно выдержишь любые испытания. О нас с папой особенно не горюй, мы прожили самую яркую, самую интересную жизнь, какая была только возможна. И вообще не грусти о прошлом, а стремись в сверкающее будущее. Как только выучишь русский язык, шестая часть планеты будет у твоих ног. Мы с папой надеемся, что ты всегда будешь поступать по-гулливерски, а не по-лилипутски. – Исабель вдруг закрыла лицо ладонями. – Вот видишь, всегда умела держаться, а тут плачу. Люблю тебя, мой хороший. Мой самый лучший сын на свете. Сыночка моя, – последние слова она произнесла по-русски.

По экрану пошла рябь – запись закончилась.

В комнату заглянул Зацепин, подошёл к окну и остановился там спиной к своему подопечному.

– Я могу взять эту кассету? – только и спросил Копылов.

– Нет. Но ты можешь взять ключ от этой квартиры, чтобы сюда приехать и посмотреть её здесь.

– Что было в том железном ящике?

– Откуда я знаю? Я отдал его ещё там, в посольстве.

– Это было что-то важное?

– Кто же тебе это скажет? Наверное. Твоего отца, между прочим, наградили орденом Красной Звезды.

– А маму?

– Маму наградят чуть позже, – Пётр сказал это почти машинально и тут же спохватился, что это прозвучало двусмысленно: мол, нужно ещё узнать, как она вела себя на допросах.

– А почему она не смогла убежать? – Алекс спрашивал совершенно спокойно и даже деловито – видно, всё уже успело в нём перегореть.

– Её в лесу укусила змея, и она вынуждена была обратиться в больницу. Там её и арестовали.

– А её нельзя было как-то спасти или на кого-нибудь обменять?

– У неё был хороший адвокат и не было прямых улик, указывающих, что она стреляла, но присяжные всё же признали её виновной в неподчинении полиции. А потом уже, видимо, в тюрьме что-то случилось, что ей понадобилось вскрывать вены...

Поэзия

Анна ВАСИЛЬЕВА

Я планету эту не предам

* * *

Мальвы у тёмной стены –
Белые, тёмно-бордовые –
Словно погружены
В марево. Будто подковами,
Цокает дождь по двору,
Капли летят мне на волосы,
Тихо смывают жару.
Цвета созревшего колоса
Ягодный стынет пирог,
Ветер играет со шторами.
Околдовать меня смог
Тайнами и мушкетёрами
Старый забытый Дюма:
Деньги, интриги, коварство,
Взлёты, тюрьма да сума.
В детства ушедшего царство
Я возвращаюсь, листы
Книги шуршат, как мгновения...
...Предугадала черты,
Миг твоего появления.
Знала я сказки финал.
Камень, дороги, распутица...
Молча стоял, выбирал,
Знал, ничего не получится...

* * *

Будто кто-то нашептал худое,
Кто-то лихо помогать позвал
И провёл невидимой чертою
Между нами.

Если бы металл
Нас разъединил, я стала б плавить!
Высушила б воду, шла бы в брод!
Но теперь отчаялась исправить
И вернуть счастливый прошлый год.
...Шумное кафе, танцует лето.
Площадь как цветной калейдоскоп.
Опоздал... К чему теперь приметы?!
Синие глаза, высокий лоб
Тронули уже давно морщины,
Холоден, красив, немного зол,
Беспокоен даже без причины,
В каждом слове – ревности укол.
Время в панцирь уползло улиткой.
Клюквенный в стакане тонком сок –
Красный, вот такой с тобою ниткой
Связаны мы были, голосок
Счастья тише. Снова пантомима
Рук, не удержавших звёздный дождь.
Говоришь, по-прежнему любима...
Почему я жду, когда уйдешь?

* * *

Ты пахнешь яблоком и снегом!
Мы едем в лифте и молчим.
Шесть этажей назвать побегом,
Наверно, странно, и засим...
Пока! Пока! И поцелуем
Бесцветным – голубь в небесах –
Поставим точку. Не ревнуем?
И снег блестит на волосах.
За домом сквер как поле боя,
Его вдвоём не перейти.
Все тополя шагают строем,
Стараясь нас не пропустить.
Мы как смущённые подростки,
Но с ног сбивающей волной
На эшафот ли, на подмостки
Меня возносит!
Словно хной
На белизне любимой кожи –
На пустыре легли следы
К той, что стройнее и моложе...
Озноб, предчувствие беды...

* * *

И бабушка Лиза, и бабушка Анна –
Две линии женские, обе – во мне.
Я – их перекресток такой долгожданный!
Одну из них видела только во сне.
Мне Анна свои подарила серёжки
За первого правнука – дар золотой,
Чтоб были легки его стёжки-дорожки,
Чтоб был мальчик мой наделён красотой.
Метель за окном белоснежные ризы
Накинула на замерзающий сад.
И кажется мне, что от бабушки Лизы
Достался мне этот мечтательный взгляд.
А как она пела под вечер романсы!
Черёмуха в воды роняла свой цвет!
У Лизы и Анны единственным шансом
Была я оставить совместный их след.
Вновь снится мне дом, весь в лиловой сирени,
Полян земляничных дух нежный лесной.
...Два Ангела – бабушек светлые тени –
Парят до сих пор в небесах надо мной.

* * *

На рябиновые гроздья птицы,
Как на пир богатый, прилетели.
Ты целуешь волосы, ресницы,
И опять в душе моей – качели.
За плечом я слышу шёпот тихий:
– Берегись! До края бездны мало!
Осень, как искусная портниха,
Шьёт из листьев пёстрых покрывало.
Трепет, вздохи, головокруженье...
Руки на плечах моих застыли.
Твой полёт? Мое грехопадение?
Я теряла гордость или крылья?
До неба качели поднимали,
На земле костры уже дымились.
В этом дне, как на большом вокзале,
Встретились в толпе и растворились...
И теперь рябиновым салютом
Мой октябрь расцветчивает будни.
Млечный Путь навечно стал приютом
Наших звезд, найти теперь их трудно.

* * *

Белые розы, слова – угольки,
Кофе горчит, говорим:
Я – про Париж, он коснулся руки
И обещает мне Рим.
Я, улыбаясь, смотрю, словно мать,
На фантазера:
– Дитя!
Ты подрастёшь и устанешь мечтать!
«Верю!» – сказала шутя,
Спрятав улыбку в бутоны цветов.
Знаю, поеду одна.
Сколько построили вместе мостов!
Всё разметала волна.
Камни-обиды швыряла в меня
Те, что носила к реке.
...Сена несла свои воды, маня
Скрыться от всех вдалеке.
Из Люксембургского сада каштан –
Это подарок. Бери!
Рим превратится в белесый туман,
Только дойду до двери.

* * *

Я знаю, банально – про яды, рубины...
 И время – не то, и мужчины – не те!
 Кому это нужно: тревоги, глубины?
 Меня призывают всегда к простоте.
 Я чувства свои родниковой водою
 Сама никогда называть не спешу,
 То страстью зову, то считаю бедою,
 Но счастье я с губ твоих пью и дышу!
 Смотрю на дрожащие ветки рябины,
 Зимой она – королева для птиц.
 Но небо шлёт лёд, превращая в рубины
 Все ягоды, голодно стайке синиц.
 Я тоже невольно вдруг спрятала душу
 От тех, кто вливает по капельке яд.
 Ты – море моё, затопившее сушу,
 Но вновь гололёд, пешеходы скользят.
 Рождественский вечер, сияют витрины,
 И в городе – новых парад королев.
 Забыты вуали, шелка, кринолины...
 Живу, всё саднящее преодолев.

* * *

Я разлюбила тебя вчера...
 Просто ушла в магазин за хлебом,
 Дверь проскрипела мне вслед: «Пора!»
 Лужи октябрьские стали небом,
 Я по нему уходила прочь
 От одиноких, холодных будней.
 Мне опостылело в ступе толочь
 Воду, вдруг стала лютней
 Липа, и ветер на ней играл
 Песни о счастье, светлела липа.
 Голуби, башенки, сквер, вокзал.
 ...Как от хлыста, от дверного скрипа
 Ты подскочил, вышел на балкон.
 Небо как холст, весь в ладонях кленов
 Желтых, багровых. Гудок, перрон
 И стук колёс – будто эхо стона.

* * *

Этот мост так прозрачен, как радуга,
 Эта цепь экватора длинней.
 Уходили далеко и надолго,
 Возвращаясь, верили сильней.
 И когда один из нас уставшие
 Руки потихоньку опускал

* * *

Рыжий конь – на зеленом лугу,
 Он, как солнце, горячий и быстрый.
 Август не остаётся в долгу,
 Дарит дней золотое монисто.
 Если день мой тобою согрет,
 Я его забираю в копилку,
 От неё будет солнечный свет
 Даже в дождь.

Эту синюю жилку,
 Что целую на шее твоей,
 Знаю я наизусть: и не Волга,
 И не звонкий хрустальный ручей,
 А она жажду счастья надолго
 Утолила мою...

За плечом
 Облака, словно ангелов крылья.
 Может, знают они, что потом
 Будут тёмные зимы бессилья.

* * *

Мне казалось, осколки той чашки
 Мы собрали, сложили и склеили.
 ...Я стою в твоей смятой рубашке
 И гляжу, как пустыми аллеями
 Кружит ветер и листья швыряет.
 Дремлешь ты, свет играет с ресницами.
 Ты – со мной, но тебя не хватает.
 Мир привычный расчерчен границами,
 За одной – бирюзовые реки,
 Что бегут меж горами, низинами,
 В воды их не войти нам вовеки...
 Лето в прошлом, согреет рябинами
 Взгляд октябрь, вкус их ягод с горчинкой
 Как саднящая боль, подозрение...
 Бабье лето – лишь осень с заминкою,
 Лишь весною нам ждать потепления...

(Нежные, любимые, ласкавшие),
 То другой за нас двоих держал
 Небо над планетой, открытой
 Звездападам и шальным ветрам,
 И метелям с ледяною свитой.
 ... Я планету эту не предам!

* * *

Паутинка – осени приметя –
Сединой осталась в волосах.
Я ещё теплом твоим согрета,
Но почти двенадцать на часах.
Скоро счастье превратится в птицу
И с моих ладоней упорхнет.
Покормлю с руки зерном синицу,
Не Жар-птица ведь, не обожжёт.
Для тебя горела и меняла
Отпечатки пальцев и следы,
Все равно любовь не удержала.
Опустеют к октябрю сады...
Запах яблок на веранде, ветер,
Провода качая, взял аккорд.
Песню о последнем нашем лете
Пишем мы пульсацией аорт.

* * *

Марку Шагалу

Птица в клюве часы унесла,
За блестящим в погоне сорока.
Год забыла, не помню числа,
Только знаю, расстались до срока.
И тепло терракотовых крыш,
И терраса над морем с колонной
На картине напомнят Париж.
Между Сеной и шумной Сорбонной
Он мне красную розу купил,
А она стала облаком в небе
Фиолетовых бледных чернил,
Солнца луч – золотой тонкий стебель,
Он сквозь хмурые дни прорастёт
И коснется меня страстью жгучей.
В небо лестницы новый пролёт
Я увижу за тёмною тучей.

* * *

Чем удивить после августа щедрого?
Золотом плёсов, ночным звездопадом,
И пирогами с лимонною цедрой,
Душной корицею, и виноградом.
Чем удержать, если страстью иссушено,
Утомлено и стучит с перебоем
Сердце и стала бывлая отдушина
Цепким капканом? Целебным настоем

* * *

Папе в его день рождения

На вышивке – площадь и ели-купчихи,
И звездное небо, и маленький дом.
Весь вечер у мамы Рождественский тихий:
Зелёная лампа и Чехова том.
Пять лет в декабре невесомые трапы
Спускаются с неба – снега, но по ним
Нельзя нам подняться на облако папы...
Но мы его шутки и песни храним.
Уже все без слёз говорят о потере...
Придумали, сойка на ветке – душа.
И верим! Ведь всем воздаётся по вере.
На столике нет только карандаша,
Что остро заточен отцовской рукою
Для дочки, что пишет повсюду стихи.
...К небритой щеке мне б прижаться щекою,
И стали бы мысли и слёзы легки.

* * *

На моих коленях – голова,
Тёмные перебираю волосы,
Словно листья, кружатся слова,
Их не слышу, наслаждаюсь голосом.
Наши пальцы сплетены в замок,
Дождь стучит, вздыхает кресло в комнате.
Память словно терем-теремок –
В нём живёт то, чем его заполните.
А твое дыхание ровней,
Листья липы вновь дрожат, как клавиши,
Тени на побеленной стене –
Как орел, крыла свои расправивший.
...Расцветают на асфальте в дождь
Яркие зонты, как будто лотосы,
Сверху вижу, ты один идешь...
И печаль звучит как нота «си».

Воздух морской станет, лечит уныние.
Нежность волны как любимые руки.
Пусть над разрушенной плачут святынею
Души, но им не усвоить науки,
Как расставаться без боли, вскрывающей
Вены и рвущей все связи и связки...
Как мне согреться в золе остывающей?
Как вновь поверить в забытые сказки?

Проза

Михаил СПИВАК

ПОСЛАННИКИ СМЕРТИ

РАССКАЗ

– Дядь, дай закурить!

Чернявый мальчишка лет девяти, в коротких штанах на солдатском ремне и в кепке не по размеру, потянул лейтенанта Станислава Иволгина за рукав.

– Мал еще, – фыркнул офицер, бросил окурочок на грязную землю, раздавил носком сапога и строго нахмурился. – Иди отсюда, тебе сказал.

Лейтенант медленно поднялся со скамейки, чуть скривившись от боли и прикрывая полую ватной куртки бинты на правой стороне торса, видневшиеся из-под больничного халата.

Мальчишка не испугался строгого офицера, не отстал и, чуть забега вперёд, стал расспрашивать:

– Дядь, а ты в каких войсках служишь?

– В артиллерии.

Иволгин не торопясь шёл в сторону госпитального блока. Погода располагала к прогулке. Стояли солнечные апрельские деньки 1945 года. Порой ещё налетали холодные порывы ветра, иногда моросил дождь, словно пытаясь отвоевать право заморозить жизнь, но в воздухе уже пахло весной и победой. Природа как будто заново рождалась, и вместе с ней рождались новые мечты и приятное предвкушение скорого окончания войны.

– Ты много немцев убил? – неустанно трещал мальчик.

– Тебе-то зачем?

– Хочу знать, герой ты или трус! – вдруг дерзко ответил чернявый.

– Вот как дам тебе сейчас по шее, тогда узнаешь, кто герой, а кто трус! – огрызнулся Иволгин.

В свои девятнадцать лет, недавно приняв командование батареей лёгких противотанковых пушек – «сорокопятки», он успел побывать в жарких боях. Немцы отчаянно дрались в Восточной Пруссии, часто контратаковали. За несколько

дней до ранения Иволгин заметил неприятельский отряд, числом около взвода, который ночью крался в сторону советских позиций. Диверсантов выдало зарево пожара – горела деревня с броским названием Кальбасен. На фоне пламени были хорошо различимы фигуры крадущихся людей.

Иволгин приказал расчётам своей батареи зарядить орудия осколочными снарядами и точным залпом уничтожил вражеских пехотинцев, а выживших обратил в бегство, чем сорвал контратаку противника. Так и говорилось в наградном листе, прилагаемом к ордену Красной Звезды.

– Дядь, ты чего молчишь?

– А оно тебе надо – мои истории? Тут целый госпиталь героев. С другими не наговорился?

– Другие любят рассказывать о подвигах и папироску дают или пожевать чего.

Только сейчас Иволгин подумал, что мальчишка может быть голодным. Да что там – может быть, точно голодный!

– Стой здесь, – приказал лейтенант. Он вынес чернявому краюху ржаного хлеба.

Мальчишка жадно откусил большой кусок и, давась им, кивал в знак благодарности. Когда речь вернулась к нему, он спросил:

– А как тебя ранило?

Лейтенант облокотился на перила.

– Снайпер достал меня ...

Иволгин вздохнул и замолчал, глядя куда-то вдаль, поверх железной ограды и крыш ветхих построек, туда, где в небе появилась чернота.

– Какой он был, – спросил мальчишка, легонько толкнув собеседника, – снайпер тот?

Действительно, какой? Иволгин не видел своего палача, хладнокровно нажавшего на курок. Наверное, он страшный, уродливый? Хотя вовсе необязательно. Лейтенант же расстрелял немецкий отряд из пушек, неся им погибель, как неумолимый посланник смерти. Да, именно так – неумолимым был тот снайпер.

– Он мог убить меня двумя днями ранее, я точно был в его перекрестии, но тогда не на меня он охотился, – Иволгин разговаривал сам с собой, переживая воспоминания. – Как же звали того парня, на которого снайпер охотился? Прошло всего несколько месяцев, а я уже забыл... Казах недавно у нас в части появился. Даналык, кажется. Молодой. Ну как молодой – мой ровесник. Стрелком был отменным. Да, направили его бороться с тем немецким снайпером, который на нашем участке жалил. Зима была, снега намело. Даналык в бруствере сделал окошко из досок. Замаскировал, присыпал. Мы подходили, заглядывали туда, но как только хозяин бойницы просунул винтовку с оптическим прицелом, так тут же и повалился с простреленной головой. Немец его раньше, ещё за работой высмотрел. Вот, а нас до тех пор не трогал.

– А почему вы немца раньше не убили? – топнул ногой мальчишка. – Ты же командовал артиллерийской батареей – пальнул бы по нему!

– Думаешь, так все просто? Если б знать, где засел гад, то, уж не сомневайся, накрыли бы его осколочным. А не видно его, хоть тресни, замаскировался. Вокруг деревья, кустарник, дальше какие-то развалины. Куда стрелять? Тихо кругом,

и даже по звуку его винтовки не определишь. Много нам фриц бед наделал. В пехоте украинцев многих поубивал.

Последняя фраза, произнесенная обычным тоном, как будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся, вызвала у мальчишки оторопь. Как немец отличал украинца от русского или белоруса, например? И почему именно украинцев? Сказанное не укладывалось в голове. Иволгин понял вопрос по удивлённому взгляду ребенка и стал рассказывать, что же случилось до появления в расположении части казахского стрелка.

– Много у нас украинцев в части. Хозяйственные мужики, хваткие, прижмитые. Что увидят полезного – себе в мешок, в хозяйстве сгодится. В городах и населённых пунктах, через которые мы шли, брали трофеи. Полезности всякие, кому что. Продовольствие, само собой. А мужики постарше, семейные, распихивали по мешкам даже постельное бельё. Всё для дома. Украинцы, знаешь какие практичные, плотно упаковывали. Ходят потом с вещмешками на спине, как черепахи с панцирем. В том-то оказалась их беда. Попали мы как-то под обстрел. Пулемёты немецкие трещали. Знаешь, что такое «пила Гитлера»?

Мальчишка мотнул головой и сглотнул. Иволгин продолжал:

– Дрянь такая, что лучше тебе никогда не видеть. Руки, ноги, головы перемалывает в труху – жуть, с непривычки-то! Да, с «пилой» сильно не забалуешь. Прижали нас к земле. Вот тогда и объявился проклятый немецкий снайпер. Мы в снег зарылись, а украинские мужики с «панцирями» на спинах – сами в снегу, а мешки на поверхности. Снайпер берёт по неподвижной цели сантиметров на десять-пятнадцать ниже и – прямо в голову. Так и чернели те мешки поутру, как надгробные камни.

– Фашиста могли в бинокль найти или с собакой? – с надеждой спросил мальчишка.

– Кто же его знает? На нашем участке готовилось большое наступление. Может быть, авиацией или артиллерией накрыло того снайпера.

– А вдруг сбежал?

– Может, и так.

– Сука! – вдруг выругался мальчишка. – Дядя, ты поправляйся и, когда вернёшься на фронт, обязательно его найди и убей! Обещаешь?

– Обязательно...

Вечерело. Небо заволокло тучами, упали первые капли и через минуту холодным потоком забарабанили по окнам, крышам домов и по земле. Мальчишка поёжился.

– Так работает «пила Гитлера»?

– Ага... Дуй под козырёк, там не достанет!

Поэзия

Владимир МАКАРЕНКОВ

Владимир Викторович Макаренков – поэт, публицист. Родился в 1960 г. в Смоленске. Окончил МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Стихи пишет с 12-ти лет. Автор семи поэтических книг, книги статей, очерков и интервью «Тюремные записки» (Смоленск, 2007), аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (Смоленск, 2015). Публиковался в центральных и региональных журналах и альманахах России и за рубежом, в антологиях и коллективных сборниках.

Лауреат литературных премий им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова (Тюнинская), председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, составитель альманаха «Под часами», член Союза журналистов России. Живёт в Смоленске.

Смоленский часовой

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Жить всё прискорбнее с годами,
Асфальт толкая из-под ног.
Звезда полей над городами –
Потухший русский огонек.

Ещё в ночи заблудший странник,
Ища тропинку сквозь пырей,
Заметит в небе отблеск странный,
Отыщет след звезды полей.

Ложится нежно на березки,
Освобождает от оков
Угасшей жизни отголоски
И тени грешные веков.

Ещё на отмершем погосте
Напоминает о звезде,
Как мироточит, слабый отсвет
На металлическом кресте.

Ещё, когда неожиданно вьюга
Помянет в голос снежный век,
Глазами радостного друга
На свет звезды искрится снег.

Остатний свет былого мира!
Жар-птица счастья без гнезда!
А раньше Родине светила
Как путеводная звезда.

НИТЬ

Между Азией и Европой,
Между идолом и крестом,
Окружённый живой природой,
Возвышается древний дом.

Настежь дверь на Восток открыта,
И на Запад глядит окно.
А на крыше гвоздём прибито
Вместо флюгера веретено.

Кто из нити корону свяжет
И соткёт золотой шатёр,
Для того под ногами ляжет
Целый мир, как цветной ковёр.

Сколько раз уже (аты-баты!)
Приходили злодеи в дом.
Да сидит мужичок щербатый
За столом с большим топором.

Нахлабается щей да каши,
Захрапит – аж дымит вихор!
Вдруг очнется и в крик: «Не наши!»
И отпустит гулять топор.

Приходили купцы с товаром.
Били оземь послы челом.
– Я отдал бы вам нить задаром!
Да рассыплется отчий дом.

Что с того, что давно клубится
На растущем веретене!
Эта нить из земли струится
И лучится в каждом бревне.

ПЕРВОКЛАССНИК

Соседский мальчик... ранец за плечами,
Искрящие звёздочки в глазах.
Всё – в будущем, и в радужном начале
Вершится жизнь, как будто в небесах.

– А я считать до тысячи умею!
Хотите, расскажу вам алфавит?
И я не похвалить его не смею,
Пока несётся вниз подъездный лифт.

Вход в школу – театральные подмости.
В руке букет – как сказочный фонтан...
А за углом нарядные подростки
Стоят кружком и курят FurongWang*.

А в городе – житейская обычность.
Ложится в папки жизнь в скрепленьях скоб.
И чтобы разглядеть судьбу и личность,
Понадобится сильный микроскоп.

А в мире... не один пытливым классик
Мир обличил в безверии и зле...
Но он идёт – как ангел, первоклассник –
На праздник с вещей верой о земле.

* FurongWang – престижные китайские сигареты.

ПЕЧАЛЬ ВСЕЯ РУСИ

О чем моя кручина,
О чем моя печаль –
Душевная лучина,
Страдания печать?

Пойду ли выйду в люди,
Замкнушь ли – всё тоска
Сжимает сердце, студит,
Колотится в висках.

Твое я знаю имя!
Пусти меня, пусти,
Безмужняя княгиня,
Печаль всея Руси!

За что ты полюбила
Народ великий мой
И стольких погубила
Кручиною хмельной!?

Нет-нет, не твой я милый!
Ты не моя Печаль.
Обиженных и сирых
И спившихся мне жаль!

Не выслуживших чина,
Не покоривших даль...
О том моя кручина,
О том моя печаль.

БАЛЛАДА О ПОСТОВОМ КУРИЦЫНЕ

На углу перекрёстка, где улицы
Разбегались почти за версту,
«Под часами» улыбчивый Курицын*
В сорок третьем возник на посту.

Не обычный сотрудник милиции,
А сержант, закалённый огнём.
Ведь военной была амуниция,
И шинель, и фуражка на нём.

Уходили на Запад товарищи.
Доверяя милиции тыл.
Остывали в руинах пожарищи.
Полыхали сердца у могил.

В город жители шли деревенские,
Возрождали по камешкам жизнь.
Поднимались кварталы смоленские.
И хлеба на заводах пеклись.

Для свиданий во время свободное –
Отдых короток был и нечаст –
Намечали все место народное:
«Под часами» в назначенный час.

Но случалось – срывалось свидание.
Угадай-ка, чья вышла вина.
И обманывало расставание,
И грозило любви, как война.

Что тут делать, хоть Богу пожалуйся...
Глядь, стоит постовой на ветру.
И писалась записка: «Пожалуйста,
Передайте, коль спросит, Петру...»

«Не положено, барышня!» – Курицын
Возражал, а бумажечку брал,
Улыбался – мол, нечего хмуриться,
На работе, наверно, аврал.

* Милиционер Курицын простоял на посту «Под часами» 12 послевоенных лет (данные Музея полиции КЦ УМВД по Смоленской области).

У войны тайны горестно-мрачные.
А у мира есть счастья секрет:
Нагулявшись, несли новобрачные
«Под часы» постовому букет.

Обстоятельства виделись странными,
Хоть в волшебную силу поверь!
Обросла пришивными карманами
Милицейская чудо-шинель.

Проходя «Под часами», хоть мысленно
Повстречайся и ты с постовым.
Многих спас от разлуки пожизненной,
Делом, в общем-то, очень простым.

Мир основан на людях отзывчивых,
Подпоясанных строго ремнём,
В нужный час – непременно улыбчивых,
Закалённых жестоким огнём.

И об этом, как важном предании
Для потомков – не только для нас –
Вспоминай, подоспев на свидание
«Под часами» в назначенный час.

А в Новоспасском снег идёт,
Как будто музыка плывёт
Над возрождённую усадьбой,
И сладко грезится: село,
Не зная горя, весело
Гремит крестьянской поздней свадьбой.

И вековой церковный крест,
И красота дубрав окрест
Хранят истоки прежней силы.
И высится дуплистый дуб,
Связавший времена, как пуп
Былинной матушки-России.

Какие были времена!
Всё золотые имена:
Вселенский Пушкин, горний Глинка.
Священный русский долг – беречь
Родную музыку и речь,
Не омрачив Христову лика.

ГРОМАДНОЕ СЕРДЦЕ

*«...Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...
Слышал здесь я и правду и враки,
Видел здесь и Христа и Иуду.
Но глаза половины собаки
Я навряд ли когда-то забуду».*

Александр Морозов*

Саша Морозов огромного роста.
Снайперу в Сашу прицелиться просто.
Просто в громадное сердце попасть.
Замертво просто, не вскрикнув, упасть.

Саша Морозов – казачий полковник,
Враг для «укропов» –
заключённый их кровник.

С поезда утро в Смоленске встречаем
Не по-военному, с чарками, – чаем.

Пуля минула... да как уберечься!
Кровью стрельнуло громадное сердце.
Не отмахнёшься шутиливо от факта:
Бронежилетов нет от инфаркта.

* Александр Морозов – поэт, публицист, член
Союза писателей России, один из авторов
книги «Строки мужества и боли... Произведе-
ния писателей Донбасса, 2014-2015». – М.,
ИПО «У Никитских ворот». Живет в Бело-
русии.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Приложишь к уху – и неловко
За детской страсти волшебство.
Шуршит пленённая коровка –
Как все мы – божье существо.

Настырно: раз-два, раз-два, раз-два...
Запрограммирована цель –
В безбрежность синего пространства
Пошире расцарапать щель.

Какую же, должно быть, муку
Там, в галактической тиши,
Несёт Творец, вот так же к уху
Коробку с миром приложив?!

Не заживает сердечная рана.
Дома осталась – в Дебальцево – мама.
Ёкает сердце на каждый звонок
Сотовой связи:
– Мама!..
– Сынок!..

Мать, по Донбассу герой твой горюет.
Строчки рифмует – с врагами воюет.
Сердце обидой и правдой кипит.
Память военная – цепкий магнит.

Что тут поделатъ, товарищ полковник!
Жадно война свой кровавый подойник
Всё наполняет, всё злее «укропы»,
Всё равнодушнее голос Европы.

Тишь в деревеньке,
а слышатся – взрывы,
Видятся: огненно-дымные гривы,
Запечатлённые – в смертной рубахе –
Ангел в глазах половины собаки,

Демон с кровавым стальным кулаком
Над украинцем и над казаком.
Только ошмётки летят по полям...

Миною лжи разорвало славян.

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Копал картошку, выкопал звезду –
Обрубок проржавевшего железа,
Как будто ходовую часть протеза
Страны, которой нет уж на возу

Истории...
На памятник к доскам
Звезду прибил земляк-однополчанин.
Я от земли обтёр её,
лучами
Незримо полоснуло по вискам.

И в сердце загудел набат святой,
Зовущий к братству, равенству, свободе...

О русском духе и больном народе
Напомнил ржавый символ золотой.

Проза

Александр ПАВЛОВИЧ

МАЛЬЧИШКИ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ

НОВЕЛЛА

Как быстро растёт и хорошеет прямо на глазах наша столица! Нам, старожилам, порой бывает трудно узнать привычные места и бывшие кварталы нашего города. Когда проезжаешь на машине по городу, то просто поражаешься произошедшим переменам, удивляешься, насколько преобразилась наша прекрасная столица. И сразу вспоминается тяжёлое послевоенное время, когда люди ютились в бараках, общежитиях, неказистых постройках. Строительство любого многоквартирного дома было большим событием для города и его населения, особенно для нас, мальчишек.

Такое мероприятие растягивалось на много лет, а разрытые котлованы будущих новых кварталов были нашими любимыми местами, где мы проводили всё своё свободное от школы время. Эти песчаные карьеры с их трубами, котлованами и строительными материалами стали нашей привычной средой обитания. В ту пору на экраны города вышел замечательный зарубежный фильм «Генералы песчаных карьеров», героям которого мы, тогдашние мальчишки, старались во многом подражать.

Мы и были в чём-то похожи на них. Были так же бедны и росли сами по себе, ведь наши родители просто не имели свободного времени, чтобы уделять его нам. Надо было выживать, как-то кормить свои семьи, порой весьма многочисленные.

В моей семье царил сплошной анархия, и я был предоставлен сам себе. Жили мы в одноэтажном деревянном доме барачного типа, где в общем коридоре возле каждой двери стоял свой керогаз, на котором готовилась еда для всей семьи. Эта «керосинка» была нашим спасением, и моей заботой, как старшего из детей, было найти и купить этот самый керосин и принести его домой. Очереди за керосином собирались нешуточные и добыть его порой было непросто.

Единственная комната, где ютилась наша многодетная семья – у меня было ещё два младших брата, – отапливалась печкой, которая требовала очень много дров. Она буквально пожирала любой материал, пригодный для топки. Мой отец был постоянно в поиске дров или другого материала, способного при сжигании

приносить тепло. В печь шли доски, любые обломки древесины, большие ветки срубленных деревьев, остатки разбитых ящиков.

В этом чрезвычайно сложном и хлопотном деле нам очень помогал дядя Вася, мамин старший брат. Он работал довольно близко возле нашего квартала, на тарной базе, где изготавливалась различная тара для предприятий местной промышленности. Зная наше отчаянное положение с топливом, он активно помогал нам, принося, и порой в немалом количестве, остатки ящиков, бракованные доски, поломанные горбыли, да и другой строительный мусор. И всё это очень сильно выручало нас в студёные зимние вечера и осеннюю непогоду, хотя и хватало печного тепла только на полночи, поскольку через большие дыры оно уходило на улицу. Мы были очень благодарны нашему заботливому дяде Васе и встречали его восторженными криками. Но топлива всегда не хватало. Поэтому родители и мы, мальчишки, были всегда в поиске дров, кроме, конечно, летнего времени, когда прохлада была во благо.

Для хранения отопительного материала – скорее строительного мусора, чем дров – во дворе был небольшой сарайчик.

Отхожее место на десяток мест для нашего квартальчика было устроено на улице. Сооружено из бруса и обшито грубыми деревянными досками с большими щелями, которые зимой приходилось изнутри забивать листами фанеры или картона. Банный день для семьи устраивали у тётушек Мани или Фани, куда нас с братьями водила мама, ибо в нашем барачном доме для этого не было никаких условий.

Так же жили в основном и другие семьи нашего довольно вместительного дома в этом своеобразном городском квартальчике.

Этот уголок нашего города представлял собой некий обособленный кусочек глухой деревни на краю столицы, с похожим на сельский укладом жизни. Здесь были и погреба, и свои маленькие огородики. Здесь же росло довольно много плодовых и лиственных деревьев и кустарников, где имелось множество заветных уголков, которые летом и осенью привлекали любителей спиртных напитков. А нам, любопытствующей детворе, это было тоже на руку. Ведь мы всегда были в поиске посильного заработка.

Мы с удовольствием собирали оставшиеся от таких посещений наших заповедных мест подобными компаниями взрослых бесхозные бутылки и на вырученные деньги покупали себе мороженое или даже, если повезёт, шоколадки, а порой эти деньги шли и на пропитание всей семьи – это уж в особо «урожайные» дни.

Впрочем, скоро об этом узнали и наши конкуренты из числа взрослых, промышленявших такой добычей. Они зачистили на эти присмотренные нами укромные места и стали очень активно, и даже порой агрессивно, вытеснять нас, лишая ставшего привычным заработка.

Тогда для поиска денег я переместился в большое здание железнодорожного вокзала, где собирал монеты с грязного, затоптанного пола возле касс.

В вечернее время пассажиров было много, особенно в выходные и праздничные дни, и иногда дневная выручка позволяла удовлетворять мои скромные потребности в мороженом, шоколадках и «киношке» на две-три недели. Покупал и хлеб, и сахар, и соль, и молочные продукты для семьи, если у родителей не было денег. На аккуратного, спокойно вышагивающего мальчишку небольшого росточка никто особого внимания не обращал, а я спокойно занимался высматриванием утерянных монеток на полу вокзального помещения. Иногда доставались

и оставленные бутылки как бонус за внимание и оперативность, ибо кроме меня здесь были и взрослые «старатели» – уборщицы.

На общем дворе во второй половине дня зачастую собиралась стайка детворы из нашего и соседнего дворов. Процветали азартные игры в «тюшку» на металлические пуговицы или мелочь. «Тюшки» делали в основном сами из свинца, который добывали из пуль, оставшихся в земле после войны. Особенно были в ходу пули от крупнокалиберных пулемётов. Свинец легко выплавлялся из них, а форму изготавливали, утрамбовывая в мокром песке. Эта деятельность по выплавке свинцовых «тюшек» заставляла нас собирать в больших количествах сухие ветки, обломки досок и вырубать хворост в окружающих зарослях. Мы были отменными «санитарами» этой зоны.

Нужно пояснить, что «тюшка» – это предмет полусферической формы диаметром 6-7 см, которым били по краю монеты или пуговицы, чтобы их перевернуть с лицевой стороны на обратную. Если это удавалось – монета или пуговица твоя, ты её выиграл. Ход передаётся другому играющему после промаха. А начинается игра так: проводится по земле пятиметровая черта, посередине черты столбиком ставятся пуговицы или монеты играющих. Затем с расстояния 10-15 метров от черты все должны бросить свои «тюшки» по направлению к кону, чтобы определить очерёдность играющих. Чья «тюшка» оказывается после броска ближе к черте, тот и начинает разбивать кон.

Наши «свинцовые» игры постепенно переместились и в школу. Здесь распространение получила игра на действующие монеты «на пальчиках». Популярность этой игры настолько была высока, что она захлестнула практически всю школу, вернее, всю её мальчишескую часть.

Мы играли в эту игру везде, где только было возможно. Играли на подоконниках, на полу, в туалете, на крыльце, во дворе и даже на переменах в классе. Учителя на нас сердились, гоняли всеми способами, но бесполезно. Все мальчишки были одержимы этой игрой, как строители «золотой лихорадкой». В неё я старался не играть, так как очень легко можно было проиграть все свои деньги, что стояли на кону. Ведь у кого-то из играющих мог оказаться бóльшим по длине палец или большой палец на руке смазан чем-то липким и мог легко перевернуть монетку. Впрочем, в игры всегда вносились различные изменения, как менялись и сами игры по мере убывания интереса.

Словом, выживание в то нелёгкое моё детское время стало настоящей жизненной школой, которая не однажды помогала уже во взрослой жизни. Ведь правила и взаимоотношения, усвоенные в детстве и в подростковом возрасте, оказываются очень важными в дальнейшем. Приучали нас к наблюдательности, решительности и уверенным действиям в самых острых ситуациях, сплывали, когда требовалось взаимодействие в сложных ситуациях.

Вскоре рядом с нашим кварталом появилась большая стройка для возведения многоэтажек. Весной вырыли большой карьер с огромными песчаными отвалами. Завезли бетонные блоки, строительные конструкции, трубы большого диаметра. Здесь, на радость нам, мальчишкам, можно было бегать, прыгать, играть в прятки, бросать в лужи слипшиеся комья песка, или, как мы их называли тогда, «глышки». Здесь пускали и кораблики из тетрадных листов, а затем устраивали морские сражения, воображая себя пиратами или флотоводцами.

Радости не было конца. Тем более, что стройка превратилась в «долгострой», а нас оттуда не гнали. Всё лето и осень мы проводили здесь в своих играх и забавах. Здесь же учились курить, собирая «бычки», чтобы затем в зарослях кустарников тайком от взрослых «подымить». Здесь же, на стройке, находили карбид и делали взрывпакеты в бутылках из-под шампанского. Слава Богу, все остались целы после этих «развлечений».

Нашей многодетной семье нелегко жилось в сырой комнате барачного дома. Часто протекала крыша, по комнате гуляли сквозняки от дыр в стенах, и мы от этого нередко болели. Улучшить свои жилищные условия не было никакой возможности. И вот от этой безысходности мама решила написать письмо-обращение с просьбой о помощи самому Л.И. Брежневу, бывшему тогда генеральным секретарём ЦК КПСС. Решение было очень смелое.

До этого моя мама несколько раз писала слёзные письма и в профком, и в партком, и в администрацию своего предприятия, но все они не вызвали никакой реакции местных властей. Отец мамино письмо Брежневу сам отвёз в Москву и бросил там в почтовый ящик. Местные чиновники такие послания просто не допускали. Был такой негласный указ власть придержащих. Как ни странно, но письмо, которое отец завёз в Москву, дошло до назначения, миновав ловушки местной власти.

А Москва неожиданно и весьма быстро отреагировала на сигнал с места. Последовал грозный звонок из Москвы:

– Почему член КПСС, ударник коммунистического труда и победитель соцсоревнования, награждённая многочисленными грамотами, проживает в таких ужасных условиях? Немедленно разобраться и доложить!

Этот звонок наделал много шума не только на заводе, где работала мама. Стали приезжать комиссии из горкома, райкома партии. Партийное руководство заволновалось – так и должностей своих можно лишиться, Москва шутить не любит.

К нам домой стали являться различные комиссии, какие-то люди с приборами стали замерять уровень влажности, температуру, уровень шума – дом стоял близко к проезжей части – и тому подобное. И факты, изложенные в письме, неоднократно подтвердились. И нашей семье из подменного фонда предприятия быстренько выделили двухкомнатную квартиру в хорошем районе города. А кроме того, нас не сняли и с очереди для улучшения квартирного вопроса.

Это было событие неординарное для жителей нашего квартальчика, хорошо знавших нашу семью. Радость была просто безмерной, а для нас начался новый этап в жизни.

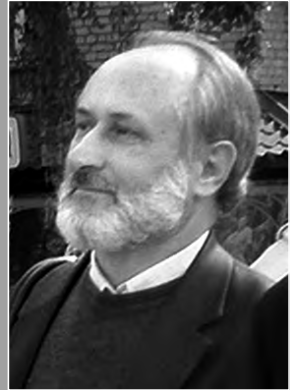
А так полюбившиеся мне и братьям песчаные карьеры ещё долго существовали в нашей мальчишеской жизни, принося радость общения со сверстниками, различные игры и подростковые забавы. Мы росли вместе с городом, любили его, и он с каждым годом становился всё роднее и дороже.

Постепенно все мальчишки-сверстники нашего квартала разъехались в другие районы города, и по-разному сложились судьбы каждого из нас. На месте бывших песчаных карьеров и на месте бывшего старого квартальчика вырос огромный, на целый квартал, многоэтажный дом. Сейчас это почти центр нашей столицы.

У нынешних мальчишек совершенно другие забавы, но нас, их отцов и дедов, память ненавязчиво возвращает в незабвенное время детства. Мальчишки из тех песчаных карьеров стали не только генералами, но и общественными деятелями, учёными, да и просто хорошими людьми, которым очень дорог их любимый город.

Поэзия

Яков ШАФРАН

Зима без снега

Задержалась осень. А зима
Пишет тонким почерком
По опавшим листьям письма,
Часто ставя прочерки.
И глядит сама исподтишка,
Как мы тут без снега.
А у нас туман, печаль, тоска. –
Где же свет и нега?
Вот и в этой ветреной ночи
Мне совсем не спится.
Словно осень, юность не спешит
В памяти укрыться.
Мудрости как не было, так нет.
Жизнь вся в ритме бега.
Старость, у которой меркнет свет,
Что зима без снега.

Наконец наш морозец-пострел
Разбросал по земле зеркала.
Ночью он за дождями поспел,
Пока вьюга ещё не мела.
И лежат поскользущи разинь
И забавы для звонких детей,
И глядятся в них солнце и синь,
А ночами – огни фонарей.

Что может быть прекрасней
Снегов кипенно-белых,
Когда в багряном гаснет
Закатный луч несмелый,
И отблесков огня
В окошках, в сельском доме,
Когда остаток дня
Лежит в вечерней дрёме?
Что может быть прекрасней
Спасения для сердца:
Красы – кусочка счастья,
Из суетного дворца?

Декабрь, и небо чистое.
Сосулька как звезда.
От серого и мглистого
Не стало и следа.
И солнца луч, как пьяный
От блеска на снегу,
В окно заглянет рьяно,
Мигнет нам на бегу.
А вечером из сада,
Томлением полна,
Глядит на всё с усладой
Дородная луна.

* * *

Возлегла зима на землю –
 Белым снегом пеньюар, –
 Сделав собственной постелью
 Крышу, дверь и тротуар.

Распахнула шёлк свой белый
 И покрыла рощу им.
 – Приходи, Морозец смелый,
 Чтоб любиться нам двоим!

Но Мороз, наверно, «в пробке»
 На дороге, на пути..
 И раздался тихий, робкий
 Вдох из девичьей груди.

Пеньюар опал и сник весь.
 И, зарыв лицо в постель,
 Плачет тихо, не противясь.
 И звенит, звенит капель.

* * *

Нынче выдался февраль:
 То придет с пургою,
 То начнет, как бабник-враль,
 Бегать за весною
 И ручьями зажурчит,
 Запоеет капелью,
 То, как юноша, вскипит
 Ревностью к апрелю.
 Перед ним покажет стать –
 Холодом ударит,
 Льдом оденет всё опять –
 Ну, зима в разгаре!
 А кокеточка-весна,
 Чуть бледна с насока,
 Сбита с толка, смущена,
 Убежит до срока.

* * *

Обнажённой женой пред супругом,
 Словно в первую брачную ночь,
 Перед первыми снегом и вьюгой
 Ждать земле уже больше невмочь.

Снег, и вьюга, да ветер-пройдоха
 Разгулялись давно по лесам,
 Закрутили березки и дохи
 Распахнули сосёнкам на срам.

Мостовая ж в постели холодной,
 Без пуховых совсем одеял,
 Смотрит в окна собакой голодной,
 Кто б согреть её, мёрзлую, взял.

Мы сидим в стенах нашей домины,
 Электричеством греясь в ночи,
 И читаем стихи про каминь:
 Как метель завывала в печи,

Как пушистою белою сказкой,
 Волшебством нам являлась зима,
 Как мороз серебристою краской,
 На окне рисовал письмена.

Проза

Светлана КРЯЖЕВА

Я ОЧЕНЬ ХОЧУ СКАЗАТЬ: ЖУК

РАССКАЗ

– Андрей, Андрей, – окликнула впереди идущего мальчика лет двенадцати девочка того же возраста, – опять Машка пропала, я уже все комнаты обыскала, во все подсобки заглянула, нигде нет!

Мальчик обернулся к ней.

– Пойдём, Настя, ещё поищем. Я знаю пару таких местечек, где можно хорошо спрятаться и никто не найдёт.

Дети направились вдоль по коридору, вышли на лестницу и стали подниматься по ней, пробираясь к входу на чердак.

Снизу приглушённо доносились всё более теряющие свою силу вечерние звуки. Заключительно пискнул музыкальный инструмент, хлопнула дверь, где-то провибрировал детский смех, промелькнул дробью топот детских ног, командно прогремел взрослый женский возглас. Детдом готовился ко сну, заканчивая все свои режимные и личные дела. Андрей открыл люк и по металлической лесенке мигом взобрался наверх. Как он и предполагал, Маша скрывалась там, весь день отсиживаясь на чердаке. В свои неполные шесть лет она имела достаточные представления о чердаках, потому как, до того как попала в это заведение, обычно скрывалась в подобных местах от истеричной полупьяной матери.

Андрей и Настя – сегодня они были дежурными – стали помогать Маше спускаться по вертикальной чердачной лесенке вниз. Малышка осторожно переставляла маленькие ножки в клетчатых тапочках с утёнками.

– Маша, Маша, что же ты на чердак сбежала? Теперь нас, как дежурных, накажут за твой побег. А ведь мы с тобой так хорошо в дочки-матери играли! – упрекнула Машу старшая девочка.

– А я, мама-Настя, ещё одного пупсика родила! – малышка беспечно улыбнулась и достала из кармана игрушечного куклёнка-голыша.

– Машенька, что это ты себе придумала! Маленькие не рожают, а просто играют в куклы. Пойдём лучше в компьютерную, я тебе игру детскую очень интересную поставил. Светлану Фёдоровну попросим с полчаса поиграть, она у нас добрая, разрешит, – вмешался Андрей.

– Я понарошку родила, чтобы родной стать, потому что я никому не родная. Я буду самой-пресамой родной доброй мамой малюсенькому пупсику! – упрямо настаивала на своём малышка.

– Да ладно, Машенька, не обижайся, мы же любим тебя. На конфетку, больше не лазь по чердакам. Ведь не будешь? – терпеливо уговаривала её Настя.

– Я буду слюсаться тибя, мама! – нарочно зашепелявила озорница, входя в роль маленькой дочурки, и засмеялась звоночком.

Настя и Андрей подхватили её за ручки, и дети все вместе стали продвигаться в обратном направлении по тускло освещённому коридору.

– Опять сегодня сорваны занятия с психологом и логопедом, Маша сбежала. Дежурные с нянями искать пошли, – жаловалась заведующая Татьяна Иванова, допоздна задержавшись на работе, ночной воспитательнице. – Вы, Светлана Фёдоровна, как найдут её, одну не оставляйте, будьте с ней повнимательнее. На заметке она у специалистов наших, психолога и логопеда. Если снова сбежит, документы придётся готовить для перевода в специнтернат для детей с психической патологией, чего, признаться, мне совсем не хотелось бы.

Светлана Фёдоровна, в прошлом учитель истории, доработавшая до самой пенсии в школе, устроилась в детдом, точнее, в детский интернат потому, что он находился рядом с её домом, а ей была нужна подработка. И в обычной школе с детьми было непросто, но здесь, как оказалось, куда труднее. Эти детки, в отличие от домашних, вовсе не выглядели «птичками», «рыбками» и «котёночками», а имели весьма наглые физиономии, жёсткий взгляд, издевательские ухмылки. В свой первый рабочий день, то есть в ночь, ей подбили глаз пластилиновой пулей, на втором дежурстве сбили с ног двое драчунов, и она сильно ушибла своё артрозное колено. Светлана Фёдоровна из осторожности старалась «сплеча не командовать», обращалась со всеми ровно, никого не выделяя. Читала детям перед сном сказки и занимательные исторические очерки, поправляла одеяла. Однако в полночь в туалете засекла троих недорослей с сигаретами, изьяла у них картишки, а утром под кроватями обнаружила опустошённые пивные бутылки. «Вот те и детки! – расстраивалась она. – Дурная наследственность так и прёт...»

«Прими, Света, внучкину одежонку для сироток, аккуратно ношенную», – как-то протянула ей соседка внушительный пакет, узнав, что та поступила на работу в детдом. Но, как оказалось, одежда принималась только с этикетками из магазина, и пакет пришлось возвращать. Детдомовские дети отнюдь не страдали от нехватки одежды, раз в полгода каждому выписывалась новая куртка, да и вся экипировка. Что касается конфет и шоколадок – оказывается, спонсоры не подкачали, буквально завалили сироток сладостями. И кружки у них были, и факультативы, а также дорогостоящий спортивный инвентарь и, чего скрывать, телевизоры и компьютеры. А в доме напротив, где проживала Светлана Фёдоровна, года три тому назад закрыли единственную на весь микрорайон комнату «детского движения» с кружками художников и вышивальщиц. По всему видать – детдомовские дети

имели приоритет перед домашними. Детдомовцы также имели право бесплатного проезда на городском транспорте, да только к кому им ездить... Но всё это никак не компенсировало отсутствие родительской ласки. «Колючки-детки, – думала, глядя на них, пожилая женщина, – чувствуют ненужность свою родителям, сердцем и черствеют. В войну сирот люди не бросали, усыновляли, последним куском делились, а теперь, при полном-то изобилии, избавляются от детей бездушно в угоду своим низменным страстям».

Как бы то ни было, но добродушную Светлану Фёдоровну дети быстро «раскусили», только первое время испытывали её терпение проказами. Как-то сразу установился между ними прочный мир, даже секреты свои поверять ей стали, знали – своя, не выдаст. Может честно осудить по-родительски, хлопнуть слегка по попе, но и обнимет, и пожалеет от сердца.

Валентину же Владимировну, психолога, боялись все. Дети – за педантичную злопамятность и бесконечные унижения. Заведующая – за угрозу отправить всех сколько-нибудь нестандартных детей в специнтернат с психической патологией («пришить дело»).

Валентина Владимировна в отличие от классического стиля заведующей, ходившей всегда в костюмах, так и не остригшей толстой, уже поседевшей, закрученной в узел косы, полностью приняла современную моду и стиль «инженю». В свои почти сорок лет она стремилась выглядеть вдвое моложе, своим ультрасовременным видом как бы бросая вызов сложившемуся укладу. В обтягивающих светлых лосинах и унизанной блёстками тунике, с массивной позолоченной цепью на шее, она взирала с высоты внушительного роста на окружающих хищно и подозрительно, несмотря на широкую, явно нарочитую, вывешенную напоказ улыбку. Весь её облик выражал полную готовность реагировать с места в карьер.

– Я Вас уверяю, Татьяна Ивановна, что цветовой тест Люшера прекрасно раскрывает всю их грязную подноготную, а по тесту Розенцвейга все они (*имелись в виду дети*) аутичные и гипервозбудимые создания, потенциальные убийцы или самоубийцы. Спецучреждение по ним плачет и тюрьма аукает.

Татьяна Ивановна поначалу не придавала значения таким скоропалительным заключениям, не принимая их всерьёз и объясняя чрезмерной старательностью не вполне сложившегося специалиста, но с течением времени это начало её раздражать.

– Работайте, Валентина Владимировна, спокойно, в плановом порядке. Постепенно появятся и обоснованные результаты. На сегодняшний день, к сожалению, Вы очень напоминаете боксёра на ринге или прокурора на обвинительном процессе, а вовсе не работника детского учреждения, отстаивающего интересы ребёнка.

Заведующая Татьяна Ивановна ни в коем случае не являлась противницей научных методов в воспитании сироток (или полусироток). Более того, сама она тридцать лет назад, будучи молодым специалистом после окончания психфака Ленинградского университета, тоже пробовала применять различные методики к детям, но, имея аналитический склад ума и чуткое сердце, вовремя осознала и поняла, что наука подчас слепа, а жизнь многогранна, и без любви к детям, без душевной склонности и чуткости нечего делать среди обиженных судьбой детей.

И она приняла воспитанников в своё сердце, неидеальных, с серьёзными недостатками, не всегда здоровых, но стремящихся найти в жизни своё назначение. Всяких она перевидала и педагогов, но у неё всегда хватало терпения находить общие точки соприкосновения со всеми, кто желал детям добра, кто разделял с ней ответственность за их будущее. Валентину Владимировну в качестве психолога ей рекомендовало начальство, выбирать не пришлось. Так случилось, что диплома психолога как такового у той и не было, зато была бурная биография. Свыше десяти лет она проработала учителем географии в школе на периферии и уже в зрелом возрасте повысила квалификацию по специальности психология, затем с полгода стажировалась у американских квакеров, получив сертификат тренера-психотехника, и посчитала себя вправе экспериментировать на детях. Собственная жизнь её была крайне неустроена: многочисленные непродолжительные браки, суды с бывшими мужьями из-за раздела собственности и поведения балбеса-второгодника сына, исключённого за дурное поведение из нескольких школ. Проживала она на съёмной квартире.

Дети с первого же дня знакомства с Валентиной Владимировной единодушно прозвали её Американкой. Этому послужило горячее преклонение её перед американским образом жизни, постоянные сравнения «наших тупых сограждан» с «замечательными американскими квакерами», у которых она обучалась.

– В Америке этого нет, в Штатах это не принято! Все цивилизованные страны, в первую очередь Соединённые Штаты... – без устали поучала она коллег.

Бесконечная гордость за своё квакерское образование, полученное во время перестройки из «рук доброй воли», сквозила в каждом слове и жесте новоявленного психолога. В подтверждение своих взглядов ретивая психологиня ратовала за уход подростков из семьи.

– Вообще семейное воспитание противоречит демократии и свободе личности. Все эти мамы-папы с указаниями и ремнями... Подросток должен созреть духовно, а семья в этом вопросе – тормоз. Надо смело рвать семейные узы, эти рабские цепи!

Она гордилась тем, что приложила немало усилий в открытии знаменитой ночлежки для трудных подростков в одном из районов столицы (пункта укрытия от семейного насилия). А чтобы обеспечить её наполняемость, собирала детей у себя на съёмной квартире, как на перевалочной базе, предоставляя им ночлег.

– Подросток ищет свободы, и первый его самостоятельный шаг – освобождение от семьи! Грядёт век демократии, и мы не должны оставаться в стороне. Наторала мать, ударил отец ремнём – нечего им прощать, надо раз и навсегда бросить семью! – призывала она.

– Выходит, я своему сыну-неслуху теперь по попе дать не имею права? – удивлялась, слушая её, уборщица тётя Поля.

– Выходит, так! – сверкала позолоченными аксессуарами Валентина Владимировна.

– Чтой-то я тут не пойму! А если мальчонка к сигарете тянется, его всю жизнь уговаривать надо? Ежели он мать в грудь толкает, отца на фиг посылает? По русской поговорке – секи дитя, пока поперёк лавки умещается! И церковь не запрещает розог дать неслухам, – оборонялась как могла тётя Поля.

Светлана Фёдоровна, случайно оказавшаяся поблизости, включилась в разговор.

– Иной раз и «ремушок» помогает. Моя дочь в пятнадцать лет погуливать начала с компаниями, так я её валенцем по одному месту отхлестала, чтоб про девичью честь помнила, не забывала. А родители подруг уговорами занялись. Так моя – честной девушкой замуж вышла, образование получила, стала хорошей женой и матерью. А у тех девиц прежде чем сформировались понятия о девичьей чести, этой чести уже и в помине не осталось, напрочь девки сгулялись. Их родители и по сей час горюют, сожалеют, что ремня вовремя не всыпали, не пристрожили.

– Зарубите, милейшая, себе на носу: это не столь важно, что дочь загуляла или сын запил! Главное тут – духовное раскрепощение. А в нашем обществе молодёжь зажата, не умеет себя выразить. То – нельзя, это – не положено. Но поймите, уже наступает время всеобщей демократии, и нам пора равняться на цивилизованные страны, в первую очередь на Соединённые Штаты Америки! Хватит следовать дедовским традициям! Пора усвоить – личность должна стать свободной, чтобы развиваться! Впрочем, что я бесполезно теряю время – вам этого не понять! – заметив протест и неприятие в глазах слушателей, воскликнула разгневанная Валентина Владимировна.

Заведующая подошла незаметно, вслушалась и тоже высказала своё мнение.

– В Штатах принято свободное ношение оружия, плоды этой свободы и демократии через день можно обозреть на экране телевизора – стрельба и убийства в школе, на улице, в гипермаркетах, в частных домах и учреждениях. У нас другая страна, более строгая мораль и нравственность. Отца с матерью почитать принято. Но если родители, выражаясь вашими словами, «духовно раскрепостились», работу побросали, пьют, детьми не занимаются, то их к ответу призвать надо. На то и закон у нас существует! А личность, к Вашему, Валентина Владимировна, сведению, прежде чем раскрепоститься, созреть должна, осознать не только свои права, но и обязанности перед обществом. Иначе, сегодня сын-недоросль из семьи хулиганить и бродяжить ушёл, а завтра, став старше, так же как родителей, бросит и свою жену с ребёнком. Вот Вам плоды «всеобщей демократии»! Так что с Вашим мнением, дорогая Валентина Владимировна, разрешите не согласиться. И поймите, что у нас здесь, в стенах «детдома», должны сложиться крепкая семья и добрые отношения. Дети не должны быть потеряны для общества!

Татьяна Ивановна стала всерьёз подумывать о том, такой ли психолог необходим здесь, где только стоит неосмотрительно подтолкнуть ребёнка на ложный путь «демократических свобод» и «духовного раскрепощения», и тот, не ведая, что творит, предаст разрушению социальные устои общества. Ей предстояло уходить в скором времени на пенсию, и было страшно оставлять дело всей своей жизни на таких вот отравленных «демократическими свободами» специалисток-недоучек, охаивающих всё своё, отечественное. Сердце у неё сжалось, и она направилась обратно в свой кабинет, чтобы принять валидол.

Тем временем дежурные Настя с Андреем, отправив отысканную малышку в спальную, возвращались в свои комнаты. Услышав гортанный командный голос Валентины Владимировны, Настя совсем расстроилась.

– Опять Американка раскомандовалась. Завтра озверееет совсем, опять доведёт Машку. В прошлый раз в коробку от телека её положила, сказала, чтобы «в гробу»

лежала, а детей заставила «надгробные речи» произносить, всё плохое о Машке. После этого что оставалось Маше делать? На чердак идти прятаться!

– Я про этот случай Татьяне Ивановне говорил, и ещё кто-то не вытерпел, тоже рассказал. Так что заведующая в курсе, но как она может что-то изменить, если Американке все не указ. И Толика из третьего класса изгоем прозвала, понимала бы, что порой говорит. Толик лучше всех рисует, талант у него, просто тихий и молчаливый он.

Тускло мерцало уже ночное освещение, детский дом погружался в сон. Татьяна Ивановна домой так и не ушла, заночевала на кабинетном диване, допоздна размышляя над делами воспитанников.

Утро началось с проблем. В кабинет заведующей вошла логопед, высокая иссиня-черноволосая и чернобровая молодая женщина со стрижкой каре, дорабатывающая свой срок молодого специалиста. После вежливого приветствия она деловито начала:

– Я вполне согласна с мнением психолога по поводу этой Маши. Сильная задержка развития, чего и стоило ожидать. Сами понимаете, кило пятьсот при рождении, родители потомственные алкоголики. У неё обнаружены наиболее серьёзные дефекты речи: -ш не выговаривает, а также -ж, -р и другие звуки. «Фуба, фапка» – ну что тут скажешь! Всё понятно! Показательный тест также не прошла – на одной ножке не может прыгать, что свидетельствует о серьёзном недоразвитии левосторонней доли мозга. Предлагаю поставить вопрос о переводе её в специнтернат для детей с особенностями развития, где ей и место.

– Какой у Вас по счёту в этом году ребёнок с подобным диагнозом? – поинтересовалась Татьяна Ивановна.

– Восемнадцатый. Девять перевели при поддержке психолога в специнтернат для детей с психическими нарушениями, троих усыновили дальние родственники, одного – под вопросом, возьмут ли, остальные, те, у которых имеются проблемы по медицинской части, находятся на санаторном лечении, – чётко отрапортовала логопед. Чувствовалось, что вопрос ею проработан, она тверда в своих рекомендациях, и напрямую спорить с ней бесполезно.

– Всё же, я прошу Вас, не делайте пока насчёт Маши окончательных выводов. Я сама пообщаюсь с ней, – деликатно попросила Татьяна Ивановна.

Время приближалось к полудню, когда детишек отпустили подышать свежим воздухом в сад. Татьяна Ивановна, не глядя на себя в зеркало, привычными движениями поправила шпильки в своей собранной в узел на затылке косе, взгляд её упал на барахтающихся на подоконнике в косых лучах солнца воробышков. «Беззащитные мои пташки, радуются, дети им зерён насыпают... мои маленькие», – отозвалось с нежностью в её сердце. Она вышла из кабинета, спеша застать Машу во время прогулки. Проходя мимо кабинета психолога, Татьяна Ивановна обратила внимание на какую-то распечатку на дверях. «Билль о правах» – прочла она и подумала: что бы это значило? Неожиданно дверь отворилась, и, как будто специально ожидая её, вышла Валентина Владимировна.

– Ах, Татьяночка Ивановна, простите меня, дуру, «Фросю Бурлакову» бесстыжую, за вчерашнее. Я ведь, не догадалась, что она Вам так дорога, эта Маша. Обещаю аттестовать её на «отлично», в этом же году в школу отправить! Не такая уж она «бьяка», имеются и похлеще. Вообще прекращу всякое вмешательство. Возьму

другую девочку, Люду, например, тоже дочь алкоголиков, даже показания протоколов менять не придётся, только имя. Поймите, мне совершенно безразлично, точнее, без разницы, кого отправлять в «психушку». Поверьте мне, я же не специально её выбрала! – вдруг высыпала она столь резко, что заведующая опешила.

– Не знаю. Сама её посмотрю, – раздумчиво ответила она непонятно о которой девочке. – А что это за «Билль о правах», американский, должно быть? – неожиданно спросила она Валентину Владимировну.

– Ну, это я погорячилась, могу и снять. На семинарах нам распечатки раздали.

– Но, по-видимому, вовсе не для вывешивания на обозрение?

– Ну да, конечно! Я тут ещё одну идейку имею. Давайте, Татьяна Ивановна, лучших наших детей на экскурсию в банк отведём, я уже договорилась. Пусть дети узнают, какие вклады бывают и как можно приобретать деньги, не работая. В жизни пригодится, спасибо скажут, – раздумянулась Валентина Владимировна.

– Не торопитесь, – смущённо улыбнулась заведующая, – позже обсудим.

– Так как же моя встреча с банкирами? Я уже назначила!

– Повремените. Это не актуально, – ответила Татьяна Ивановна, подумав при этом: «Точно – Американка. Недавно ещё только в столицу прибыла, деньги у всех в долг, включая уборщиц, занимала на съёмную квартиру, а теперь встречи банкирам назначает, шустра». И добавила: – Вам бы, Валентина Владимировна, в банке и работать, для детишек уж больно Вы накалены, а там, где «куют» капитал, в самый раз!

– Я обязательно подумаю об этом серьёзно. Спасибо большое за дельный совет! – сверкнула Валентина золотой американской улыбкой.

Не в очень-то хорошем настроении, скорее в каком-то тревожном, отправилась Татьяна Ивановна в тот дальний уголок сада, где обычно играла Маша. Она тихо прокралась за кустами сирени, села напротив на скамеечку и стала наблюдать, как девочка достаёт своих пупсиков. Маша предпочитала играть без подруг. Стараясь подражать педагогам, «взрослым» голосом она произнесла, делая упор на шипящие:

– Скак-жи: ш-шкаф, ш-шуба, ш-шапка!

– Фкаф, фуба, фапка... – отвечала она слабым голосом.

– Нет, надо сильнее ш-шипеть: ш-ш-шуба! Вот как, повторяй за мной!

– Сюба... фуба... суба... – безвольно отвечала она за пупсика.

– Скаж-ж-жи: ж-ж-жук, ж-ж-жаба, лож-ж-ж-ка, – продолжала девочка тестировать бестолкового пупсика, сдвигая грозно брови к переносице.

– Зюк, зяба, лёська, – отвечала она уже как бы за саму себя.

Хмурясь изо всех сил, она вновь заключала за логопеда:

– Нет, что мне с вами делать! Надо всех на переделку отправить в спецучреждение!

Как видно, ей надоело это занятие. Маша отошла в сторонку, вынула из кармана прыгалку и беспечно заскакала на одной ножке.

Удивлению Татьяны Ивановны не было границ! «Так вот она какая актриса, эта Маша! Но и специалисты хороши – ограничиваются одними сухими методиками, это и робот может. Горе-специалисты! Да и я хороша – довела дело до обострения. Стареть начала. Надо за детей изо всех сил бороться!» – мелькали мысли.

– Машенька! – бросилась она к хрупкой белокурой малышке, – девочка моя родненькая, ах ты лисичка хитренькая! Да ты же всё-превсё выговариваешь! – Сердце её дрогнуло. Она крепко прижала Машу к себе, и так они и стояли, маленькая девочка и пожилая женщина, родные друг другу и близкие.

Потом Машенька заглянула в глаза Татьяны Ивановны и по-взрослому серьёзно сказала: «Я очень хочу сказать: жук».

...

Все герои – среди нас, стоит только всмотреться. Не каждому дано жить для других, любить, сострадать, подставлять плечо.

Заведующая детским домом продолжала ещё несколько лет руководить сотрудниками и воспитывать сирот, затем вышла на пенсию и усыновила пятерых своих воспитанников, среди них и Машу. Причёмски не изменила, так и ходит с косой.

В. В. успешно служит в одном из крупных банков столицы, с мужьями уже не судится, часто выезжает в командировки за границу, позолоченную цепь не снимает.

Логопед окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию о влиянии потомственного алкоголизма на речь и психику ребёнка. Работает в госструктуре, с воспитанием детей никак не связана. Оставаясь жгучей брюнеткой, по сложившейся привычке продолжает хмурить брови.

Ночная воспитательница С. Ф. по-прежнему работает в детском доме, пользуется доверием детей.

А детдомовцы ждут душевных и верных воспитателей и педагогов.

Публицистика

Лидия ДОВЫДЕНКО

Лидия Владимировна Довыденко родилась в 1952 году в Могилевской области БССР, окончила Гомельский государственный университет. Писатель, поэт, публицист, краевед, переводчик, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, автор 20-ти художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, лауреат международного литературного конкурса «Славянские традиции», международного литературного фестиваля «Русский стиль», победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси», победитель конкурса журналистских работ «Беларусь-Россия. Шаг в будущее», «Трудовая доблесть России» – «За труд во славу России», лауреат всероссийского конкурса журналистских работ «Патриот России» – 2016.

ЦАРСТВО ВЫСОКОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Мой очередной приезд в Минск стал особенным, потому что я побывала в Храме Всех Святых. Испытывая благодарную любовь к своей Родине Беларуси, куда приезжаю один или несколько раз в год из России, из Калининграда, уже более чем тридцать лет, я всматривалась в лица своих белорусских коллег, писателей и ученых, вслушивалась в голоса Родины, распознавая знакомые и незнакомые интонации. И так тепло было на сердце от посещения уникального храма-памятника в честь Всех Святых и в память безвинно убиенных в Отечестве нашем.

Рассказ протоиерея Феодора Повного впечатлил полнотой изложения, глубоким содержанием, красотой голоса, яркостью, высоким стилем, широчайшим кругозором. Глубиной веры удивила личность отца Феодора. О себе он сказал немного, только то, что учился по специальности дизайнер, поступив в Минский театрально-художественный институт, что восемь лет был настоятелем в храме-памятнике русской славы в городе Лейпциге, входившем тогда в состав ГДР.

В 1991 году в Минске был зарегистрирован приход во имя Всех Святых. И отец Фёдор Повный прошел долгий путь от идеи, которая нашла поддержку у Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко, до её воплощения в жизнь.

В морозный декабрьский день мы остановились у огромной статуи библейского Моисея, установленной между шатровым Храмом-Памятником и Храмом в честь

Святой Живоначальной Троицы – это деревянная церковь, возведенная по старинному способу «без единого гвоздя», из белорусского леса-кругляка.

Поздоровавшись и познакомившись с собравшимися, отец Феодор начал свой рассказ: «Мы думали о том, как у православного храма найти место и другим конфессиям. Была мысль о строительстве на этом месте фонтана, но какого? В Минске около 40 фонтанов. И вот после молитвы, после духовного делания родилась такая мысль: а что, если поставить статую пророка Моисея? Путь библейского Моисея – это путь к Христу. Когда он коснулся жезлом скалы, из неё потекла вода. В летнее время в нашем фонтане тоже течёт вода, звучат светомузыка и колокольный звон. А накануне Крещения, уже 17 января вечером, мы выходим и освящаем воду в специальной купели. Мы ставим две палатки с двух сторон, для мужчин и женщин, и у нас получается Иордан. И в Крещение день и ночь трое суток люди купаются и молятся. Чтобы мистически привязать Моисея к нашему фонтану, я специально поехал в Египет, поднялся на гору Синай, привёз оттуда камушек, который теперь лежит у ноги Моисея. При открытии комплекса преосвященный митрополит Филарет сказал: «Веди нас, Моисей, в страну Беларусь из египетского плена греха».

На скрижали главная заповедь на 15-ти языках. Каждый пришедший сюда из любого уголка земли находит себе здесь место. Была такая реальная история. Один японец хотел покончить жизнь самоубийством почему-то здесь, в Минске, почему-то в нашей национальной библиотеке, но перепутал остановки общественного транспорта, вышел раньше, подошел к Моисею и прочитал заповедь на японском языке: «Возлюби Бога твоего, как самого себя!». Японец был потрясен открывшимся смыслом. И принял решение креститься. И так он обрёл новую жизнь. Приехали греки к нам с дарами волхвов. Снег кругом. А они говорят: «Мы настолько пропитаны благодатью, что нам тепло». Те немцы, которые искали Бога, приходили к православию. Это не один и не два случая. Такое бывает, ведь вера – это дар Божий. Божественная истина отпечатывается на скрижалях сердца, и тогда начинается процесс духовного рождения.

А теперь мы пойдём в храм во имя Всех Святых. Здесь Царство высокой духовной жизни. Место поминовения и памяти. Мы традицию и современность объединили. Священное понятие для нас – Беларусь».

И мы подходим к дверям храма-памятника в честь Всех Святых и в память безвинно убиенных в Отечестве нашем. Храм символизирует память и благодарность всем тем белорусам, которые погибли на разных войнах, защищая родину. Мы не поднимаемся по ступеням, а заходим с другой стороны здания в особое священное место – это крипта, находящаяся в нижней алтарной части. На дверях барельефы, которые носят название «Слезы Беларуси» и символизируют места, имеющие для белорусов особое значение: Грюнвальд, Сморгонь, Соловки, Хатынь, Тростенец, Чернобыль.

Отец Феодор продолжает свой рассказ: «Форма пламени свечи, каждая клема отражает трагическую страницу. Сморгонь – 800 дней в осаде в первую мировую войну, где немцы применили отравляющие газы. Многие не знают того, что вся линия фронта в первую мировую войну в основном проходила по Беларуси, лишь немного – на Украине и в Прибалтике. По каждой клеме можно докторскую диссертацию написать. Соловки – сколько там белорусов погибло, более 200 000! Пальмовые ветви – символ паломничества. Дверь тяжелая и большая, как наша жизнь».

Отец Феодор открывает дверь, «тяжёлую, как жизнь», и мы оказываемся в светлом открытом пространстве, в центре которого находится стеклянный ку-

пол в виде девятигранной пирамиды, через стекло видно помещение нижнего придела, где хранится священная земля, политая кровью белорусов, находящаяся в специальных стеклянных сосудах, изготовленных студентами художественных учебных заведений Минска. Отец Феодор поясняет: «Там символы памяти воинов трех мировых войн. Пирамида – свет, отражённый внутрь. Там у нас захоронения воинов. Нет для этих энергий закрытых пространств, нет мёртвых, они духовно живы. Каждый входящий имеет право зажечь свою свечу и помолиться о своих предках. Зажжём свечи!»

Помощница отца Феодора раздала всем церковные свечи, и мы поставили их в память о тех, кого нет с нами. Помолились безмолвно, слушая отца Феодора, который предоставил возможность молча подойти к нишам, где стоят стеклянные сосуды с землёй из разных уголков мира, где погибли, замучены, расстреляны белорусы. Подошли к кресту Андрея Первозванного. Здесь макет подводной лодки «Курск». Суворовцы приезжают сюда уже четвертый год подряд. Здесь же мемориальные доски в память о погибших в метро в Минске в 1999 году.

Мы переходим в другое помещение. Это светлое пространство, где сияют иконописные работы палехских мастеров, в храмовом оформлении они полностью следовали белорусским традициям, получился удивительный сплав. И другие светлые помещения – для встреч небольшого круга православных и для больших мероприятий. Круглый стол с креслами, гобелены на стенах с изображениями главных белорусских храмов. Большой зал, где проходят концерты, конференции. Все оформлено с великолепным вкусом, с элементами белорусской культуры и современности.

«Должно быть пространство общения», – замечает отец Феодор и ведёт нас в храм Живоначальной Троицы, где обращает наше внимание на помещение крестильной с огромной красивой купелью, в которой может окунуться взрослый, к ней удобно наклоняться священнику с младенцем.

Перед тем как проститься и подарить на память каждому диск – видеогид по храму, отец Феодор показывает Евангелие, примечательное тем, что соседствуют в нём старославянский текст и перевод на современный язык.

Приход в честь Всех Святых – это самая красивая, самая большая церковь в Минске. Высота храма – 74 метра, выше только храм Христа Спасителя в Москве. Архитектура необычная – церковь построена в виде шатра, это дань традиции: во время войн церковные служения проходили в специальных шатрах. Но это ещё не всё. При приходе действует уникальный, многофункциональный Дом милосердия, где реабилитационный центр «Элеос», который осуществляет программу по оздоровлению нуждающихся, малоимущих, ветеранов войн и труда. Социальный центр окормляет многодетные и неполные семьи, инвалидов, людей, потерявших социальный статус. Работают швейная и иконописная мастерские, воскресная школа. В библиотеке проводятся мероприятия с молодежью, учащимися, туристическими группами. Отец Феодор еженедельно выступает на Первом национальном телеканале с передачей «Воскресная проповедь».

Личность отца Феодора, его неутомимую деятельность на благо православной Церкви и белорусского государства, его народа трудно переоценить. Покидая территорию храма, ты не замечаешь декабрьского холода, проникшись благодатью места, ощущаешь тепло и благодарность за причастность к святине, за божественную истину, «легшую на скрижали наших сердец».

Часовня

Протоиерей Павел БОЯНКОВ

Исторические аспекты влияния церковнославянского языка на современный русский язык

Церковнославянский язык пришел на Русь ещё в самом начале X века. Выдающийся русский филолог Измаил Иванович Срезневский, изучая тексты договоров русских князей Олега, Игоря и Святослава с греками (907–971 гг.), сохранившиеся в списках XIV–XV вв., констатировал, что они написаны с некоторыми характерными особенностями. У русских писцов «было более охоты удерживать формы церковнославянские, чем переименовывать их в русские», они постоянно предпочитали «книжные церковные формы языка формам устным народным».

Договор Игоря с греками 945 года упоминает о соборной церкви св. пророка Или в Киеве. Папская булла об учреждении епископии в Праге, написанная между 965 и 972 годами, «требует от чешской церкви, чтобы она следовала за Болгарией и Русью и не держалась в богослужении славянского языка». Следовательно, св. равноапостольная Ольга и современные ей русские христиане уже тогда имели богослужение и соответствующие книги на церковнославянском языке, т.е. вместе с другими славянскими народами являлись наследниками трудов солунских братьев – свв. Мефодия и Кирилла.

После крещения Руси св. равноапостольным Владимиром в 988 году приток церковнославянских текстов значительно увеличился, одновременно начались процессы их творческой адаптации к местным языковым условиям. Об этом писал А.И. Соболевский в своих лекциях по славяно-русской палеографии: «Дошедшие до нас церковнославянские памятники, написанные русскими в XI и начале XII веков, делятся на две группы: в одной мы видим церковнославянский язык не без русизмов, но сохраняющий значительную часть церковнославянских особенностей; сюда относятся, между прочим, Остромирово Евангелие 1057 года и Святославов Сборник 1073 года; некоторые из памятников этой группы имеют так мало русского, что даже знатоки смешивают их с собственно церковнославянскими; в другой – перед нами уже обрусевший церковнославянский язык, с довольно яркою русскою окраскою; сюда относятся Архангельское Евангелие 1092 года и Ми-

неи 1096 и 1097 годов. Из дошедших до нас церковнославянских текстов русского происхождения последующего времени, до конца XIV века, лишь очень немногие сохраняют яркие церковнославянские особенности; огромное большинство имеет сравнительно однообразный церковнославянский язык русского извода, церковнославянский язык, измененный русскими согласно особенностям их языка».

Эти процессы взаимовлияния и взаимопроникновения церковнославянского и русского литературно-разговорного языков не прекратились даже после Петровских реформ, кардинально изменивших ход общественной жизни. Исследователь древней русской скорописи И.С. Беляев писал «До конца XVIII века наша гражданская скоропись, служа выражением живого народного языка, находилась под влиянием ... церковнославянской грамматики».

Через язык церковной службы, язык Священного Писания и молитв, проповедей, поучения и жития святых, клиросные песнопения, обучение грамоте по Псалтыри – так год за годом, век за веком русский язык напитывался живительными благодатными токами православной духовности.

На таком культурном и историческом фоне неизбежным и естественным выглядит появление гениальной фигуры М.В. Ломоносова, о котором профессор А.Л. Бем написал так: «Сын поморского крестьянина и дочери дьякона, Ломоносов как бы уже самым происхождением своим объединяет в себе обе стихии языка, а по своему образованию был связан с той школой киевской учёности, которая сыграла такую заметную роль в истории развития русского литературного языка. В своих теоретических высказываниях Ломоносов обнаруживает отчётливое понимание значения церковнославянского языка в общем ходе развития русского литературного языка и подчёркивает положительную роль Церкви в сохранении этого византийско-болгарского культурного наследия. Им было особенно выдвинуто значение языка богослужения как живой творческой стихии церковнославянского языка, и на нём обосновывал он необходимость и плодотворность сохранения в литературном языке церковнославянских элементов. В его собственной поэтической практике язык Библии, Псалтыри и Богослужебных книг занимает видное место».

И здесь же весьма уместно предоставить слово самому Ломоносову и ещё раз процитировать его чеканные положения о трёх «родах речений», или трёх «штилях» русского языка («высокий, посредственный и низкий»).

«Первый составляется из речений славено-российских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма оветшалых. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нём можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость... Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия... Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел».

В заключение Ломоносов подводил следующий итог: «Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверяясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и собственной пользе воспоследует:

1. По важности освященного места Церкви Божией и для древности чувствует в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2. Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3. Таким старательным и осторожным употреблением отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков... Сие всё показательным способом пресечётся, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оно го без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа».

Именно этим «движением ревности» было отмечено творчество многих и многих русских поэтов и писателей. Державин и Жуковский, Пушкин, Лермонтов, А.К. Толстой, Достоевский и Гоголь, Лесков и Шмелёв – в этом кратком перечне помещены только самые яркие имена.

Профессор Бем по этому поводу в своей работе отметил: «Русская литература уделила много внимания проявлениям церковной жизни и отразила многообразное влияние церковнославянской стихии на русский язык... Через литературу влияние церковнославянской стихии в свою очередь проникло в язык, усиливая в нём столь важный для общего строя русского языка пласт».

Однако российская духовная и общественная жизнь никогда не отличалась бесконфликтностью. Глубинное противостояние добра и зла проявлялось в ней постоянно, в том числе затрагивая и рассматриваемую нами проблему.

К середине XIX века в российском обществе явно выказали себя разного рода «лишние люди», нигилисты, либералы и ниспровергатели основ типа Писарева, началось постепенное и целенаправленное расцерковление повседневной жизни народа. Обеспокоенность этим выразили очень многие представители Церкви, писатели, деятели науки и культуры, не утратившие духовного зрения и способности к анализу событий.

Уже упоминавшийся выше И.И. Срезневский еще в 1848 году писал: «...Стихии языка старославянского и русского доселе ещё тесно связаны между собой. Можно сказать даже более: совершенное очищение русского языка от элементов старославянских если и возможно, то нераздельно вместе с переворотом (отметим для себя это характерное слово, – П.Б.), который должен потрясти все основания

литературы и говора образованного общества... Отвергнув стихию старославянскую, мы должны отвергнуть всё предание, всю стихию нашего языка, всю литературу и, прежде чем удачно заменятся слова старославянского образования чистыми русскими, потерять половину слов, нами употребляемых в литературе и разговоре».

Этот провиденный Срезневским переворот произошел в 1917 году и до основания разрушил многовековой уклад жизни старой России, в том числе отразился и на народном языке.

Профессор П.Н. Сакулин, один из активных сторонников реформы русского правописания в 1917 году, называет азбуку, которая была составлена св. Кириллом, «чужой азбукой». Говоря об этой реформе, он специально подчеркивает следующее обстоятельство: «Совершившийся переворот (вновь отметим это слово, речь идет о Февральской революции, – П.Б.) создал благоприятную для неё обстановку». И здесь же он вынужден оправдываться: «На первых порах многим она (реформа, – П.Б.) может показаться чем-то «неграмотным» и потому неприемлемым», «новое правописание производит впечатление какой-то уступки письму малограмотных людей». Всё это звучит как попытка оправдаться перед авторитетным пророчеством И.И. Срезневского. Важно отметить, что реформа во многих случаях целенаправленно удаляла «древнецерковнославянские» элементы из языка.

После октября 1917 года положение ещё больше усугубилось. У А.Л. Бема читаем: «Борьба с Церковью в Советской России и насаждение безбожия имели своим следствием оскудение русского языка, подрыв в нём одного из существенных элементов, связанного с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи с ослаблением Церкви, являвшейся на протяжении вековой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка».

В этой связи небезынтересно привести мнение авторов журнала «Православный христианин», издававшегося в Риге во время немецкой оккупации: «В освобожденных от большевизма странах остро стал вопрос о советском языке – является ли он дальнейшим развитием русского языка или его упадком? Под влиянием советских газет и книг, митинговых речей в народный язык проникли целые массы новых слов и оборотов... Это – вовсе не языковое творчество, а заимствования, совершенно не соответствующие духу русского языка ни по словообразованию, ни по ударению, ни по смыслу... Возрождение России предполагает и возрождение русского языка. А для этого необходимо вернуться к старорусскому языку, языку Пушкина и его преемников в литературе. Но не для того, чтобы остановиться на нём, а чтобы устранить все языковые наслоения, как результат начавшегося разложения русской души, завершившегося большевизмом, чтобы возродить в народе чувство русского языка и чтобы пробудить действительное народное творчество».

Не следует забывать, что для советского времени было характерно повсеместное господство пресловутого «классового подхода» в литературе, культуре и науке. Например, «до 1951 года считалось, что грамотность в Древней Руси была привилегией князей, бояр, церковников, а рядовые ремесленники и вообще большинство жителей писать и читать не умели. Берестяные грамоты новгород-

цев (найденные в 1951 году, – П.Б.) доказали, что искусством письма владели и простые люди». И далее: «Значит, не бесписьменный период был тогда на Руси, а время массовой грамотности».

После Великой Отечественной войны ситуация начала постепенно изменяться. В качестве учебной дисциплины старославянский язык был включён в программы учительских и педагогических институтов. При этом утверждалось, что «курс старославянского языка, как и все прочие языковедческие курсы, должен строиться на марксистских теоретических основах, развёрнутых в гениальных трудах И.В.Сталина по языкознанию».

Так или иначе, нигилистический подход по отношению к старославянскому языку был преодолен. Приведём несколько характерных цитат из учебника старославянского языка 1952 года: «Ставши церковно-литературным языком для большинства славян, старославянский язык способствовал распространению среди них христианства и культуры... Старославянский язык сыграл значительную роль в историческом развитии русского литературного языка... Церковнославянский язык (т.е. старославянский язык, скрещённый с русским) до XVII в. употреблялся в качестве важной разновидности литературного языка у русских образованных людей. Язык юридических и иных светских деловых документов обычно опирался на живую русскую речь, но в художественной литературе и публицистике ещё в XVI-XVII вв. церковнославянские элементы значительны. С XVIII в. русский литературный язык в целом во всех жанрах стал строиться на основе живой речи, однако старославянские элементы продолжали использоваться в поэзии и публицистике с определёнными стилистическими целями. И современный нам русский литературный язык содержит в себе значительное количество словарных, фразеологических и других элементов старославянского языка, конечно, подвергшихся тем или иным изменениям в историческом развитии русского языка... Старославянский язык обогатил древнерусский язык, приобщил его к международной культуре и углубил культурные связи Древней Руси с другими славянскими народами».

Легко убедиться, что данные положения текстуально совпадают с аналогичными выводами дореволюционных филологов.

Новый этап воцерковления русского языка начался с 1988 года, после празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси. Открытие храмов и монастырей, воскресных школ и духовных учебных заведений, проповеди священников и их выступления в средствах массовой информации, обилие духовной литературы и религиозных изданий – все эти факторы оказали существенное влияние на современный русский язык.

По мере вхождения в Церковь всё большего числа людей различного уровня образованности этот процесс будет становиться ещё более интенсивным и затронет все языковые пласты и стили.